

Ю.Л.Зерчанинов

ИДИ НА КОРТ

Когда серебряные трубы
возвещают победу,
они зовут на пьедестал
не только победителя,
они славят СПОРТ:
разум и силу,
мужество и волю,
верность, отвагу и честь;
они славят ЛЮДЕЙ,
отдавших сердца спорту,
зовущих своими делами,
своим примером
на жизненный подвиг.

Сердца, отданные спорту

Ю.Л.Зерчанинов

ИДИ НА КОРТ

*Документальная повесть
о заслуженном мастере спорта,
заслуженном тренере СССР
Н. С. Тепляковой*

Москва
«Физкультура и спорт»
1977

Зерчанинов Ю. Л.

З-57 Иди на корт. Предисл. И. В. Ильинского, М.,
«Физкультура и спорт», 1977.

184 с. с ил. (Сердца, отданные спорту)

Книга повествует об удивительной спортивной судьбе Нины Сергеевны Тепляковой — заслуженного мастера спорта СССР, заслуженного тренера СССР.

Имя Тепляковой проходит через всю историю советского тенниса. В двадцатые-тридцатые годы она почти бессменно была первой ракеткой страны. А с пятидесятых годов в нашем теннисе задают тон ее воспитанницы. Ольга Морозова — лучшая ученица Тепляковой — одна из сильнейших теннисисток мира.

Почему балерина Теплякова долгие годы всех побеждала на корте? Как, став тренером, ей удалось соединить две линии своей жизни — балет и теннис? Как уже в семьдесят лет она продолжает «делать» чемпионок? Обо всем этом Юрий Зерчанинов рассказывает в своей книге.

З $\frac{60901-032}{009(01)-77}$ 6-77

7A8.4

Игорь Ильинский,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

СЛОВО О НИНЕ ТЕПЛЯКОВОЙ

Теннис всегда был для меня своеобразным гра-дусником. Если на корте я живой, юркий, то и на сцене буду подвижен и ловок. Да разве мог бы я до пятидесяти лет играть Хлестакова, постоянно не занимаясь теннисом и другими видами спорта?

А двумя своими спортивными достижениями я горжусь до сих пор. Однажды — году в пятнадцатом — я играл за сборную Москвы по хоккею. Совместная игра в хоккей сблизила меня с Дмитрием Тепляковым, через которого я и познакомился с его сестрой Ниной. Уже во второй половине двадцатых годов Нина Теплякова стала лучшей теннисисткой страны. Мы подружились, были знакомы домами.

В довоенные годы известные артисты и спортсмены близко знали друг друга и часто встречались. Теплякова, как и многие теннисисты, летом отдыхала обычно в Гаграх. Я тоже любил отдыхать в Гаграх и неизменно участвовал в традиционных теннисных состязаниях, которые проводились там каждое лето. В этом турнире с гандикапом, т. е. сильнейший давал слабейшему фору, мог участвовать каждый. Я играл в силу второго класса, но тем не менее пробился однажды в Гаграх в финал. В полуфинале я победил известного теннисиста тех лет Косякова, а в финале, играя с самим Борисом Ульяновым (в этой книге вы познакомитесь с Ульяновым. — Ю. З.), я долго сопротивлялся. Этот успех столь же памятен мне, как и игра за сборную Москвы по хоккею.

Я очень загордился после этого и на следующий год приехал в Гагры, ощущая себя чуть ли не фаворитом предстоящих соревнований. А я действи-

тельно играл тогда довольно прилично и, готовясь к турниру, даже выиграл, помню, один сет у самой Тепляковой.

И вот начался турнир, и сетка свела меня с Тепляковой. Она давала мне небольшой гандикап (+15), и это позволяло мне не сомневаться в своей победе. Я пришел на игру прямо с пляжа — несобранный, полуголый. Первый сет я проиграл 0:6. Ну, думаю, я сейчас только ставил игру, а уж во втором сете... Но и второй сет я проиграл под «0». А Нина мне потом рассказала, что она отнеслась к нашей игре очень серьезно, ибо решила меня проучить. И проучила.

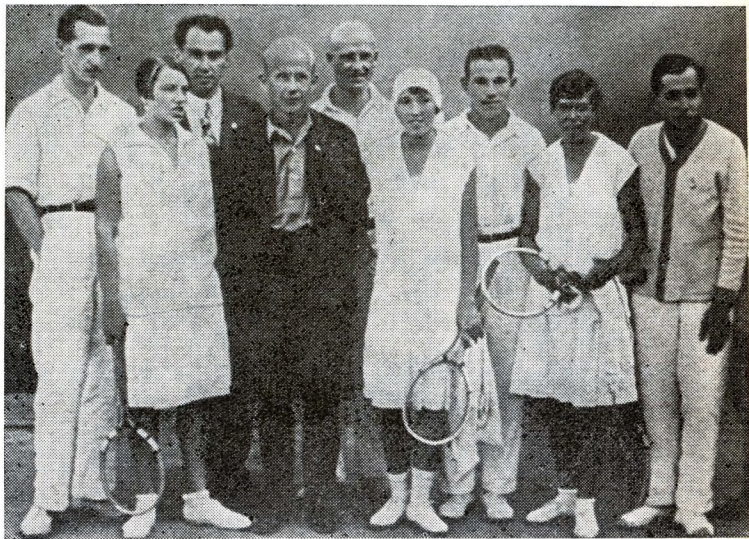
Она потому и была столько лет чемпионкой страны, что отличалась невероятной собранностью и целеустремленностью. Когда говорят о недосягаемых чемпионах, я первым делом вспоминаю всегда Теплякову. А ее темперамент! И она никогда не рисовалась на корте. Делала свое дело увлеченно и красиво.

Неужели Тепляковой уже исполнилось семьдесят? Неужели я старше ее лишь на три года? Она всегда казалась мне такой молоденькой...

Да, время течет. Вот и мы с Ниной уже стали людьми — как бы это поделикатнее выразиться? — выше среднего возраста. Недавно на даче я играл в теннис с двумя мальчиками. И меня поразило, как хорошо поставлена у них игра. А потом выяснилось, что начальные уроки тенниса им дала Теплякова. Я много слышал об успехах ее учениц, а тут на собственном опыте убедился, что недосягаемая чемпионка стала недосягаемым тренером.

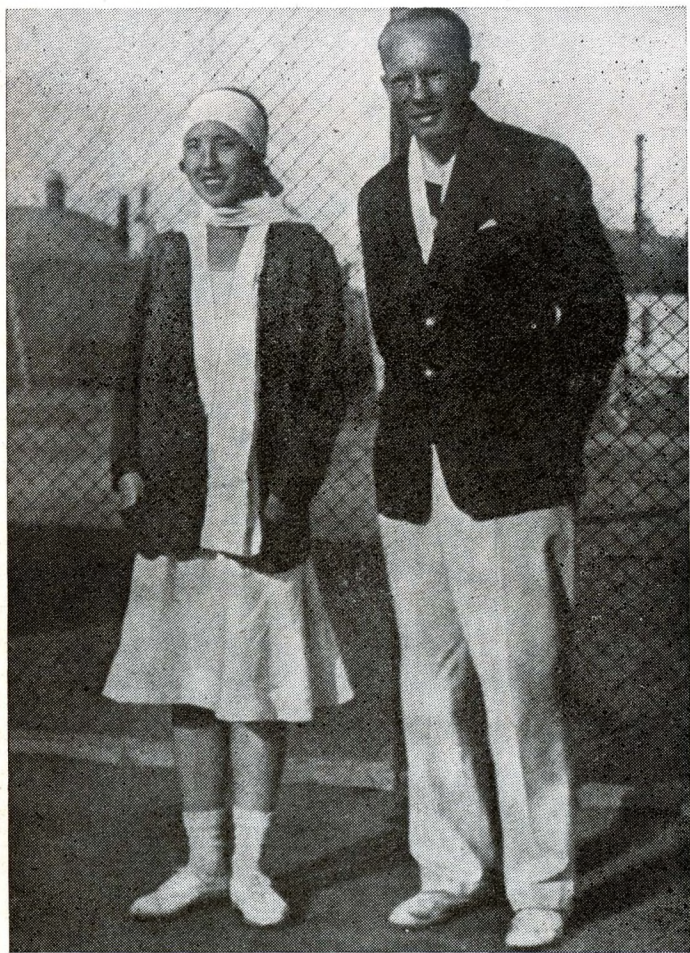

Ее коронный удар справа.

Подает Николай Иванов, открывший теннисный дар Тепляковой.

*Теннисная команда Москвы начала тридцатых годов. В центре—
Нина Теплякова, справа от нее — Борис Новиков и Софья Мальцева,
а крайние слева — Николай Иванов и Елена Александрова.*

Нина Теплякова и Борис Ульянов (снимок двадцатых годов).

Ансамбль «30 герлс», в котором работала Теплякова, и его руководитель Касьян Голейзовский.

Нина Теплякова (слева) в персидском танце из оперы «Князь Игорь».

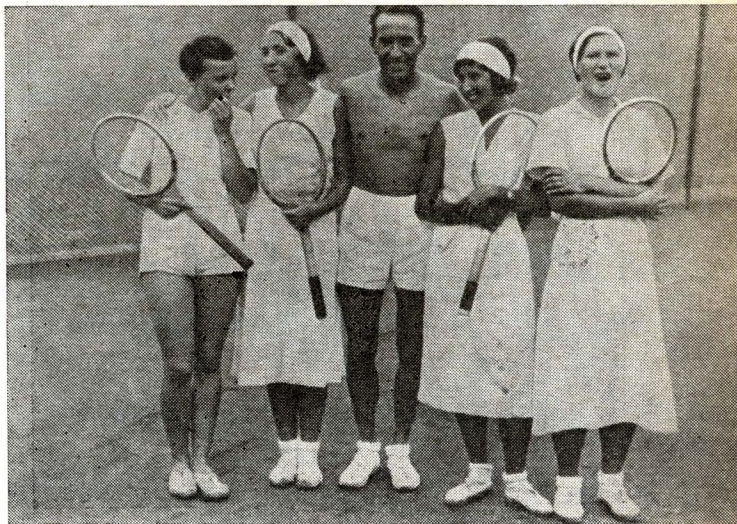
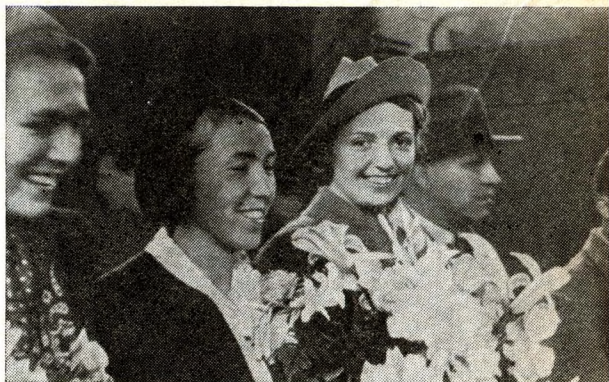

MISS MARY HARRIS, of the University of California, is one of the best tennis players in the world.

Зинаида Клочкова, которая почти двадцать лет упорно соперничала с Тепляковой (снимок двадцатых годов).

Так была слева Галина Коровина, которой, в конце концов, удалось превзойти Теплякову.

Теплякова встречает в Москве чемпионку Праги Киселову.

Теплякова рядом с Анри Коше.

Справа от прославленного «мушкетера» — Галина Коровина и Ольга Калмыкова.

В тридцать четыре года Теплякова по-прежнему оставалась непобедимой.

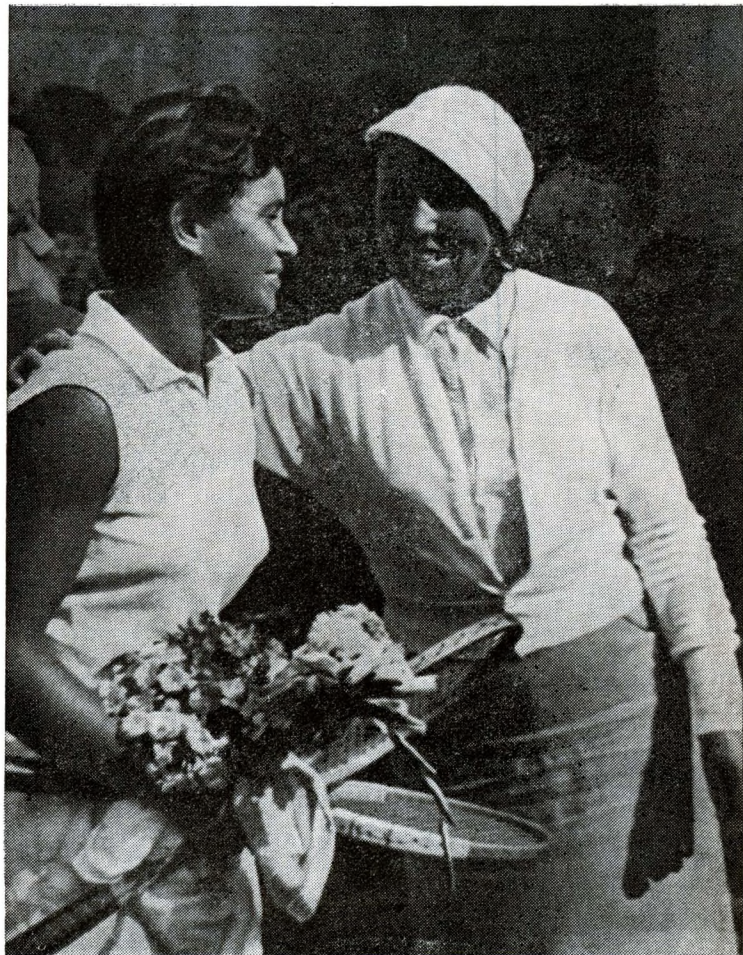
Лучшая теннисная пара страны — Морозова и Метревели.

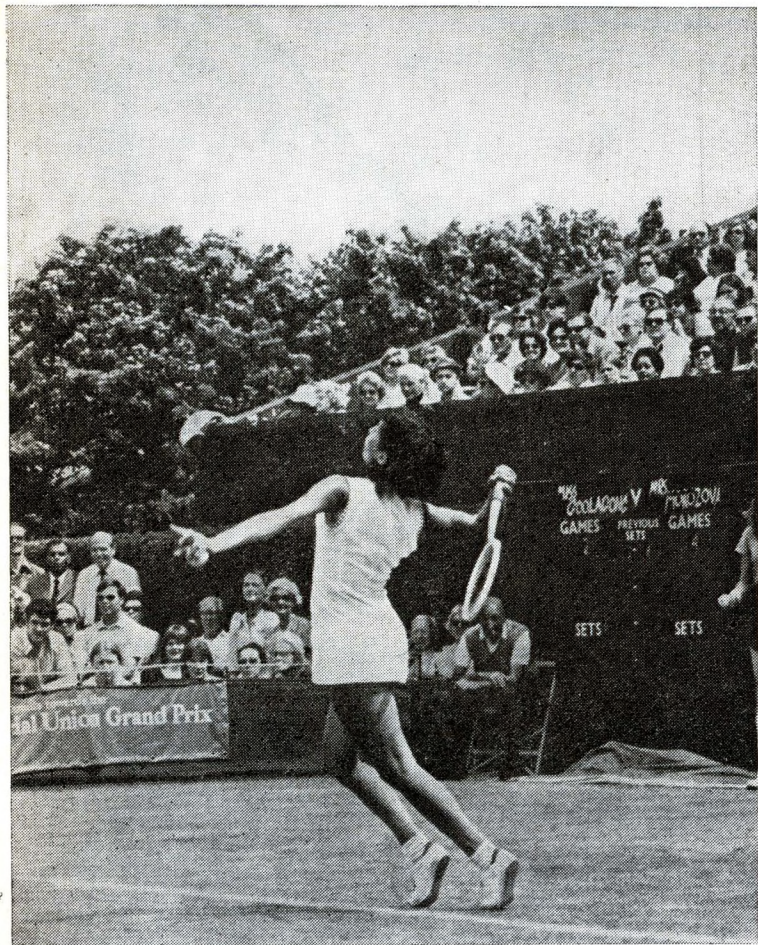
Четыре лучших теннисистки мира 1974 года: Крис Эверт, Ольга Морозова, Ивонн Гулагонг (Коули) и Билли Джин Кинг.

Теплякова тренирует свою юную ученицу Свету Черневу.

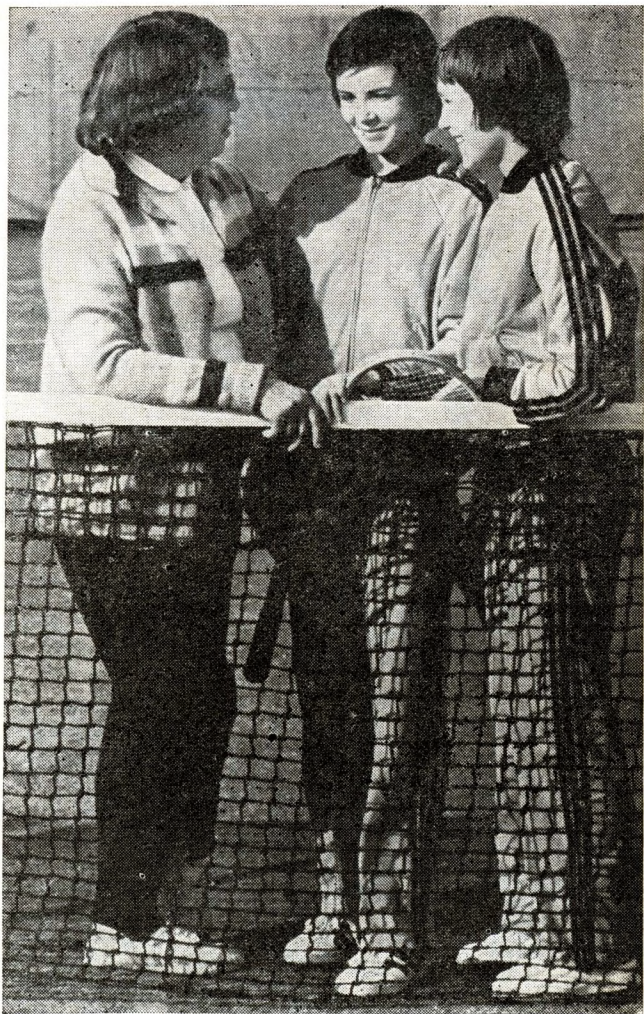

Триумф тренера Тепляковой — в пятьдесят восьмом году ее ученица Анна Дмитриева стала абсолютной чемпионкой страны.

Ученица Тепляковой Ольга Морозова, которая в 1974 году вышла в финал Уимблдона.

Нина Сергеевна с Олей Зайцевой и Светой Черновой — надеждами нашего тенниса.

*В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ,
КАК ТЕПЛЯКОВА
ЛЮБИЛА ТАНЦЕВАТЬ*

1. Десятого ноября 1974 года Нине Сергеевне Тепляковой исполнилось семьдесят лет. А в ночь с девятого на десятое ей снилось, как в жаркий летний день, кляня свой возраст и прячась от солнца под зонтиком, она идет по теннисному стадиону и жадно прислушивается, как звенят, соприкасаясь с мячом, струны ракеток. Так она идет, не спеша, вдоль площадок, как вдруг к ней устремляется какой-то человек, который, называя себя главным судьей турнира, говорит, что сейчас на центральном корте заканчивают мужчины, а потом играет она.

— Быстро переодевайся и выходи! — говорит он.

Она принимается объяснять, что когда-то играла совсем неплохо, что всех побеждала когда-то и теперь, на старости лет, не может так опозориться... Но этот нервный человек, которого прежде она никогда не видела и которого почему-то сделали главным судьей, лишь поглядывает на часы. Что же делать? И вдруг ее осеняет спасительная идея:

— У меня нет с собой формы, тапочек нет.

Она уже стоит в окружении каких-то людей, и некоторые ей даже знакомы — она их видела где-то, но только не на теннисе. Совсем молодая девушка, с которой, кажется, ей и предстоит играть, советует дружески:

— Бери такси и поезжай за формой.

И тут ей удалось проснуться.

Этот сон ей впервые приснился в конце сороковых годов, когда она уже не играла, а утвердиться как тренер еще не успела и хваталась то за судейство, то появлялась на турнирах как капитан «Динамо» или сборной Москвы. В этом случае она всегда включала себя в список команды запасным игроком, хотя и побаивалась, что будет выглядеть не лучшим образом, если ей действительно придется играть. И однажды, когда Теплякова, возглавляя команду Москвы на матче трех городов, как обычно, заявила себя запасной, перед последней встречей, решавшей исход матча, одна из москвичек получила травму...

В ночь перед игрой Теплякова почти не спала. Пыталась увлечься детективом, но не смогла. В детективах всегда кого-нибудь убивают, а ей жалко тех, кого убивают. Она ела ночью шоколад, надеясь, что это прибавит ей сил в игре с молодой харьковчанкой Байрачной. Она тщательно продумала план игры и утром, хотя ее лихорадило от бессонницы, вышла на корт предельно собранная и с ясной головой.

Зная, что у Байрачной удар слева слабее, чем справа, Теплякова стала играть ей только под левую и под левую, а когда та начинала приспособливаться, давала косою коротенький под правую. Байрачная не успела опомниться, как все было кончено.

— А если бы борьба затянулась, у вас хватило бы сил? — спрашиваю Нину Сергеевну.

— Я бы бегала за мячом, пока не упала...

Это был последний матч Тепляковой — больше она не искушала судьбу. Но тот злополучный сон продолжает ее преследовать.

2. В день своего семидесятилетия Нина Сергеевна проснулась, как обычно, в семь утра. В ее возрасте каждое утро приходится собирать себя по частям. Разминку она делает долго, несколько раз отдыхает, раскладывая пасьянс. В молодости, перед соревнованиями, она иногда загадывала: «Выйдет пасьянс — выиграю в двух сетах»*. А не выходил пасьянс, она убеждала себя, что все это вранье и все равно она выиграет в двух сетах. В это утро она разложила два пасьянса, которым ее научила еще бабушка, — «Могилу Наполеона» и «Косынку».

К десяти утра она поехала на тренировку и работала в этот день даже более напряженно, чем обычно, стремясь доказать, что скидок на возраст она не просит.

Мне возражат: все это прекрасно, но возраст есть возраст... А я и не утверждаю, что Нина Сергеевна Теплякова не помнит, что ей уже исполнилось семьдесят. Но допустить, чтобы другие об этом помнили?

Я видел однажды утром, как, припадая то на одну ногу, то на другую, она брела к станции метро. В та-

* Теннисный матч состоит обычно у мужчин из пяти, а у женщин из трех сетов.

Сет (или партия) по классическим правилам завершается, когда одна из сторон выигрывает не менее шести геймов и с перевесом по крайней мере в два гейма (6:4, 7:5,.. 24:22 и т. д.). В последние годы введено новое правило, которое позволяет при счете 6:6 разыгрывать тринадцатый гейм как решающий — теперь сет может закончиться и со счетом 7:6.

Гейм (или игра) предполагает розыгрыш не менее четырех мячей (ведя со счетом 40:0, достаточно выиграть еще один мяч). Но при счете «ровно» гейм будет продолжаться, пока одна из сторон не добьется перевеса в два мяча.

кое утро Нина Сергеевна думает лишь об одном: только бы не встретить на улице кого-нибудь из знакомых...

Она говорит мне:

— Но когда я вхожу в свой ЦСКА, я уже не хромаю. Я бегаю. Ношусь как угорелая. Кричу своим ученицам: «Я моложе вас!» Все глаза таращат: «Какая она молодец!» Никто и никогда не видел меня на кортах размазанной. Вы знаете, я играла до сорока лет — так все говорили: «Черт возьми, почему у нее ничего не болит?» А я, если даже плохо себя чувствовала, так тем более: хи-хи да ха-ха.

В семьдесят лет Нина Сергеевна так представляет свое ближайшее будущее. По-прежнему подтянутая и презирающая все эти старческие разговоры о болезнях и недомоганиях, она стоит около корта и руководит тренировкой своих учениц. Она надеется, что будет полезна своим ученицам, пока ноги будут держать ее, а глаза видеть мяч.

3. А знаете, как Нина Сергеевна завершила день своего семидесятилетия? Приняв бесчисленные букеты гвоздик и роз и выслушав бесчисленные поздравления (а одно — даже в стихах), она увела своих маленьких учениц в тренерскую комнату, где посреди стола возвышался огромный ореховый торт.

А когда разделили торт, десятилетняя Таня Сафонова — совершенный шпаненок, но умная, одаренная девочка с характером настоящего игрока — сначала уронила свой кусок торта на пол, а потом ухитрилась сесть на него. Девочки от восторга визжали. Нина Сергеевна не сомневалась, что Таня это сделала нарочно, но, вспоминая, какой сама была в десять лет, она прощает Тане многие шалости.

Торт был почти съеден, когда Нина Сергеевна громко сказала:

— Девочки, обещайте мне, что будете всегда серьезно тренироваться.

— Будем! — закричали девочки.

— И будете стремиться играть все лучше и лучше.

— Будем! — закричали девочки.

— И не оставите теннис, когда меня не будет.

Последние слова Нина Сергеевна произнесла быстро, рассчитывая, что уже вовлекла девочек в определенный ритм и они сначала выкрикнут обещание, а потом она им скажет как бы между прочим, что семьдесят — это не двадцать... Но девочки, уже открыв было рты, вдруг притихли и смотрели на нее растерянно.

— Как это так — вас не будет? — вызывающе громко спросила дрогнувшим голосом Таня Сафонова.

— Старая я уже, — сказала Нина Сергеевна, виновато улыбаясь. — И вы не должны теряться, когда однажды придете на тренировку, а меня не будет...

— Будете! — пронзительно закричали девочки.

4. Год семидесятилетия был, пожалуй, самым счастливым в тренерской жизни Тепляковой.

Ее знаменитая ученица Ольга Морозова одержала сенсационные победы на кортах Филадельфии, Парижа, Лондона и по результатам сезона была признана четвертой ракеткой мира — такого успеха наш теннис прежде не знал.

А две двенадцатилетние ученицы Нины Сергеевны — Оля Зайцева и Света Чернева на кортах Москвы, Северодонца, Львова не только победили всех своих сверстниц, но и нередко боролись на равных с более старшими девочками и даже со взрослыми теннисистками. Если в свое время Морозова, как и Дмитриева — другая прославленная ученица Тепляковой, — выполнила первый разряд в пятнадцать лет,

то Зайцева и Чернева стали перворазрядницами уже в двенадцать.

Да и другие десяти-двенадцатилетние ученицы Тепляковой — Таня Сафонова, Оля Харламова, Лена Ханга — одержали в семьдесят четвертом году на различных детских турнирах первые хорошие победы.

Все эти успехи настолько воодушевили семидесятилетнюю Теплякову, что она решила набрать себе еще одну группу учеников — совсем маленьких. В ЦСКА ей возразили резонно, что в таком возрасте у нее просто не хватит сил...

Она обиделась:

— А я жадная. Понимаете, жадная.

Мне она говорит:

— Конечно, я устаю. Прихожу домой вечером и сразу ложусь отдохнуть. Но, представьте, вдруг телефонный звонок. Света Чернева, которой я только что две новых ракетки дала, говорит: «Я все время смотрю на эти ракетки. Я их целую. Мне так хочется идти скорее на тренировку». И я уже не хочу отдыхать — мне тоже хочется идти скорее на тренировку. Нюра, сестра моя, говорит, что я ненормальная. А я только знаю, что, если буду много лежать или сидеть неподвижно у телевизора, я застыну.

Дело кончилось тем, что Нина Сергеевна все же взяла четырех новых учеников: двоих детей Анны Дмитриевой — Марину и Митю Чуковских, восьми и шести лет, и двоих детей-близнецов Николая Озерова — Коку и Надю, четырех лет восьми месяцев.

5. Успехи успехами, но год семидесятилетия стал для Нины Сергеевны и годом тяжелой утраты. Летом в больнице имени Склифосовского умер Николай Николаевич Иванов.

Они познакомились в Мамонтовке — в подмосковном дачном поселке — в первые послереволюционные

годы. В те годы в Мамонтовку съезжались летом любители футбола и тенниса, и одним из самых видных теннисистов был Николай Иванов.

Жила летом в Мамонтовке и семья бухгалтера Сергея Дмитриевича Теплякова, у которого было трое детей: Митя, Аня и Нина. Жена Сергея Дмитриевича Александра Павловна происходила из семьи староверов, а сам Тепляков был убежденным атеистом, но каждый из них не считал возможным навязывать другому свои взгляды. Надо также сказать, что бухгалтер Тепляков был человеком достаточно противоречивым: профессиональная педантичность уживалась в нем со всепожирающей страстью к игре в бильярд. У Теплякова был меткий глаз, и в десятые годы он однажды выиграл в Купеческом клубе, где собирались лучшие московские игроки, «Золотой бильярд».

Любопытно, что в тридцатые годы Нина Сергеевна попала как-то в компанию бильярдистов и, впервые в жизни взяв в руки кий, обнаружила в этой игре удивительные способности. Перед войной бильярдисты официально разыгрывали всяческие турниры, и в 1938 году друзья уговорили Теплякову участвовать в первенстве Москвы — так, представьте, она легко дошла до финала. В «Вечерней Москве» появился снимок — чемпионка страны по теннису целится в бильярдный шар.

Сергей Дмитриевич и Александра Павловна решили, что у них будет двое детей — мальчик и девочка. И будущее обоих детей Тепляковы заранее обдумали. Сына они прочили в инженеры-путейцы. У них был родственник, который поступил когда-то в Путейский институт, сшил себе красивую форму и неожиданно умер. Эта форма хранилась у Тепляковых. И когда родился Митя, было предрешено, что однажды он эту форму непременно наденет. И Митя действительно поступил в МИИТ и целый год ходил

в этой форме, а затем поменял ее на собрание сочинений Ленина.

Дочь должна была стать медиком. И действительно, заслуженный врач республики Анна Сергеевна Теплякова рассказала мне, что с тех пор, как она себя помнит, и отец, и мать, и бабушка постоянно внушали ей, что она будет заниматься врачеванием. Аня была любимицей бабушки, а та была акушеркой — закончила в Петербурге специальные курсы — и, в конце концов, склонила и внучку к гинекологии.

Через год после рождения дочери Анны жена бухгалтера Теплякова поняла, что опять ждет ребенка. Это нарушало все планы. Но когда супруги уже пришли к мысли, что третьего ребенка быть не должно, мать Александры Павловны, которая, как я уже говорил, была дипломированной акушеркой, вдруг воспротивилась. Она строго сказала дочери: «Немилого изведешь, бог милого приберет».

И родилась у Тепляковых вторая дочь, об удивительной спортивной судьбе которой и повествует эта книга.

Нина сразу сделалась любимицей семьи. Ей все прощалось, и даже ее будущее заранее не выстраивалось — пусть растет, крепнет, а там будет видно, к чему проявит склонность. Ее родителей долго преследовал комплекс вины — они не могли простить себе, что не хотели третьего ребенка.

6. Вспоминая детство, Анна Сергеевна сетует на свою судьбу:

— Между мной и Ниной разница в один год. Очень долго нас даже одевали одинаково и на дни рождения — и мои, и ее — нам дарили два одинаковых подарка. И тем не менее я никогда не была маленькой — это она была маленькой, а я всегда была старшей сестрой, которая должна отвечать за нее.

Она носится, ко всем пристаёт, всех дразнит, брат Митя кричит: «Возьми эту Нинку!» Мне кричит, это я должна была ее брать. А только я с книжкой сяду, она нарочно: «Нюра! Нюра!»

Я встретился с Анной Сергеевной на квартире у Нины Сергеевны. И сейчас на первый взгляд не определишь, кто из них на год старше, но начинаются воспоминания, и Нина Сергеевна мгновенно входит в роль младшей сестры:

— Нюра у меня очень умная! — восклицает она. — Читает книжки с пяти лет. Ужас, сколько прочла. Помню, в детстве она читает книжку, зовешь ее, зовешь, а она совершенно не реагирует. Я думаю: неужели на самом деле не слышит? Подойдешь тихо-нечко и как двинешь ей...

— Представляете, какая жизнь у меня была? — улыбается Анна Сергеевна. — А когда мы подросли, мне влетало, если вовремя не приведу ее домой со школьного бала. Бал заканчивается, а она все танцует со своим рыжим страшилищем.

— Да, я только с Булкиным танцевала, — бойко вспоминает Нина Сергеевна. — Он был огромный, рыжий, страшный, но танцевал лучше всех.

— А потом ты с ним пряталась от меня в темных классах...

— Да, я пряталась от тебя. Но только не с Булкиным. Ты все перепутала.

— Подумайте, я опять виновата.

— Как всегда! — хохочет Нина Сергеевна.

И я вижу, что Анне Сергеевне по-прежнему нравится видеть в младшей сестре ту взбалмошную девочку, с которой нет никакого сладу. А Нина Сергеевна действительно так и не научилась держаться солидно, держаться — ну, как говорят в таких случаях? — соответственно своему возрасту и положению. Некоторых чрезмерно серьезных товарищей это порой сму-

щает: «Всё эти тепляковские штучки»... Зато ее ученицы безмерно любят такую Нину Сергеевну — то она для них мама, а то совершенно на равных с ними!

— Она меня постоянно тиранила, — продолжает Анна Сергеевна. — Однажды отец принес домой бильярдный приз: дамские золотые часы. И когда мне исполнилось шестнадцать лет, он подарил мне эти часы. Нина ко мне приставала: «Дай поносить!» И наконец, я дала ей эти часы, и в тот же день у нее их в трамвае срезали. А когда она в училище поступила, то заставляла меня разношивать свои балетные туфли с твердым носком...

7. Стать балериной Нина мечтала с детства. Бухгалтер Тепляков ради младшей дочери был готов на любые жертвы и стеснения и, если бы она того захотела, определил бы ее в самую дорогую частную школу, но отвести свою еще неразумную дочь в балетное училище?.. Он ценил балет, но был убежден, что в личной жизни балерина обречена быть несчастной. А Нина говорила, что если она не станет балериной, то лучше ей умереть, пока она еще маленькая. Мать, наконец, сказала ей: «Принеси мне документ, что ты окончила школу, и тогда занимайся чем хочешь».

И Нина обреченно ходила сначала в гимназию, а после революции — в трудовую школу. Она не пропустила ни одного школьного бала, заранее предвкусывая, как будет до полной потери сил танцевать с рыжим Булкиным. А летом в Мамонтовке, когда на открытой эстраде устраивались танцы, она танцевала с братом модный чарльстон.

Влюбленный в Нину Николай Иванов смотрел, как она танцует, и сознавал, что тут он ей не партнер. Он был плохим танцором. Вот на теннисном корте — там он чувствовал себя королем. И Иванов стал убеждать Нину, что ей следует играть в теннис. Нине

льстило, что за ней ухаживает такой видный спортсмен, но играть в теннис она не хотела.

Однако вечерами на теннис собирались все дачники, там было весело, шумно. И Нина однажды позволила Иванову вывести себя на корт, и у нее действительно пошла игра и стало все получаться. С тех пор уже вечер за вечером она «гарцевала» (словечко Тепляковой) на мамонтовском корте.

8. Анна Сергеевна говорит мне:

— Я играла в теннис лучше, чем Нина, пока Иванов, окончательно влюбившись, не стал учить ее. А меня никто никогда не учил технике, но я хорошо тактически мыслила — сразу подмечала, где у соперницы незащищенные места. И была игроком первого «б» класса (современный первый разряд. — Ю. З.), хотя занималась теннисом от случая к случаю, когда позволяла работа. Я долгие годы работала хирургом родильного дома — сами понимаете, что никто меня заменить не мог. У брата тоже был первый «б» класс, и в двадцатые-тридцатые годы мы часто играли с ним пару. Я бросила теннис лишь в тридцать восьмом году — родила и бросила. Так что способность к теннису в нашей семье наследственная. Думаю, эту способность нам передал отец! Он играл лишь в бильярд, но зато — как играл!

— А вы бы сделали такой же теннисисткой, как Нина Сергеевна, если бы в то лето, в Мамонтовке, Иванов стал вас учить игре?..

— У меня не было той подвижности, но во всем остальном...

И тут-то я понимаю, что игровая страсть — в крови у обеих сестер.

— Вы встречались с Ниной Сергеевной на турнирах?

— Никогда.

9. Увидев, как Нина непринужденна на корте, Иванов подарил ей ракетку «Максим» с автографом знаменитого чемпиона России десятых годов графа Сумарокова-Эльстона.

Ракетку «Максим» создали братья Цыганковы, которые до тридцатого года имели в Москве собственную мастерскую, а затем, работая в Болшевской трудкоммуне, наладили производство ракеток «Динамо», «Антилопа Гну» и «Антилопа Бра».

И все свои победы Теплякова одержала, играя сначала ракеткой «Максим», а затем — ракеткой «Динамо».

Известный московский мастер и коллекционер ракеток Александр Алексеевич Тарутин познакомил меня с любопытной рукописью — в 1963 году по его просьбе Иван Трофимович Щепкин, племянник братьев Цыганковых, изложил историю создания первой русской ракетки «Максим». Щепкина, как и братьев Цыганковых, уже нет в живых, но, к счастью, осталось это свидетельство — воспоминания Щепкина. Я изложу их, а обращаюсь к цитатам, буду сохранять своеобразный стиль автора.

Братья Цыганковы были из крестьян Смоленской губернии. Старший, Максим, выучился на приказчика и в начале века уже работал в Москве в торговой фирме «Мюр и Мюрелиз». А один из владельцев фирмы играл на Петровке, 26 в теннис. «Туда был нужен человек, заведовать кортами, с жителямством в павильонах при кортах. Вот он и пригласил Максима Матвеевича, который охотно согласился...»

Михаил Цыганков, который работал на строительстве Троицкого (ныне Кировского) моста в Петербурге, в 1902 году тоже переехал в Москву и поступил слесарем на завод. Спустя год приехал в Москву из деревни и тринадцатилетний Иван Щепкин и все лето прожил у дяди на Петровке. «Он в то время уже

научился играть в теннис и тренировал некоторых членов клуба. Я тоже все дни проводил на кортах и начал учиться играть, а к осени уже неплохо владел ракеткой. Играл с дядей Максимом и кое с кем из новичков клуба». Другой дядя устроил племянника на завод братьев Лихушиных, где сам работал.

«Там нас и застала революция 1905 года. Так как мы с дядей не только принимали участие в забастовке, но и готовили холодное оружие, нас на завод снова не приняли. Мы некоторое время были безработными. Тогда, в начале 1906 года, Максим Матвеевич созвал совет с Михаилом Матвеевичем и мной и предложил начать производство спортивного инвентаря. Мы договорились: и Михаил Матвеевич, и я дали согласие...

Первое, что нам надо было, это определить, из каких материалов сделаны иностранные ракетки. Для чего мы распорили несколько старых поломанных ракеток. Расклеили и разобрали их по деталям. Узнали, что обода согнуты из брусков дерева, похожего на наш ясень. Он, сравнительно с другими породами крепкого дерева, хорошо гнется. Не ломок и по весу подходит.

Клинок, соединяющий оба бруска обода, может быть из бука, дуба, чинары, березы, ильма. Вкладыш — брусочек для расширения ручки — это ель, сосна. Утолщение ручки с двух сторон — это карандашное дерево красное, ольха, липа. Конец ручки, так называемый затылочек, — это сафьян, гранитоль, клеенка. Ремешок на конце ручки — коола. Все эти материалы были найдены и куплены на складах и магазинах Москвы. Из приобретенных материалов детали изготовили все.

Вот распарить и согнуть обод оказалось дело сложное, но Михаил Матвеевич внезапно воскликнул — его взгляд упал на большой самовар. В него входило два ведра воды, и он был достаточно высок, чтобы

погрузить брусок в воду. Самовар предназначался для кипячения воды для чая членам клуба теннисистов.

В этом самоваре и были распарены первые бруски для гнутья ободов. В самовар помещалось штук 10 брусков. Бруски кипятили около часа, и 6 штук согнули, а остальные были поломаны в шейках обода. Так на формах сушили на солнце три дня. Затем были склеены все детали, и получились обода для ракеток. Качество их нас, конечно, не удовлетворяло. Много было еще испробовано всяческих приспособлений и новшеств, но первые ласточки уже появились».

Максим Цыганков, который финансировал производство ракеток, снял под мастерскую подвал, и работа развернулась. Михаил Цыганков — мастер на все руки, отличавшийся редкой смекалкой, — сконструировал специальную парилку, в которой, в отличие от самовара, можно было распаривать по 30—40 брусков сразу. Затем он придумал станки, чтобы гнуть обод, а также делать в нем отверстия для струн. Струны Максим Цыганков выписывал из Англии — платил по два рубля за комплект. Но когда его брат и племянник натягивали струны, обод часто деформировался. Надо было как-то усовершенствовать натяжку да и многое другое: ракетки Цыганковых стоили вдвое дешевле зарубежных, но спрос на них был мал.

«Тогда Максим Матвеевич и решил поехать в Англию с надеждой подсмотреть, как там делается. Он рассчитывал, что англичане откроют ему двери фабрик и заводов.

Не зная никакого другого, кроме русского, языка, он приехал в Бирмингам. Пригласил переводчика и рассчитывал, что с ним его пустят. Но, увы, их так и не пустили никуда! Максим Матвеевич предложил фунты стерлингов переводчику, чтобы он как-либо

узнал кое-что... Переводчик тоже и один ничего не мог узнать. Кроме способа натяжки струны, а именно, что во время натяжки струны в середину обода вставляется какая-то машинка, а какая, он не мог узнать.

С тем и вернулся Максим Матвеевич, злой и с ругательствами, в Москву из Бирмингама.

Выслушав Максима Матвеевича, Михаил Матвеевич тотчас же начал думать о машинке, а на второй день изобрел и сконструировал ее. Машинка была изготовлена. Это винт впереди и сзади со щеками, который ограничивал деформацию обода и при помощи которого можно было натянуть струны любой силы, не испортив формы ракетки. Машинкой этой системы стали пользоваться все, кто делает натяжку ракетки самостоятельно».

Наконец Цыганковы стали делать вполне сносные ракетки, но спрос на них по-прежнему был невелик. Тогда Щепкин поехал на лето в Петербург и, работая теннисным тренером в Таврическом кружке спортсменов, познакомился с новым чемпионом России — юным Сумароковым-Эльстоном. Он попросил Сумарокова поиграть ракеткой Цыганковых, но тот забраковал ее. Целый год Цыганковы, принимая все замечания чемпиона, улучшали свою ракетку, и наконец Сумароков согласился ею играть.

«Тогда я спросил Михаила Николаевича, можно ли на ракетках «Максим» ставить автограф, т. е. его фамилию. Он дал согласие, и я попросил его для этого сделать роспись, что он и сделал. И так появились на свет лучшие русские ракетки «Максим»-Сумароков. Автограф я переслал в Москву, и там изготовили штампы «М. Сумароков» и делали золотое тиснение на ракетках «Максим» высшего сорта.

А когда чемпион России Михаил Сумароков стал играть русскими ракетками, тогда ими заиграла вся

Россия, а главное — Петербург и Москва. Авторитет Сумарокова, качество ракеток и дешевизна их завоевали славу и спрос».

Мастерская братьев Цыганковых уже стала именоваться фабрикой. Помимо «Максима» они выпускали ракетки «Москва», «Идеал» и детскую ракетку. Они делали и другой спортивный инвентарь.

Уже в советское время, в двадцатые годы, Максим Цыганков построил в Марьиной роще новую мастерскую, которая производила в год до четырех тысяч ракеток. В 1930 году частное предприятие братьев Цыганковых перешло в собственность государства, а сами создатели русской ракетки, как я уже говорил, были приглашены организовать производство ракеток в Болшевской трудкоммуне.

«В Болшеве производство все ширилось, и ракеток стали делать по 6—8 тысяч штук, ими снабдили все города Советского Союза, и даже те, где и не было кортов. Качество ракеток было хорошее и среднее. Ракетки стали экспортировать на восток и в Германию. Но настал 1941 год, и Болшевская фабрика стала демонтироваться...»

Иван Трофимович Щепкин так заканчивает свою рукопись: «Может быть, и неинтересно обо всем, что мною написано, читать, но получалась цепочка, т. е. так и цеплялось одно за другое. Хотелось все вспомнить и изложить для памяти».

Когда в 1939 году для наших ведущих теннисистов были закуплены в Англии фирменные ракетки «Максплей», Теплякова осталась верна ракетке «Динамо»

10. В архиве Бориса Алексеевича Ульянова, известного в прошлом московского игрока и автора многих книг о теннисе, я обнаружил краткие биографии пятидесяти лучших советских теннисистов, составленные им в 1949 году.

В биографии Тепляковой указывается: «Начала играть в теннис с 1922 г. под Москвой, на Мамонтовке».

Да, летом двадцать второго года Теплякова впервые стала серьезно тренироваться — в то лето Иванов предложил ей сыграть с ним микст (смешанную пару) на чемпионате Москвы. До этого Нина, выходя с Ивановым на мамонтовский корт, не столько играла, сколько поддразнивала своего партнера. «Ты будешь бегать?» — спрашивал Иванов. А она смеялась. Она чувствовала, что нравится Иванову. Но опозориться и подвести Иванова на чемпионате Москвы она не хотела. И, готовясь к этому турниру, старательно выполняла все указания своего партнера.

11. В двадцать втором году у нее уже не было причин противиться теннису. Она не терзалась, как прежде: ничего не хочу, а хочу только быть балериной. Закончив школу, Нина поступила на вечернее отделение хореографического училища Большого театра.

Первый урок классического танца той взрослой группе, в которой она занималась, дал Асаф Мессерер. Нина знала удивительную балетную судьбу Мессерера — он научился танцевать только в шестнадцать лет! Может, и у нее есть шанс?

Нина боготворила Мессерера. В очередной раз пойти на «Тщетную предосторожность» или на «Красный мак» с его участием было для нее праздником. Родители давали ей на обед деньги, но по дороге в училище, проходя мимо лотков «Моссельпрома», она часто покупала на все деньги шоколадных конфет, съедала одну, а остальные, прокравшись после занятий в преподавательский гардероб, опускала в карман пальто Мессерера. Она старалась отличиться на его уроках. Но хотя она быстро реагировала на движе-

ния и была хорошо координированна, ее ноги оказались излишне жесткими для классического балета. Мессерер утешал ее, говоря, что помимо классики есть характерные танцы и там она сможет найти себя...

12. На первенство Москвы Иванов заявил Теплякову и в одиночном разряде. Но первую же встречу она проиграла под «0», а затем «помогла» своему партнеру проиграть и микст.

— Нет, я не буду больше играть в теннис, — сказала она Иванову.

— Ты что, с первого раза хочешь стать чемпионкой Москвы? — влюбленный Иванов осерчал. — Надо работать.

И на следующее лето она уже не поехала в Мамонтовку, где был лишь дачный теннис, а осталась в Москве, чтобы серьезно тренироваться. Иванов ввел Нину, уже как свою жену, в высший теннисный свет, где поначалу она держалась робко, так что никто, кроме Иванова, который ежедневно с ней занимался, и не догадывался, на что она претендует.

В ту пору Теплякова уже ощущала, хотя и боялась себе окончательно в этом признаться, что настоящей балериной ей быть не дано, как бы она ни изнуряла себя у станка. А год за годом выходить на сцену Большого театра, чтобы танцевать в «Евгении Онегине» на балу?..

Нина Сергеевна говорит мне:

— Я только теперь понимаю, как была бездарна. Мессерер должен был просто выкинуть меня из училища, но он, очевидно, жалел меня. Так и я жалею теперь иных девочек, которые очень хотят стать теннисистками, хотя я сразу вижу, что играть в настоящий теннис они никогда не будут.

А Теплякову толкнула в теннис неудача с бале-

том. Она из тех, которые готовы сломать шею, но быть первыми. Три лета она остервенело тренировалась (играть в теннис зимой, в закрытых залах, у нас стали лишь в середине тридцатых годов) и в 1926 году уже одержала кое-какие победы, а на следующий год была признана первой ракеткой страны.

На чемпионате Москвы 1927 года Теплякова, играя вместе с Ивановым, победила и в миксте. Наконец-то, пять лет спустя, она выиграла чемпионат Москвы! Но так случилось, что мужем и женой они тогда уже фактически не были...

13. Со временем она целиком посвятит себя теннису, но, прежде чем решиться на это, еще раз попытается утвердиться в балете.

Помня слова Мессерера, что она сможет найти себя в характерных танцах, в январе 1930 года Теплякова поступает по конкурсу в балетный ансамбль Московского мюзик-холла «30 герлс», которым руководил Касьян Голейзовский.

В книге «Заметки на нотных страницах» музыковед Леонид Энтелис вспоминает: «По сцене, кулисам, узким горловинам коридоров вихрем проносились малоодетые, неправдоподобно длинноногие девушки, которым все прощалось, потому что они принадлежали к экзотическому в ту пору племени «герлс», и еще потому, что вождем у них был Касьян Голейзовский. А вы понимаете, что значит Голейзовский?»

Касьян Голейзовский писал в те годы:

«В старых классических балетах четкий, математически выверенный массовый жест являлся чуть ли не основой всего хореографического построения.

Из старых рисунков старого классического танца родился теперешний синкопический танец «Gerls».

«Gerls» — танец хорошо организованной группы женщин, где движения, в строгом согласии с опреде-

ленным ритмом, симметрично чередуясь, создают простое, здоровое и захватывающее зрелище».

Голейзовскому были необходимы танцовщицы определенного типа, роста, с хорошей школой, но не очень «закрепощенные» классикой. Готовиться к конкурсу Тепляковой помогала ее ближайшая подруга по училищу при Большом театре Нина Архангельская, которая уже работала в ансамбле (когда-то они вместе участвовали в детском балете «Красная шапочка», где Теплякова танцевала Фею, а Архангельская — Ромашку). Из трехсот претенденток Голейзовский на этот раз отобрал лишь четырех и среди них Теплякову.

Герлс выстраивались строго по росту. Первой выходила самая маленькая — Люся Чернышова, которая и была капитаном. Нина Архангельская шла двадцать четвертой, Нина Теплякова — двадцать пятой. А замыкающей, тридцать второй, всегда была Татьяна Леман. Да, именно тридцать второй, хотя ансамбль назывался «30 герлс».

А в самых первых афишах, как вспоминает Татьяна Николаевна Леман, ансамбль назывался «40 герлс», на самом же деле на сцену постоянно выходили тридцать две танцовщицы, и в отдельных номерах Голейзовский разделял их на четверки и восьмерки. Леман всегда была замыкающей, даже когда в ансамбль принимались более высокие девушки. «Я идеально смотрелась последней», — говорит она.

Руководство ансамблем «30 герлс» — лишь эпизод в биографии знаменитого балетмейстера, но он успел поставить в мюзик-холле целый ряд удивительных номеров. Мы привыкли сегодня, что на спортивных парадах гимнастки изображают «волну». А кто придумал «волну»? Голейзовский. У его герлс в программе московского мюзик-холла «Букет моей бабушки» этот номер назывался «Змея». Каждая из деву-

шек брала другую под локоть, и их руки змеились, синхронно делая восьмерки.

Нина Сергеевна уговорила Нину Ксенофоновну Архангельскую показать мне, как они это делали. Правда, та поначалу отказывалась, ссылаясь на возраст, но Теплякову это лишь веселило, и она кричала: «Архангел, ты ужасающе положительный человек! Я удивляюсь, как ты со мной дружила?» Архангельская улыбалась: «Всю жизнь я попадаю из-за нее в дурацкие положения». А когда они наконец показали «Змею», Нина Ксенофоновна мне сказала: «Признаюсь вам, что мы были тогда немного пластичнее и стройнее и были несколько обнажены...»

Они выходили на сцену то в золотых, то в белых, то в красных туфельках, их трико были обшиты блестками. И нашлись критики, которые сочли, что ансамбль Голейзовского должен выглядеть «серьезнее». О том, что случилось далее, рассказали Ильф и Петров в фельетоне «Саванарыло»:

«Мюзик-холл был взят хаңжами в конном строю одним лихим налетом, который, несомненно, войдет в мировую историю кавалерийского дела.

В захваченном здании была произведена рубка лозы. Балету из тридцати девушек выдали:

30 пар чаплинских чоботов	30
30 штук мужских усов	30
30 пасторских сюртуков	30
30 пар брюк	30.

Штаны были выданы нарочно широчайшие, чтоб никаким образом не обрисовалась бы вдруг волшебная линия ноги.

Организованные зрители очень удивлялись. В программе обещали тридцать герлс, а показали тридцать замордованных существ неизвестного пола и возраста.

Во время танцев со сцены слышались подавлен-

ные рыдания фигуранток. Но зрители думали, что это шутки Касьяна Голейзовского — искания, нюансы, взлеты.

Но это были шутки вовсе не Голейзовского».

Нина Сергеевна вспоминает, что одно время они были вынуждены даже на репетициях облачаться в какие-то нелепые штаны, а перед зрителями теперь появлялись то в паранджах, то в пионерских костюмах — и в этом номере ко всему прочему пели: «Здравствуй, милая картошка, тошка, тошка, пионеров идеал...» Но и в подобных номерах прорывалась фантазия Голейзовского, и бывшие герлс, начиная танец с пилами, вдруг превращали их в горжетки.

Как раз в ту пору Голейзовский поставил и «Теннис» — номер, который ансамбль исполнял в настоящей теннисной форме, с ракетками. О том, что одна из этих тридцати двух теннисисток — первый игрок страны, многие зрители не догадывались. Афиши это умалчивали, что Теплякову несколько не огорчало. Она была уже склонна думать, что может претендовать на настоящий успех, выходя с ракеткой на корт, а не на сцену.

Летом мюзик-холл работал с концертной программой в Парке культуры и отдыха (ныне ЦПКиО им. Горького). Однажды Теплякова присела за кулисами на свой спортивный чемоданчик и задремала. Рядом, прося рыбу, ревели морские львы, и этот рев заставлял вздрагивать молодого Токарева, который читал на сцене «Турксиб», но Теплякова, прежде чем изобразить теннисистку, весь день действительно занималась игрой в теннис и теперь крепко спала, не слыша никаких львов. Уставая от репетиций и тренировок, она приноровилась засыпать в начале концерта хотя бы на полчаса, зная, что перед выходом на сцену Архангельская разбудит ее. Но на этот раз ее разбудил веселый администратор Рогатский.

— Ты не забыла, как надо махать ракеткой? — спросил он нарочито строго.

Рогатский работал в мюзик-холле недавно, и для него Теплякова была лишь той девушкой из ансамбля, которая выходит на сцену двадцать пятой.

— А настоящий теннис, небось, никогда и не видела? — продолжал он.

— Где уж мне, — дурашливо ответила Теплякова.

Когда через несколько дней они встретились на Петровке, 26, куда Рогатский привел свою дочь, чтобы найти ей тренера, администратор долго удивлялся:

— Так, значит, ты первая? Вот как оказывается...

Не один год проживет Теплякова под знаком этих двух чисел: то ее будут ставить первой, то — двадцать пятой. И когда в тридцать третьем году после ухода Касьяна Голейзовского ансамбль возглавит Наталья Глан (как балетмейстера ее влекло к эксцентрике, она участвовала в постановках Таирова и Мейерхольда), которая для каждой танцовщицы будет искать свой сценический облик, Тепляковой по-прежнему не удастся особо выделиться. Но сегодня, когда былые страсти — балетные, но отнюдь не теннисные! — утихли, Нина Сергеевна трепетно вспоминает, что когда-то была артисткой Московского гостеатра мюзик-холл и, выходя в балетных номерах, работала в одних спектаклях вместе с Мартинсоном, Тениным, Токарской, Мироновой...

В середине тридцатых годов Московский мюзик-холл был закрыт, распался и его балетный ансамбль. Судьба бывших герлс сложилась по-разному. Люся Чернышова, их капитан, стала известной драматической актрисой и долгие годы работала в Центральном детском театре, Нина Архангельская одно время была солисткой балета Московского театра оперетты, затем ушла на преподавательскую работу в ГИТИС.

А Татьяна Леман, замыкающая, и по сей день работает на эстраде! Несколько лет назад вместе с многолетним партнером Сергеем Русановым она отправилась в Африку, и они добрались со своим «скетч-комик» (так именуется в зарубежных афишах их оригинальный номер) до древнего города Тумбукту, где сцену, на которой они работали, освещал «летучей мышью» министр культуры республики Мали. И помните, в последней серии «Семнадцати мгновений весны», когда Штирлиц приходит в Берне на конспиративное свидание в варьете, на сцене появляется комическая пара — так это Татьяна Леман с Сергеем Русановым.

А о дальнейшей судьбе Тепляковой мне очень хорошо сказала Мария Владимировна Миронова:

— Во всех спектаклях нашего театра — а в мюзик-холле шли великолепные спектакли: «Под куполом цирка», «Артисты варьете», «Как 14-я дивизия в рай шла» — у меня были номера с девушками из ансамбля. Каждая из них была настоящей балериной, могла работать солисткой. И когда расформировали мюзик-холл, многие герлс стали артистками Москонцерта. А Нина пошла другой дорогой — теннисной. Это было ей предназначено судьбой. Я считаю, что у нее красивая судьба. Она может гордиться тем, что сделала в теннисе — и как чемпионка, и как тренер.

Я не пропускала ни одной ее игры. Нина и на корте оставалась артисткой, балериной.. Она была страшно тоненькая, и, когда она посылала мяч, мне казалось, что она летит вместе с мячом.

14. После двадцать седьмого года Теплякова уже не выходила вместе с Ивановым на корт, однако в решающие моменты ее спортивной биографии он всегда оказывался рядом. Он сидел у сетки центрально-

го корта на теннисном стадионе в парке ЦДКА, держа в руках лимоны и полотенце, и 18 июля 1938 года, когда в сорокаградусную жару в присутствии пяти тысяч зрителей Теплякова играла с чемпионкой Праги Киселовой.

В тот год в нашу страну приезжала команда теннисистов пражского клуба «ЦЦЦ». До войны наши теннисисты фактически не встречались с настоящими зарубежными игроками, и приезд «ЦЦЦ» был великим событием. Лидеры чехословацкой команды Сиба и Киселова уверенно побеждали наших ведущих игроков — в первой встрече быстро, в двух сетах, уступила Киселовой и Теплякова. Она никак не могла достать укороченные мячи Киселовой — она впервые столкнулась с такой манерой игры. Тогда Теплякова поехала вслед за Киселовой в Киев и Ленинград и, присматриваясь к ее игре, запомнила движение кисти, которым Киселова посылала укороченный мяч.

И вот 18 июля они встретились вновь. В первом сете Теплякова, ужасно нервничая, уступила со счетом 2 : 6. Со стороны казалось, что наша чемпионка опять ничего не может противопоставить своей маститой сопернице, на самом же деле, проиграв первый сет, Теплякова успокоилась и сказала себе: «Ну, теперь я в тебя вцеплюсь»...

И во втором сете, заранее угадывая, когда Киселова готовилась сделать укороченный удар, она бежала на хавкорт и эффектно убивала мяч, а иногда и сама играла вдруг укороченно. Этот сет закончился с тем же счетом 6 : 2, но только в пользу Тепляковой. В перерыве перед решающим сетом Иванов сказал Тепляковой, что она все делает правильно, и протянул ей лимон, который она пожевала, чтобы не пить.

Она повела 2 : 0 и уже увидела, как ее осыпают цветами и несут на руках в раздевалку, но тут Киселова взяла подряд четыре гейма. Теплякова вдруг по-

чувствовала, что скисает, что ноги не держат ее. При очередном обмене площадками Иванов, обмахивая ее полотенцем, прошептал:

— Нина, ну еще немножко...

Она сравняла счет. Киселова повела 5 : 4. Она сделала по пяти. Она уже знала, что умрет, но игру не отдаст. Киселова повела 6 : 5, но она опять сравняла счет. И тут Киселова, которую тоже уже оставляли силы в эту сорокаградусную жару, попросила Сибу налить ей стакан воды. Теплякова обрадовалась: ну, теперь тебе будет плохо, теперь я тебя доконаю. Сама она лишь опять пожевала лимон. Но, выиграв следующий гейм и, наконец, выйдя вперед, она ощутила, что у нее темнеет в глазах. Она подумала: боже мой, опять этот чертов мяч летит и надо его отбивать, ведь я сейчас упаду...

— Нина, осталось еще немножко, — заклинал ее Иванов.

Приняв подачу Киселовой, она сразу, с квадрата, залепила мяч по линии — 15 : 0. Под следующую подачу она забежала справа и вновь залепила мяч по линии — 30 : 0. Следующие два мяча они разыгрывали долго, не рискуя, и счет стал 40 : 15. У Тепляковой — два матчбола!* Но Киселова первый же мяч посылает в сетку, и Теплякову осыпают цветами и несут на руках в раздевалку.

В раздевалке в ведре со льдом для нее охлаждался нарзан. Она выпила одну бутылку, другую, потом опустилась на колени и сунула в ведро голову...

А ночью ее видели на карнавале в парке имени Горького — она качалась на качелях.

* Матчбол — ситуация, при которой можно закончить матч в свою пользу выигравшем одного мяча. Матчбол может быть и двойной (40 : 15), и тройной (40 : 0). Матчбол возникает, естественно, лишь в решающем сете, а в одном из предыдущих сетов подобная ситуация именуется сетболом.

15. Шли годы. На турнирах, где играли уже ученицы Тепляковой, Иванов возглавлял обычно судейскую бригаду. И если Тепляковой не нравилось, как составлено расписание встреч ее девочек, она отчаянно ругала Иванова, хотя он был признанным «королем расписания». Но ни одно семейное торжество в доме Тепляковой не обходилось без Иванова, а в доме Иванова — без Тепляковой.

В начале лета семьдесят четвертого года я не раз был свидетелем, как Нина Сергеевна, вроде бы продолжая вести тренировку, вдруг менялась в лице:

— Что же с Колей-то делать? Плох Коля...

Вечером она звонила сестре:

— Нюра, скажи мне как врач, можно надеяться?..

Но, навещая Иванова в больнице, она держалась так, словно его болезнь — досадная случайность, о которой и говорить не следует, и даже поддразнивала его, как когда-то на мамонтовском корте:

— Нюра сказала, что ты не хотел меня видеть?

Иванов оживлялся:

— Годы тебя не меняют.

Я был у Николая Николаевича в больнице в один из его последних дней — его жена Галина Сергеевна разрешила мне поговорить с ним немного о теннисе. Но даже о теннисе Иванову уже говорить было трудно. Он лишь сказал мне:

— Заметьте себе, что в свое время Нина совершенно не хотела играть в теннис. У нее на уме были только танцы.

— Но вы, однако...

— Мне очень нравился ее удар справа.

1. Почему в свое время никто не мог превзойти Теплякову? Чисто технически ее игра была далека от совершенства. К сетке она не шла, а предпочитала держаться на задней линии. Мало того, у нее был слабый — лишь защитный — удар слева, и под мячи, которые ей посылали под левую руку, она норовила забежать справа. Чем же она брала?

2. Рассказывая, как в 1922 году она впервые участвовала в чемпионате Москвы, Нина Сергеевна утверждает, что в первом же круге проиграла под «0» Софье Мальцевой.

Звоню Софье Васильевне Мальцевой и прошу ее вспомнить подробности этой встречи.

— И вспоминать нечего, — говорит Мальцева. — В том турнире я не участвовала. Я на трибуне сидела. Нина что-то путает.

Теплякова упорствует:

— Софа старше меня — ей уже восемьдесят. Это она что-то путает, а я прекрасно помню, как она тогда обыграла меня под

«0». После этого я и сказала Иванову, что больше играть не буду.

Это может вызвать улыбку, но две бывшие чемпионки до сих пор втайне соперничают и ревностно приглядываются друг к другу.

Несколько лет назад они спускались в Киеве с Владимирской горки по обледенелой лестнице. Теплякова боялась поскользнуться, а Мальцева шла спокойно. И между ними состоялся такой разговор:

— Как же ты так спокойно идешь?

— А мне хоть бы что.

— Ну, Софа, ты молодец!

— Да, мне хоть бы что.

А в чемпионате Москвы 1922 года Мальцева действительно не участвовала. Ошибка же Тепляковой легко объяснима — в ее первые теннисные годы Мальцева не раз жестоко ее обыгрывала.

Спортивная биография Мальцевой началась на футбольном поле. Софья Васильевна хранит выцветшую фотографию десятых годов, на которой изображена женская футбольная команда Московского кружка любителей спорта: одиннадцать гимназисток в матросских блузках, в коротких суконных брючках и в скороходовских туфлях на низком каблуке! Мальцева была капитаном и центрфорвардом этой команды. И другая фотография тех лет — легкоатлетические состязания в Сокольническом парке. Спортсменки бегут в длинных юбках! Мальцева и здесь — впереди всех.

Легко ей дался и теннис. Мальцева всерьез увлеклась теннисом лишь в двадцать лет, когда перешла в клуб «Унион» (этот клуб располагался в Самарском переулке — там, где ныне стадион «Буревестник»). Теннисисток в «Унионе» почти не было, и Мальцева играла с мужчинами. Внимательно приглядываясь, как играют те ее партнеры, техника ко-

торых ей нравилась, она ставила себе удары и, в конце концов, без чьей-либо помощи научилась и достаточно сильно подавать и укорачивать мяч и, выходя вперед, резко играть с лёта. Словом, для своего времени Мальцева играла крайне разнообразно и агрессивно.

Первый теннисный чемпионат в советской Москве был разыгран в 1918 году. Софью Мальцеву, которую в то время знали лишь в «Унионе», никто поначалу всерьез не принял (турнир собрал ряд игроков, известных в Москве еще в дореволюционные годы), но она уверенно дошла до финала, где встретилась с фавориткой турнира Анной Генц. Проиграв первый сет, Генц взяла перерыв, отдохнула. Импульсивную Мальцеву этот перерыв расслабил, вывел из игрового настроения, и второй сет она отдала. Тут Генц вознамерилась вновь взять перерыв, но Мальцева запротестовала, и судья согласился с ней. Соперницей Мальцевой была дама, играющая в теннис. А Мальцева уже была спортсменкой, первой настоящей спортсменкой среди наших теннисисток. И в конечном счете спортсменка превзошла даму.

На этом турнире Софья Мальцева впервые увидела, как блистательно играет в теннис артист МХАТа Всеволод Вербицкий. Но чемпионы Москвы 1918 года Мальцева и Вербицкий познакомятся лишь через несколько лет и, объединившись в пару, одержат в двадцатые годы немало славных побед.

Софья Васильевна вспоминает: «Всеволод, по моему, вообще никогда не тренировался — наигрывался в турнирах. А когда ему было тренироваться? Днем — репетиции, вечерами — спектакли. Но когда мы выходили на корт, у нас было полное взаимопонимание. В других микстах тогда больше играли мужчины, а женщины где-то болтались, а у нас все равно было. И мы никогда не ссорились, хотя оба были иг-

роками настроения. Но не шла у него игра, я больше брала на себя, а то — наоборот».

3. После чемпионата восемнадцатого года теннисная жизнь в Москве на время замирает. В те годы в нашем физкультурном движении, которое решало задачу скорейшего оздоровления широких масс трудящихся, было много крайностей, которые сегодня вызывают лишь улыбку: так, из гимнастических залов, например, выносились снаряды, упражнения на которых объявлялись извращением. Борис Ульянов пишет в книге «Теннис»: «Штамп буржуазности и аристократичности приклеивается к этой прекрасной игре и долгое время тормозит ее распространение. Индивидуальность ставится теннису в упрек, много разговоров вызывают также белые брюки и кажущаяся физическая легкость игры».

Но постепенно взгляд на теннис меняется. Журнал «Физкультура и спорт» уже требует: «Пора перестать заниматься ребяческими разговорами о «белобрючниках». Рабочий, вышедший на корт в белых ли брюках или в трусиках, от этого никогда не потеряет своего классового сознания...»

В 1922 году московские теннисисты вновь проводят свой чемпионат. Софья Мальцева, совсем было отделившаяся от тенниса, приходит на Девичье поле, где разыгрывался этот турнир, и, увидев былых друзей, договаривается о тренировках. Но свое звание Мальцева не отстаивает. А новой чемпионкой Москвы становится Елена Александрова.

4. Летом семьдесят четвертого года, собирая материалы для этой книги, я как-то условился с Еленой Дмитриевной Александровой встретиться на том самом корте, где более чем полвека назад она впервые стала чемпионкой Москвы.

На Девичьем поле — территория между Большой Пироговской улицей и Плющихой — уже нет бывшего теннисного раздолья: давно снесен старый клубный павильон, в раздевалке которого облачался в костюм для игры в теннис Лев Николаевич Толстой, из двенадцати прежних кортов уцелели лишь два. Но Александрова, храня верность «Девичке», по-прежнему проводит здесь каждое лето — обучает теннису новичков, да и сама немного играет.

Если Мальцева, которая старше Тепляковой на девять лет, еще навевается в Лужники, чтобы поиграть в волейбол (играть в теннис она себе не позволяет, стыдясь плохо выглядеть на корте) и разок другой обежать футбольное поле Большой арены, то Александрова, которая старше Тепляковой лишь на год, еще находит партнеров на корте.

— Игра у меня и сейчас не пропала, — говорит Елена Дмитриевна.

А тот чемпионат Москвы 1922 года, в котором начинающая Теплякова была кем-то (но только не Мальцевой!) побита в первом же круге, и для Александровой, хотя она всех победила, был лишь вторым официальным соревнованием. Правда, в отличие от Тепляковой, она уже в тринадцать лет всерьез увлеклась теннисом. Ее отец снимал летом дачу в Сокольниках, дочь владельца дачи Вера Первухина, которая была теннисисткой второго класса (а пробиться в первый класс в то время было труднее, чем сейчас стать мастером), и научила Александрову на кортах Ширяева поля основам игры. Но в дальнейшем Александрова играла с женщинами только соревнования, а тренировалась всегда с мужчинами.

Елена Дмитриевна вспоминает: «Почему с мужчинами тренировалась? Даже не знаю. Сами они меня тренировали. Я не просила. То ли у меня хорошо получалось? Не знаю. А когда я выиграла первенство

Москвы, меня взялся тренировать Ульянов. Тогда тренировали удары скорее на точность, чем на правильность. Ульянов ставил меня на площадку и рисовал на своей стороне небольшой квадратик. И пока я не попаду в этот квадратик, мы не бросали тренировку. У меня был страшно набит правый удар. Он не был классически правильным, но я била правым куда хотела и как хотела — и по линии, и кроссом, и прямо».

Нина Сергеевна говорит: «Александрова очень точно играла. Она била и справа и слева, но не «качала», а очень по углам разводила. У нее надо было каждый мяч выиграть — сама не отдаст. Она играла пласированно, длинно, сильно. Я многое переняла у нее. Молодежь, естественно, думает, что мы играли старомодно и плохо. Да, все мы в ту пору играли на задней линии, но очень неплохо играли».

Заканчивая характеристику Александровой, надо сказать, что она играла предельно зло — недаром ее называли «тигрой».

И действительно, чем больше она злилась, тем лучше шла у нее игра. Однажды она проигрывала сопернице, которую прежде всегда побеждала. А той к тому же все время подсказывал муж — куда бить и как бить. И это, наконец, ужасно разозлило Александрову — и она сразу завладела игрой. А мужу своей поверженной соперницы она сказала: «Ты так громко подсказывал — вот и получил». В другой раз, в Тбилиси, излишне темпераментные зрители так хотели ее поражения, что даже кричали ей под руку во время подачи: «Двойная!» Едва закончив встречу, Александрова обратилась к зрителям: «Я вас должна поблагодарить. Если бы вы болели за меня, я бы никогда не выиграла. Я вас прошу — всегда болейте против меня».

Был и такой случай, когда всю свою игровую

злость Александрова обратила против Тепляковой. Она поссорилась как-то с Ульяновым, и он начал тренировать Теплякову. И когда в ближайшем турнире Александрова вышла против Тепляковой, она ей дышать не дала поначалу — сделала в первом сете 6:0. Но она так выложились в этих шести геймах, что на дальнейшую борьбу ее не хватило. Впрочем, это было уже в ту пору, когда Теплякова Александровой не проигрывала.

5. 21 сентября 1926 года в Москве на Петровке, 26 (помните, как братья Цыганковы распаривали здесь в самоваре ясеневые бруски для ободов первых своих ракеток?) завершился «розыгрыш индивидуального первенства двух столиц» — так официально именовался этот турнир. Газета «Красный спорт» отмечала, что по спортивному интересу он был равнозначен соревнованиям на первенство СССР. В женском одиночном разряде турнир завершился неожиданно — звание чемпионки двух столиц выиграла третья (вслед за Александровой и Мальцевой) ракетка Москвы Нина Теплякова.

6. В ту пору жил на Петровке шустрый мальчик, который, подавая игрокам мячи, ухитрялся один обслуживать два корта. Впоследствии этот мальчик станет шестикратным чемпионом страны. Речь идет о Борисе Новикове.

Его отец Илья Новиков, приехав в начале века из деревни в Москву, поступил на службу в яхт-клуб, которому принадлежали и корты на Петровке, 26. Постепенно Илья Новиков сделался известным человеком в среде московских теннисистов: он не только со знанием дела ухаживал за площадками на Петровке, но и давал как тренер уроки игры начинающим, а одно время даже пытался, конкурируя с братьями

Цыганковыми, наладить производство теннисных ракеток. В 1923 году Илья Новиков, который в связи с угасанием теннисной жизни в Москве жил у себя в деревне близ Ясной Поляны, получил телеграмму от Бориса Ульянова — московские теннисисты просили его срочно возвратиться и привести в порядок корты на Петровке, 26. Новиков возвратился, а через два года вызвал себе из деревни помощника — пятнадцатилетнего сына Бориса.

Борис Ильич Новиков вспоминает: «Мы с отцом жили прямо в клубном павильоне — в маленькой комнатухе по соседству с раздевалками для спортсменов и буфетом. Терраса павильона выходила на пруд, на котором зимой устраивался каток. А летом на этом пруду когда-то катались на лодках, но в мое время он уже целиком зарос тиной. В пруд частенько попадали теннисные мячи, и тогда я раздевался и лез за ними в зеленую воду. В начале тридцатых годов пруд был засыпан, и на его месте были разбиты новые теннисные площадки.

Площадки теперь и там, где стоял старый павильон, в котором мы жили. А прежде на Петровке было лишь пять площадок: две нормальные, с большими забегами, а три — покороче. Хорошие игроки признавали, естественно, только две первые площадки.

Утром мы с отцом поднимались рано — разметали, укатывали площадки, сетки вешали. А потом целый день я подавал мячики. Я легко обслуживал один две площадки — очень шустрый был, да и темп игры раньше был иной. Даже известные игроки не утомляли себя чрезмерными тренировками — сет сыграют и сядут выпить по стаканчику чая.

Чай пили тут же — между двумя нормальными площадками и тремя остальными имелся проход, и там стояли небольшие столики. Дочка хозяина буфета (а может, племянница — уж не помню) подавала

чай прямо на эти столики. А как только мои игроки сядут пить чай, я беру ракеточку и о стенку играю. Она и теперь, эта стенка, есть, только в мое время за ней находился ресторан «Эрмитаж», а не «Узбекистан», как сейчас. Именно в «Эрмитаже», кстати, московские студенты обычно праздновали татьянин день. Через специальную дверь, которая была прорублена в стенке, можно было попасть прямо в ресторан. И в годы нэпа богатые игроки, которые приезжали на теннис на лихачах, шли потом гулять в «Эрмитаж». Они идут, закончив игру, через эту специальную дверь в «Эрмитаж», а я опять уже стою у стенки с ракеткой.

Как держать ракетку, мне показал отец, а Ульянов объяснил, как делать удары. Я внимательно смотрел, как играют знаменитые игроки, и старался их копировать. Поначалу Ульянов мне нравился больше других — у него был замашистый, красивый удар. Потом я увидел ленинградца Кудрявцева, и меня поразило разнообразие его игры».

Свой победный счет Новиков, как и Теплякова, ведет с 1926 года. Правда, если той осенью Теплякова стала на Петровке «чемпионкой двух столиц», то Новиков лишь выиграл летом на тех же кортах первенство Москвы по разряду новичков.

В двадцать шестом году Петровкой, 26 уже владело общество «Динамо», и, как свидетельствовала московская спортивная пресса, количество нэпманов на кортах Петровки в то лето было «куда меньше, чем на футболе, а тем более на бегах и скачках». А вот другая цитата: «Многое изменилось здесь с прошлого года. Традиционные белые брюки сплошь и рядом заменены трусиками. Это нововведение «Динамо»...

«Проблема белых брюк», как видите, еще волнует умы ревнителей нового быта. Но лишь игроки поколения Новикова расстанутся наконец с традиционны-

ми белыми брюками, а игроки более старшего поколения, возглавляемые самым лучшим нашим теннисистом двадцатых-тридцатых годов Евгением Кудрявцевым, играть в трусах так и не захотят.

Любопытно, что шестнадцатилетний Борис Новиков, победивший на первенстве Москвы 1926 года всех новичков, перед началом турнира тоже обзавелся белыми брюками. Правда, белые брюки у Кудрявцева и Ульянова были сшиты из более дорогого и более тонкого материала, но это не огорчило Новикова — важно, что у него были тоже белые брюки, в которых он ощущал себя уже не мальчиком, подающим мячи, а игроком.

А что касается женской теннисной моды, то никаких страстей в двадцатые годы вокруг нее не наблюдалось. Наши теннисистки играли в платьях чуть ниже коленей. Постепенно платья станут все более укорачиваться, а кое-кто сошьет себе шорты — первой будет играть в шортах ленинградка Зинаида Ключкова. Теплякова сторонится шортов, но ее теннисное платье всегда чуть короче, чем у всех остальных.

7. Безусловной фавориткой индивидуального первенства двух столиц 1926 года считалась Елена Александрова, которая с двадцать второго года была бессменной чемпионкой Москвы, а в двадцать пятом году стала и чемпионкой страны. Лишь чемпионке Ленинграда Тамаре Суходольской удавалось иногда противостоять Александровой — так, в 1924 году она победила Александрову на первом чемпионате СССР. Неизменно соперничала с Александровой также Мальцева, но в этом турнире она не участвовала.

Исход борьбы «Красный спорт» комментировал лаконично: «Не повезло чемпиону СССР Александровой, ее обыграла Ключкова, у которой затем легко выиграла Теплякова со счетом 6 : 1, 6 : 1». Как види-

те, не было даже отмечено, что в полуфинале Теплякова впервые в жизни победила Суходольскую. Сенсационным был сочтен не столько успех Тепляковой, сколько проигрыш Александровой (Зинаиду Ключкову я пока не представляю — она появится на страницах книги в свой звездный час).

Но хотя в 1926 году Александрова и сохранила положение ведущей теннисистки страны, однако именно осенью того года — 21 сентября — на Петровке, 26 началась новая эпоха в нашем женском теннисе. Эпоха Тепляковой.

8. Следующий, 1927 год Нина Сергеевна называет самым счастливым годом своей жизни:

— Я шла этот год каким-то маршем — ну все у меня получалось. Я выдвигалась и играла совершенно легко. Махнешь ракеткой — и все у тебя идет.

Выражаясь современным языком, можно сказать, что ее имя — в ряду героев того спортивного года, хотя в конце двадцатых годов спортивные чемпионы не пользовались у нас в стране такой широкой популярностью, как сейчас.

В 1927 году Советская страна отмечала свое десятилетие — подводились и первые итоги физического воспитания молодежи, обсуждались планы на будущее. Журнал «Известия физической культуры», например, с гордостью сообщал, что «более тридцати процентов всех наших физкультурников — женщины».

Но в том же журнале читаешь, что в Москве с большим успехом демонстрируется германская кинокартина «Путь к здоровью и красоте», в которой рассказывается об особом направлении в физкультуре: «...причем упражнения пластического характера проводятся в природных условиях и в большинстве с обнаженным телом». И эту тему («нагое тело через про-

никновение физкультурных заветов в массы») журнал ведет из месяца в месяц.

Журнал излагает и такую концепцию физического воспитания: одно дело, если ты занимаешься физкультурой, готовя себя к предстоящим классовым боям, если же ты хочешь выделиться, стать чемпионом, — то лишь тратишь время впустую. Тем не менее журнал постоянно помещает фотографии наших первых чемпионов и рекордсменов. Кто же из спортсменов отличился в юбилейный год, год десятилетия Советской власти?

Конькобежец Яков Мельников стал победителем первенства Европы для представителей рабочих спортивных союзов.

Лыжники Д. Васильев, А. Немухин, В. Савин, В. Дементьев совершили переход из Москвы в Осло, а мотоциклисты во главе с Чигориным — пробег от Москвы до Парижа.

6 марта в Москву возвратились студенты Князев и Фрейдберг, завершив кругосветное путешествие на велосипедах советского производства, снабженных шинами Резинтреста. Отчет об этом путешествии сопровождался снимками: «Князев и представитель Резинтреста т. Живаго купаются в Тихом океане», «Князев на муле среди кактусов в Мексике» и т. д.

Лушай стал первым советским метателем, пославшим ядро за 12 метров.

А из женщин «Известия физической культуры» выделяют легкоатлетку Марию Шаманову и теннисистку Нину Теплякову. На рабочем спортивном празднике в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) Шаманова взяла шесть первых мест и побила «мировой рабочий рекорд в прыжках в длину с разбега». А Нина Теплякова не проиграла в тот год ни одной встречи — и на внутренних турнирах, и на рабочих соревнованиях в Берлине.

9. Теннисный сезон двадцать седьмого года открылся в Москве в первых числах июня так называемой женской «американкой», в которой Теплякова победила в двух сетах — победила впервые! — и Мальцеву и Александрову.

Сообщая о победе Тепляковой над Александровой, газета «Красный спорт» отмечала: «Ее игра была удивительно точна, сильна и хорошо проведена в смысле тактики».

Вскоре в традиционном матче Москва — Ленинград, который на этот раз закончился со счетом 9 : 9, Теплякова дала своей команде два очка, обыграв и Суходольскую и Клочкову.

Эти успехи и позволили ей претендовать на поездку в Берлин, где в начале июля открывались рабочие соревнования с участием спортсменов Австрии, Германии, Латвии, СССР и Франции.

Как молодая, подающая надежды, Теплякова была включена в нашу команду наряду с опытными мастерами — Евгением Кудрявцевым, Николаем Ивановым, Евгением Ованесовым и Николаем Бочаровым.

Когда поезд, которым ехали наши теннисисты, пересек германскую границу, капитан команды Кудрявцев сказал, что он ужасно проголодался и пойдет в ресторан что-нибудь съесть. Нина Сергеевна вспоминает: «Мы долго ждали Кудрявцева, но так и не дождались. Оказывается, пообедав, он пошел в свой вагон, а вагона... нет. Пока он обедал, вагон-ресторан и еще несколько вагонов отцепили от нашего состава, и они уже шли совсем в другую сторону. Почти без денег, без паспорта, не зная немецкого языка, Кудрявцев ухитрился все же на следующий день добраться до Берлина и пришел в Советское посольство. Но можете представить, как мы волновались...»

В 1968 году Евгений Александрович Кудрявцев, рассказывая в журнале «Теннис» о первых зарубеж-

ных встречах советских теннисистов, вспомнил и берлинский турнир, отметив, правда, что иностранные участники играли слабо и нам легко достались все первые места. Теплякова, в частности, побеждала своих соперниц со счетом 6 : 0, 6 : 0.

Эти встречи не остались в памяти Нины Сергеевны. Но она помнит, как с красным флагом шла по Берлину в колонне рабочих-спортсменов, а по обе стороны улиц, у тротуаров, стояли толстомордые полицейские и одному из них — усатому, с выпученными стеклянными глазами, который стоял на углу Унтер ден-Линден и Фридрихштрассе, — она показала язык. Она помнит и гостеприимную семью коммунистов — Еву и Германа — и их небольшой домик в пригороде Берлина (наши теннисисты, как и все остальные спортсмены, приехавшие в Берлин, жили не в отелях, а в рабочих семьях). В 1935 году, когда они с Кудрявцевым, направляясь играть в Париж, делали в Берлине — в уже фашистском Берлине — пересадку, она хотела повидать Еву и Германа, но узнала, что они арестованы и заключены в концлагерь...

Возвратившись из Берлина, Теплякова на чемпионате Москвы вновь обыграла и Мальцеву и Александрову.

Нина Сергеевна вспоминает: «Когда я первый раз обыграла Александрову, она сочла это случайностью. Но когда я вновь обыграла ее, она уже немного признала меня и даже предложила вместе играть пару. Леля стала говорить уже: «Мы с Ниной...»

Александрова предложила Тепляковой вместе играть пару на Всероссийском празднике физкультуры, который в конце августа торжественно открылся в Москве. Участники праздника прошли по Красной площади, и Нина Сергеевна помнит, как шахматисты несли плакат: «В Октябре мы объявили шах капитализму, еще усилие — и мат». В рамках праздника бы-

ли разыграны чемпионаты РСФСР по различным видам спорта, в том числе и по теннису.

В полдень 28 августа, в самый солнцепек — в тот год в конце августа в Москве стояла июльская жара, Теплякова и Александрова сошлись в финальном матче. Они покидались немного, чтобы размяться, и Теплякова, увидев, как зла и собранна ее соперница, ощутила вдруг, что она по-прежнему побаивается Александрову.

Александрова начала игру, бесстрастно и точно разводя мяч по углам. Она вообще играла так точно, что могла несколько раз подряд попасть в «девятку». Но Теплякова уже тогда, если ей давали мяч под правую руку, не мазала. Давай ей хоть час, хоть два под правую, — и она не смажет. Александрова, конечно, стремилась дать ей мяч под левую руку — и притом как можно более косо, ожидая, когда она устанет, наконец, забегать справа и ответит своим защитным и довольно слабым ударом слева...

Забегать справа Теплякова не уставала, но, чувствуя, что Александрова навязывает ей свой ритм и темп, задергалась и стала губить элементарные мячи. Любой мяч, летящий в ее сторону, теперь был ей страшен — она не знала, как его играть. Она внушала себе: не волнуйся, спокойно смотри на мяч! Но ее рука еще судорожнее сжимала ракетку. Тогда она подумала: вот сейчас пробью со всей силой и пускай мяч попадет в фон, но я хоть проведу руку — раскрепощу ее.

И она пробила со всей силой, и мяч попал в фон, но рука ее действительно раскрепостилась. А перестав бояться мяча, она сразу завладела игрой, взвинтила темп и заставила уже Александрову защищаться. С тех пор, едва ощущая, что ею начинает овладевать дрожь, Теплякова всегда проводила руку, и это не раз выручало ее.

Она выиграла первый сет со счетом 8 : 6, а во втором, заметив, что Александрова выдыхается, еще больше взвинтила темп. Но тут над стадионом прозвучало какое-то объявление, и Александрова, уже подкинув мяч для подачи, не ударила по нему, а почему-то опустила ракетку. Поднялись, зашумели зрители...

Целиком захваченная азартом борьбы, Теплякова не сразу поняла, что случилось на стадионе. А было объявлено, что в этот час в итальянском квартале Бостона, главном городе американского штата Массачусетс, происходят похороны жертв классового правосудия рабочих Сакко и Ванцетти и поэтому соревнования прерываются и объявляется митинг, чтобы заклеить очередное преступление буржуазии.

Теплякова положила на столик ракетку, вытерла лицо полотенцем и пошла на футбольное поле (теннисистки играли на стадионе Металлистов — был когда-то в Москве такой стадион), где происходил митинг. А обессиленная Александрова, едва отойдя в тень, рухнула на скамейку, к ней подбежала медсестра и стала смачивать виски холодной водой. Увидев лежащую Александрову, Теплякова подумала, что теперь она отдышится и перехватит игру. Но, поймав себя на этих мыслях, она сочла их в такой момент неуместными и заспешила на футбольное поле.

Но когда митинг закончился и игра была продолжена, она поняла, что Александровой не удалось отдышаться, и уверенно довела до победы второй сет.

Теплякова победила и в паре, играя вместе с Александровой. А микст на этом турнире она последний раз в жизни играла вместе с Ивановым. Хотя совсем недавно, в финале чемпионата Москвы, им удалось победить Мальцеву и Вербицкого, но тут они уступили этой знаменитой паре уже в полуфинале...

К 1927 году восходит Всесоюзная классификация

сильнейших теннисистов страны (последние тридцать лет классификацию составляли Иванов и Мальцева — даже в больнице в день смерти Николай Николаевич продолжал заниматься классификацией). И в том самом первом списке пятерку сильнейших женщин возглавляет Нина Теплякова.

10. А в 1928 году Теплякова «завалилась». Что ж, многие восходящие игроки после первых больших побед срываются. Я склонен думать, что как раз Теплякова могла избежать этих отрезвляющих поражений. Могла, если бы вдруг не влюбилась...

Значит ли это, что в тот год она играла плохо?

Рассказывая о финальном матче чемпионата Москвы, в котором Теплякова уступила Александровой, журнал «Физкультура и спорт» сообщал, что Александрова заслуживает самых высоких похвал, ибо в сравнении с прошлым годом Теплякова удлинила удары и улучшила пласировку мяча.

Многих лестных слов удостоилась и тридцатитрехлетняя Мальцева, блистательно сыгравшая на Всесоюзной спартакиаде 1928 года. В полуфинале она буквально смела Александрову. Когда в этом матче уже все было ясно и соперницы последний раз менялись площадками, Александрова, веря, что только она теперь может справиться с Тепляковой, сердито сказала Мальцевой:

— Зачем ты, Софа, у меня выигрываешь?

А в финале Мальцева в двух сетах выиграла и у Тепляковой. Та отчаянно сопротивлялась, но что она могла сделать, если Мальцева, играя, как всегда, рискованно, на этот раз почти не ошибалась? Теплякова билась до конца, отыграла пять матчболов и лишь на шестом послала мяч в сетку.

Не умаляя побед Мальцевой и Александровой, я лишь хочу заметить, что Теплякова в тот год была

целиком во власти чувств, и тот яростный игровой напор, который в предыдущем году вел ее к победам, невольно ослаб.

11. Она вновь обретет этот напор лишь после того, как в один злосчастный день ее личная жизнь неожиданно рухнет и элементарный инстинкт самосохранения заставит ее целиком погрузиться в теннис. Со временем к ней придет жизненный опыт, и, придиричливо анализируя себя, она поймет, что не умеет раздваиваться. И когда она опять выйдет замуж, теннисисты будут острить: «Если мяч попал в Нининого мужа, то как считать — мяч попал в площадку?» Ее муж постоянно присутствовал, тихо пристроившись около корта, не только на всех ее матчах, но даже на тренировках...

12. В 1930 году Теплякова возвратит себе лидерство в нашем женском теннисе и будет его удерживать до 1940 года. Лишь в тридцать втором году в отсутствие Тепляковой (она была тяжело больна и пропустила этот сезон) чемпионкой страны вновь станет Мальцева, которая победит в финальной игре Александрову.

Спрашиваю Елену Дмитриевну Александрову:

— Чем же взяла Теплякова?

— Из «первачей», — говорит она, — и прошлых и настоящих — как женщин, так и мужчин — таких упорных не было и нет. И бегала она как никто.

А Софья Васильевна Мальцева на этот вопрос отвечает так:

— Дело в том, что я могла проиграть случайно, а Нина не могла. Вот она и обошла меня.

13. Знаменитый французский теннисист Рене Лакост, излагая историю игры, писал: «Постепенно иг-

роки разбились на две категории: одни играли на задней линии, другие брали мячи по преимуществу с воздуха. За время развития тенниса то одни, то другие брали верх, и современникам подчас казалось, что один из названных способов игры имеет безусловное преимущество. Но по мере того, как игроки сменялись, оказывалось, что это преимущество заключалось в личных их качествах, а не в самом способе, и игроки разных стилей по-прежнему продолжали сменять друг друга».

Лакост, который на год моложе Тепляковой, писал это в двадцатые годы, но дальнейшая история тенниса лишь подтвердила его правоту. Так, еще совсем недавно казалось, что игра с лёта окончательно восторжествовала не только в мужском, но и в женском теннисе. Однако в 1974 году первой ракеткой мира была провозглашена юная американка Крис Эверт, которая предпочитает играть на задней линии!

Как видите, и в теннисе истину диктует не догма, а талант. Естественно, что в эпоху Тепляковой в нашем женском теннисе торжествовала игра с задней линии, но была одна теннисистка, ленинградка Зинаида Клочкова, которая постоянно бросала вызов господствующему стилю. И когда Теплякова и Клочкова сходились на корте, — это было зрелище!

Зинаиды Георгиевны Клочковой уже нет в живых, и я не берусь рассказать, как она овладела мужской манерой игры. Атаковать, играя с лёта, долгое время считалось уделом мужчин, хотя как раз в двадцатые годы француженка Сюзанна Ленглен, названная «Королевой тенниса», доказала, что так могут играть и женщины, — и в Зинаиде Клочковой многим хотелось видеть нашу Сюзанну Ленглен.

Краткая биография Клочковой, составленная Ульяновым, начинается так: «Родилась 14.X.1903 г.

в Петербурге. Играть в теннис начала в 19 лет. В том же 1922 г. выиграла одиночное первенство Петроградского гребного общества...»

А в 1925 году Зинаида Клочкова в паре с Евгением Кудрявцевым уже выиграла чемпионат Ленинграда. Клочкова с ее игрой у сѐтки была, конечно, уникальным для своего времени парным игроком и одержала как и в женской паре, так и в миксте не меньше побед, чем Теплякова в одиночном разряде. Достаточно сказать, что в 1948 году сорокапятилетняя Клочкова (в паре с Николаем Озеровым) еще была финалистка Всесоюзных зимних соревнований.

Теплякова впервые встретила с Клочковой в 1926 году на матче Москва — Ленинград (обе они были вторыми женскими номерами своих команд) и решительно обыграла ее. В том же году, как я уже рассказывал, они играли в финале индивидуального первенства двух столиц. И хотя Клочкова до этого сенсационно победила Александрову, Тепляковой она уступила почти без борьбы — 1 : 6, 1 : 6.

Но вот что случилось в тридцать четвертом году. Приведу выдержку из статьи известного теннисиста тех лет Евгения Тихонова «Мы и они» от 20 июля 1934 года в газете «Красный спорт»: «В лице мастера Клочковой советский стиль почти вплотную подходит к лучшим мировым представительницам тенниса. Ее игра с первым игроком СССР Тепляковой в матче Москва — Ленинград 5 июля была изумительной демонстрацией современной теннисной игры мирового класса. Безукоризненная игра у сѐтки, исключительно точный и сильный смеш при достаточно верных драйвах справа и слева, умная тактика — все, вместе взятое, представляет собой выдающееся явление за все время существования тенниса в России и СССР».

Речь в этой статье шла о том, что наши теннисисты

сты должны сравняться по классу с западными игроками, а затем и превзойти их. На примере Клочковой, в которой, как я уже отмечал, хотели видеть нашу Сюзанну Ленглен, автор доказывал, что это реально.

Но в мировом теннисе между тем уже царила американка Элен-Уилс Муди, которая предлагала очень высокий темп игры и всех своих соперниц побеждала обычно в двух сетах, — так что ее называли «Двухсетовая Элен». А Нина Теплякова, пусть лишь на кортах нашей страны, но тоже всех побеждала обычно в двух сетах. Автор статьи «Мы и они», считая стиль игры Клочковой более прогрессивным, был убежден, что она совершенно закономерно победила наконец Теплякову.

Нина Сергеевна вспоминает эту встречу с Клочковой: «Первый сет она меня, можно сказать, прямо расчесала. Она шла и шла к сетке и так удачно играла с лёта, что я никак не могла прийти в себя и чисто ее обвести. Мяч-то быстрее возвращается, когда против тебя с лёта играют. Во втором сете я собралась немного, но уже не спасла встречу. Ленинградцы до того были рады, что Клочкова обыграла меня, что целовали меня, обнимали и засыпали всю цветами — вот такими букетами! Мне даже больше цветов досталось, чем ей. Было полное впечатление, что я выиграла, а не она. Мягко говоря, все это мне было немного неприятно. И осенью, встретившись с Клочковой на первенстве Союза, я быстро разделалась с ней. Я предугадывала ее выходы к сетке, и обводила ее начисто».

И только спустя девять лет Клочковой удается однажды вновь навязать Тепляковой свою игру. Придет время, и я расскажу об этой последней их встрече, а пока попробуем понять: почему же Клочкова, безукоризненно, по мнению современников, иг-

рая у сетки, только дважды, хотя их единоборство длилось целых восемнадцать лет, смогла превзойти Теплякову? Рене Лакост — помните? — отдает предпочтение не способу игры, а личным качествам игроков. Иного объяснения, очевидно, искать и не следует.

Если Ключкова сразу, с подачи, шла к сетке, Теплякова обычно начисто ее обводила. Если же Ключкова начинала готовить выход к сетке, сначала пытаясь «выбить» Теплякову с площадки, то всё это завершалось лишь тем, что Ключкова сама оказывалась выбитой с площадки. Теплякова играла крайне агрессивно, раз за разом закладывая мяч по линиям, и, дождавшись, наконец, слабого ответного удара, бежала на хавкорт, и — хотя и не с лёта, а с отскока — убивала мяч. А с лёта она играть избегала. Но она могла себе это позволить, будучи Тепляковой. Той Тепляковой, которая с 1934 по 1939 год вообще никому у нас в стране не проигрывала.

14. Как раз в эти годы на Теплякову начинают наседать агрессивные молодые соперницы. Одной из них была киевлянка Ольга Калмыкова. Она играла легко, свободно, разнообразно. Была таким мальчишкой на корте.

Ольга Николаевна Калмыкова родилась в 1913 году и уже в детстве научилась играть в теннис. В семнадцать лет Калмыкова — сильнейшая теннисистка Украины, в двадцать один год — финалистка первенства СССР в смешанном разряде.

В 1936 году Калмыкова заняла четвертое место в десятке сильнейших теннисисток страны, затем переместилась на третье. И на зимнем первенстве страны 1938 года, которое проходило на крытом корте московского стадиона «Динамо», она буквально забила Теплякову в начале игры, нападавая и с задней линии и выходя к сетке. Москвичи аплодировали

молодой киевлянке — слишком уж долго Теплякова была чемпионкой, и зрители жаждали сенсации.

Нина Сергеевна вспоминает: «Выиграв первый сет, Ольга и во втором ведет — 3 : 0. Всё как будто. Можно сдаваться, да? А я не сдаюсь. Но абсолютно не нападаю. Я в этом матче сбилась. Не могу я напасть на нее — никак не могу. Я только отыгрываюсь. Отыгрываюсь и жду, пока она не смажет. Ковыряю, можно сказать. Ковыряю и жду, когда она смажет. Делаю по три, но она опять ведет — 4 : 3. Я по четыре делаю. Она 5 : 4 ведет, представляете? Чувствую, что проигрываю. Но, думаю, все равно не сдамся, как бы плохо я ни играла. По пяти делаю. И вот, когда я делаю по пяти, я падаю. Может, от усталости? Может, от напряжения? Встаю и хромаю — ну просто хромаю. У меня нога подвернулась. Ступить на нее не могу. Тут публика начинает кричать. Некоторые даже кричат, что я нарочно подвернула ногу, чтоб оправдать свое поражение, что, дескать, я симулирую, представляете? А Ольга растерялась — не смогла сориентироваться, как в этой ситуации надо было играть. Она продолжала играть на силу, и у нее пошли мазки. Нельзя весь матч играть на силу — это трудно, невероятно трудно. Чтоб оба сета все шло как ты хочешь! Видя, что у меня хромая нога, ей надо было немного послабее играть. Погонять меня. А она продолжала лупить. И вот на одной ноге — в полном смысле слова на одной ноге — я прыгаю по площадке и, пользуясь ее мазками, выигрываю сет — 7 : 5».

В раздевалку Теплякову вели под руки. Врач сказал: «Растяжение». Она могла отказаться от продолжения встречи, и никто бы не упрекнул ее. Однако Ольга Ольсен, ее ближайшая подруга и партнерша по паре, веселая Ольсен сказала сердито:

— Ты что, с ума сошла? Отказаться? Да как тебе

не стыдно? Скажут, что ты испугалась. Играй. Все равно играй. Ты еще выиграешь. Играй!

Ей заморозили и туго перебинтовали ногу.

— Иди и играй! — сказал Ольсен.

В решающем сете Калмыкова наконец заиграла тише. Но Теплякова, забыв о боли — нога была хорошо заморожена, — стала сама нападать и перехватила игру. Калмыкова заметалась по корту, принимая ее остро пласированные, атакующие мячи, и, все чаще и чаще ошибаясь, проиграла.

И когда они шли в раздевалку, Калмыкова сказала, швырнув ракетку:

— Я бросаю играть. Я бездарь. Я не могла у тебя выиграть, когда у меня все шло.

— Верно, — сказала Теплякова, — это был твой матч.

— Сломаю к черту ракетку, — сказала Калмыкова. — И больше играть не буду. Ведь я могла тебя сейчас обыграть. Как я играла! Я в жизни так не играла!

— Верно, — сказала Теплякова. — Ты в жизни так не играла. Ну все у тебя шло. Ведь бывает такое...

— И я не могла тебя обыграть? — стонала Калмыкова. — И мало того, ты еще ногу вывернула. И я не могла тебя обыграть, когда ты прыгала на одной ноге?! Я, наверное, обыграю тебя только тогда, когда у тебя оторвется нога и будет лежать около корта и я увижу, как она лежит...

В 1946—1947 годах Ольга Калмыкова была чемпионкой страны. Но Теплякова уже не выступала тогда. Так Калмыкова никогда у нее и не выиграла.

15. На чемпионате страны 1936 года заслуженный мастер спорта Евгений Кудрявцев вышел играть микст вместе с перворазрядницей Татьяной Налимовой. Налимова оказалась достойной партнершей Куд-

рявцева, и этой смешанной паре никто не смог противостоять.

Татьяна Налимова родилась в 1915 году в Ленинграде. Ее отец, банковский служащий, увлекаясь верховой ездой и скоростным бегом на коньках, поощрял спортивные наклонности дочери (в предвоенные годы Налимова, кстати, играла и в хоккей и сейчас любит вспоминать: «Я зимой разрывалась: не знала куда бежать — на теннис или на хоккей? Я была в сборной Ленинграда по хоккею. Мы, женщины, азартно играли и даже дрались на поле — потому и упразднили женский хоккей»). А в теннис она научилась играть в двенадцать лет на дачных кортах под Ленинградом, в Терлеве.

Когда юную чемпионку Терлева пригласили в «Динамо», она познакомилась там с Клочковой и переняла ее мощную манеру игры. Налимова походила на Клочкову и ростом и сложением и если уж добегала до сетки, то напрочь перекрывала ее. И наряду с Клочковой Налимова вошла в историю нашего тенниса как выдающийся мастер парной игры. Она двенадцать раз — в женской паре и в миксте — побеждала на чемпионатах страны!

И в одиночном разряде у Налимовой были победы над всеми сильнейшими теннисистками страны — она никак не могла одолеть лишь Теплякову, хотя была значительно моложе ее и владела, казалось бы, более современным стилем игры.

Правда, однажды, встречаясь с Тепляковой, Налимова вела всю игру, но во втором сете при счете 4:1, когда Теплякова выкинула ей мяч прямо «на нос», она послала его в фон и ужасно расстроилась. Теплякова усмехнулась: «Ну, теперь я тебя голыми руками возьму». И взяла.

Татьяна Борисовна Налимова — сейчас она ведущий ленинградский тренер — сказала мне так:

— Нина была нам всем недоступна. Она выходила, и мы об нее, как о скалу, разбивались. Обычно она не тратила много времени, чтобы с нами разделиться. Она нас быстро проглатывала.

16. Если бы это зависело от Тепляковой, она бы никогда не играла ни женскую пару, ни микст. Ее стихией было единоборство — теннисный корт она воспринимала как сцену, где ей дано солировать. Да при ее стиле игры ей и не было смысла делать ставку на пару — тут ей было трудно конкурировать с такими сеточницами, как Ключкова или Налимова. Тем более что на любом турнире главной победой признается победа в одиночном разряде, и это вполне удовлетворяло ее самолюбие. Однако ей постоянно приходилось играть пару — и в турнирах, и в командных матчах.

Женскую пару она чаще всего играла с Ольгой Ольсен, а смешанную — с Борисом Новиковым. И мне интересно было, как оценят Теплякову, не любившую играть пару, ее постоянные партнеры.

Ольга Евгеньевна Ольсен давно уже отошла от тенниса. Ей уже тоже семьдесят, но она говорит: «Я старуха моторная» — и продолжает преподавать английский язык.

Теплякова и Ольсен познакомились в двадцать шестом году. В то лето на Петровке, 26 состоялся матч двух сильнейших клубов страны — Крестовского теннис-клуба (Ленинград) и «Динамо» (Москва). У женщин за Ленинград играли Суходольская и Ольсен, за Москву — Мальцева и Теплякова. Встреча вторых женских ракеток складывалась нервно. При каждом обмене площадками к Тепляковой подбегал Николай Иванов и внушал ей, куда и как надо играть. Постоянно вмешивался в игру и Бруно Шпигель — известный ленинградский теннисист, который

в те годы был партнером Ольсен. Иванов и Шпигель едва не поссорились во время этого бесконечного матча, в котором Теплякова все-таки победила.

Ожесточение борьбы, однако, не помешало соперницам сразу проникнуться взаимной симпатией. А когда Ольсен переехала в Москву, они уже дня не могли провести друг без друга. Утром они вместе тренировались, потом шли обедать в шумную «Барселону», под вечер встречались в Столешниковом, в кафе «Взбитые сливки», и, вновь потренировавшись, были не прочь немного потанцевать.

Они держались вместе, глубоко презирая так называемое житейское благоразумие, и в трудные дни — а у каждой из них были в жизни такие дни...

Естественно, что они вместе играли и пару — играли весело и не очень огорчались, даже если уходили с корта побежденными. Теплякова, как я уже говорил, не делала ставку на пару — она лишь однажды, в 1934 году, выиграла в паре (с Анастасией Сурначевой) чемпионат страны. А для Ольсен теннис был прежде всего развлечением, удовольствием. Она хорошо чувствовала мяч и была азартна в игре, но на тренировках себя особенно не утомляла.

Ольга Евгеньевна говорит мне:

— Я твердо знала, что, если даже буду умирать на тренировках, все равно у Нины не выиграю. Она легла бы костями, но не уступила. Мы сыграли в настоящей борьбе только в двадцать шестом году — первый и последний раз...

Вспоминаю, как Нина Сергеевна мне рассказывала, что играть с Ольсен — не пару, естественно, — ей всегда было трудно: «Она всегда расхолаживала меня, выкидывала какие-нибудь номера, а я не любила, когда меня во время игры расхолаживают. При переходе она могла спросить, улыбаясь: «Ты что, устала?» Я злилась: «Отстань от меня. Играй». А она

с той же улыбкой: «А то я могу бросить. Мне же все равно»... Вот какие она номера вытворяла...»

А Ольга Евгеньевна не может забыть, в свою очередь, как любимая подруга лишила ее верного шанса стать чемпионкой страны — пусть в паре, но все равно чемпионкой! Об этой истории мне рассказывала и Налимова, показывая серебряную вазу для конфет, которая должна была достаться Ольсен. Это случилось на чемпионате страны 1937 года. Наряду с Ольсен и Тепляковой в финал парного разряда вышла Налимова вместе со своей подругой по институту иностранных языков перворазрядницей Ксенией Сидоренко. В полуфинале эта странная пара каким-то чудом обыграла основных претенденток на первое место Клочкову и Тисс. За день до финала главный судья поинтересовался у Тепляковой: какой приз она и Ольсен хотели бы получить за победу? Теплякова сказала, что недавно видела в комиссионном магазине две серебряные вазы для конфет. И эти вазы были куплены.

О том, как сложился финальный матч, Ольсен рассказывает:

— Нина уже выиграла одиночное первенство, у нее было хорошее настроение, и, едва мы начали встречу, она решила учиться играть у сетки. Я говорю: «Нина, ты с ума сошла. Играй, как обычно играешь». А она говорит: «Нет, пару надо играть у сетки». Я говорю: «Потом, завтра». Но она упорно продолжала играть у сетки, совсем не попадая по мячу. А я металась сзади и злилась, что мы упускаем победу. Правда, Налимова здорово играла у сетки, но партнерша ее... Я злилась, а Нина по-прежнему играла у сетки и страшно этому радовалась. И когда мы проиграли, я пошла в душ одна — без нее. Правда, потом, когда мы обе вымылись, то поболтали немножко, помирились, и я ей даже сказала, кажется,

что эти вазочки для конфет мне вовсе не нравятся...

На вопрос: «Чем же взяла Теплякова?» — Александра, как вы помните, ответила, что таких упорных не было и нет. И Ольсен говорит, что Теплякова побеждала прежде всего за счет характера.

— За счет невозможного характера. Противостоять игроку с таким характером — выше сил человеческих.

17. Я уже давал слово шестикратному чемпиону страны Борису Ильичу Новикову: он рассказывал о теннисных нравах двадцатых годов. Как и Теплякова, Новиков считает, что он заиграл в 1926 году. Теплякова, правда, в тот год прочно вошла в элиту, а Новиков лишь победил на чемпионате Москвы в разряде новичков. Но, как отмечает в своих «Записках старого теннисиста» (журнал «Теннис», 1967 г.) Александр Викторович Правдин, на Спартакиаде 1928 года юный Новиков уже «поразил всех мощью атак и точностью игры с задней линии». А вскоре Теплякова предложит Новикову играть микст, и в тридцатые годы они будут сильнейшей смешанной парой Москвы.

Но при всех своих достоинствах Новиков, по общему мнению, играл все же менее разнообразно, чем Кудрявцев, у которого он отобрал в середине тридцатых годов звание чемпиона страны. Допустим, он был моложе Кудрявцева, но Озерова, который предложит еще более разнообразный теннис, он будет уже старше — и это не помешает, однако, тридцативосьмилетнему Новикову, прошедшему войну и госпиталь, победить на чемпионате страны 1948 года не только Озерова, но и других, казалось бы более современных, игроков.

Словом, и стилем игры, и характером Новиков был схож с Тепляковой. Но на что они могли расчи-

тывать в паре, где розыгрыш мяча обычно завершается у сетки?

«Мы играли пару замечательно, — вспоминает Борис Ильич Новиков. — Конечно, против Клочковой и мощного Негребецкого нам было трудно. Ведь если я подавал, Теплякова тоже стояла на задней линии. И при ее подаче я не рисковал расположиться у сетки. А Клочкова и Негребецкий стояли у сетки. Но у нас всегда шла большая борьба. Ведь раньше у сетки мяч не то что убивали, а скорее отыгрывали. А если нам отыгрывали мяч на хавкорт, мы уже его обязательно убивали! И я думаю, вы все же не представляете, что за игрок была Теплякова! Она была очень спортивна, азартна, подвижна и предельно сосредоточенна на площадке. Однажды на Петровке (не помню уж, с кем мы играли) нам дали подрезанный мяч, и Теплякова, которая стояла за задней линией, с такой скоростью устремилась к нему, что мяч-то отбила, но равновесие не удержала, села на землю и выехала под сеткой на ту сторону площадки. Матч прервали, она вся исцарапалась, но сидит и смеется. Я уверен, что если бы, как сейчас, мы разъезжали по всему миру и играли все турниры, Теплякова могла бы быть чемпионкой Уимблдона. Она всех обыгрывала у нас фактически одним правым ударом. А было бы надо — так же безошибочно научилась бы играть и слева, и с лёта».

В первый момент я подумал, что уж тут Борис Ильич несколько увлекся. Но потом вспомнил, как тридцатичетырехлетняя Теплякова, во что бы то ни стало стремясь обыграть чемпионку Праги Киселову, овладела за две недели укороченным ударом...

18. Году в тридцатом на Петровку, где тренировалась Теплякова, пришел Асаф Мессерер и попросил ее дать несколько уроков игры в теннис. Теплякова

растерялась — она боготворила Мессерера по-прежнему, хотя уже давно закончила училище при Большом театре и работала в ансамбле у Голейзовского. Она так высоко ставила Мессерера, что казалась себе ничтожной при нем. Такой талант! Да, она была теннисной чемпионкой — ну и что? А Мессерер был солистом балета Большого театра — что может быть выше! Вот он, которого парижане называли «соперником Нижинского», был действительно знаменит.

Робко показывая Мессереру, как надо бить смеш, она думала, что вот он поиграет неделю в теннис — и победит кого хочешь. Любого чемпиона. Мессерер действительно мгновенно схватывал движения, которые она показывала, а потом вдруг сказал, что у нее педагогический дар и когда-нибудь она станет незаурядным тренером. Тут Теплякова совсем смутилась — даже играя с Мессерером в теннис, она смертельно боялась его.

Летом семьдесят четвертого года, когда Асаф Михайлович прилетел из Варшавы, где ставил «Коппелию», и возобновлял в Большом театре свой класс совершенствования, который посещают все звезды нашего балета (Мессерер ныне является лучшим в стране, а быть может и в мире, балетным педагогом), я созвонился с ним и сказал, что хотел бы поговорить о Тепляковой. Он сказал: «Приезжайте».

Словами Мессерера я и закончу игровую характеристику Тепляковой:

— Да, для балета — для классических танцев — ноги у Нины были немного сухие. Но для тенниса, где полно неожиданных резких движений, ее жесткие ноги были в самый раз. Она блистательно играла. Я был на всех ее главных матчах. Некоторые теннисисты делают очень хорошие удары, и другие отдельные движения у них хороши, а общей координации нет. А ей эту координацию дал балет. Увидав, как

быстро она прогрессирует в теннисе, я стал относиться к ней с бóльшим уважением. У нее была очень точная игра. Школа была. Это важно и в балете, и в теннисе. Я совершенно не волновался, даже когда она, казалось, проигрывала. Я в глубине души чувствовал, что она возьмет себя в руки.

Знаете, доживешь до семидесяти, осмотришься — и нет вокруг никого из твоих сверстников. Живут-то они живут, но я имею в виду действующих. Таких, как Теплякова. Ее ученицу Дмитриеву я помню, а Морозову, к сожалению, не видел. Попросите Нину, чтобы она мне позвонила, когда Морозова будет играть в Москве.

Когда я передал эту просьбу Нине Сергеевне, она переспросила:

- Так и сказал, чтоб я позвонила?
- Так и сказал.
- Я боюсь.
- До сих пор?
- Боюсь его до сих пор.

*В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ,
КАК ТЕПЛЯКОВУ
УНЕСЛИ С КОРТА*

1. В августе 1935 года Теплякова и Кудрявцев участвовали в Париже в международных рабочих соревнованиях. Легко выиграв эти соревнования, Теплякова решила не упускать случая и встретиться хотя бы в неофициальном матче с какой-нибудь известной французской теннисисткой. Она давно хотела помериться силами с лучшими зарубежными теннисистками, а в тот год была в себе уверена как никогда.

Но в Париже был «мертвый сезон», и известных теннисисток обнаружить в городе не удалось. А Кудрявцеву повезло — он познакомился с Жаном Боротра, и тот охотно согласился сыграть с ним.

Про Боротра говорили, что он мчится к мячу со скоростью экспресса. Хотя в тридцать пятом году все его великие победы (Боротра, например, дважды выигрывал Уимблдон) были уже в прошлом, но на закрытых (самых быстрых) кортах он попрежнему никому не уступал. Боротра играл вдохновенно и яростно, и когда некий теннисный обозреватель усомнился в его бойцовских качествах, он вызвал его на дуэль.

Кудрявцев вспоминает, как волновался перед игрой с «самим Боротра»: «Когда он вышел на корт в небрежно наброшенном на плечи белом пальто, так же небрежно взял из рук подскочившего мальчика стакан лимонада, я чуть не упал со страха...»

Тем не менее Кудрявцев уступил своему именитому сопернику в достойной борьбе. Боротра, похвалив Кудрявцева, попросил затем выйти на корт Теплякову и поставил против нее одного из тренеров клуба «Рэссинг».

— А я буду судить, — весело сказал Боротра.

Сразу забыв даже те немногие французские слова, которые она помнила еще с гимназии, Теплякова растерянно посмотрела на Боротра.

— Я не нашел ни одной женщины, которая была бы достойна вас! — воскликнул Боротра. — И вам придется играть с мужчиной.

— Я согласна, — сказала польщенная Теплякова. — Я люблю обыгрывать мужчин.

И она действительно обыграла галантного тренера «Рэссинга», что наша спортивная пресса сочла сенсацией. Но сама Теплякова избегает всерьез вспоминать об этой победе, не исключая, что ее соперник просто поддался ей.

А на следующий день в Булонском лесу на кортах «Рэссинга» состоялась еще одна неофициальная встреча: Теплякова и Боротра, объединившись в пару, вышли против Кудрявцева и того самого галантного тренера, который на этот раз, впрочем, почему-то никак не хотел проигрывать.

Нина Сергеевна вспоминает: «Боротра поставил меня у сетки и все брал, а я фактически ничего не делала — я только смотрела, как он все берет. Я и раньше слышала, что техника у Боротра своеобразная, а тут своими глазами увидела, как он бьет слева, выворачивая локоть, но бьет — убийственно! Бо-

ротра перемещался по корту с нечеловеческой быстротой, прыгал как кошка, и мы выиграли в двух сетах! Но я мало ему помогала. Я больше смотрела, как он все берет».

Теплякова немного скромничает. Боротра сказал ей тогда, что она играет на уровне классных французских теннисисток. А в начале шестидесятых годов, когда они вновь встретились — уже в Москве, — он без конца вспоминал, как она помогла ему обставить двух мужчин.

А помериться силами с лучшими теннисистками мира Тепляковой так и не пришлось. В тридцать восьмом году ей удалось лишь сыграть с чемпионкой Праги Киселовой, но об этой ее победе я уже рассказывал.

2. В 1933 году в Ленинграде были объединены две проектные организации — «Сантехпроект» и «Центргидрострой». Именно это объединение и позволило чертежнику-конструктору Галине Коровиной познакомиться с инженером Иваном Ивановым — вместе работая, они быстро прониклись взаимной симпатией, и влюбленный Иванов захотел научить Коровину играть в теннис.

И хотя Иван Иванов играл в теннис неизмеримо хуже, чем Николай Иванов, который вывел на корт восемнадцатилетнюю Теплякову, а Коровина заиграла лишь в двадцать четыре года, эта история имела, однако, столь же удивительное продолжение.

Надо сказать, что Коровина с детства мечтала научиться играть в теннис. У себя на даче, в Пирогове, ее отец имел теннисный корт, но маленькую Галю, как и ее сестер, к корту не подпускали, боясь ушибить мячиком. Ее отец был также гимнастом, и, когда Гале исполнилось десять лет, он отвел ее в гимнастический зал, полагая, что гимнастика более соот-

ветствует женской сущности, чем теннис. Но уже в шестнадцать лет, внезапно лишившись сначала отца, а затем и матери, Галя оказалась старшей в семье. Гимнастику, хотя она достигла уже первого разряда, пришлось бросить. Галя много работала, вечерами училась в техникуме. А теннисный корт, не познакомься она с Ивановым, так и остался бы для нее лишь далеким воспоминанием детства.

Галина Сергеевна Коровина рассказывает: «Мой муж был хорошим гребцом, был чемпионом Ленинграда в восьмерке, а в теннис играл плохо, хотя отдавал ему много времени и руководил теннисной секцией Дома инженерно-технических работников. А я научилась играть моментально и стала сразу его обыгрывать. Муж удивлялся, видя, как здорово попадаю я по мячу, и, наконец, сказал, что из меня может выйти толк. На лето он снял даже комнатку на Крестовском острове, где мы играли в теннис. На Крестовском было двенадцать площадок. На первой играли только мастера, и им каждый день давали новые мячи, на второй — новые мячи давали через день. А на последних площадках играли теми мячами, которые оставались от мастеров. Представляете, как эти мячи отхлопают, прежде чем они попадут к новичкам? Но я не долго паслась на этих задних площадках. Я прямо скакала через разряды».

Спустя три года после того как Коровина сделала первый удар по мячу, она была признана третьей ракеткой страны. Это произошло в 1936 году. Теннисные специалисты говорили: «Тебе остается только переставить удар слева — он у тебя неклассический».

Классическим ударам Коровину никто не учил, и она приспособилась бить по мячу так, как ей было удобно. Слева она рубила наотмашь, но как говорит Теплякова: «Коровина прямо начисто убирала мяч, если попадешь ей под левую руку». И как Теплякова

под каждый мяч стремилась забежать справа, так Коровина стремилась забежать слева. Но едва Коровина оказалась на виду, тут же нашлись «доброжелатели», которые, попрекая ее этой «саблей» слева, внушали ей, что она не пойдет дальше, если не перестанет учиться.

Коровина посоветовалась с мужем, и они решили, что, если представится случай, хорошо бы поговорить об этом с Анри Коше.

3. В начале тридцатых годов у нас в стране были переведены книги о теннисе Анри Коше и Рене Лакоста (я уже цитировал Лакоста, помните?), которые вместе с Жаном Боротра и Жаном Брюньоном — их называли «мушкетерами» — диктовали в двадцатые годы французскую моду в мировом теннисе. На этих книгах выросло целое поколение наших игроков. А теннисные идеи Анри Коше (например, его «теория углов») получили особое признание и воспринимались буквально как откровение.

Когда же Анри Коше был приглашен в Советский Союз, все смогли воочию убедиться, что он действительно играет так же естественно, как дышит, и в любой игровой ситуации следует своему знаменитому принципу: «Ближе к мячу, еще ближе, всегда ближе».

Коше приезжал в нашу страну три года подряд, проводил показательные матчи, демонстрируя высший класс мирового тенниса, делился с нашими игроками и тренерами своим опытом. Наконец, в Москве была создана «школа Коше», в которой он вел занятия с Озеровым, Белиц-Гейманом, Корбутом и другими нашими восходящими игроками того времени.

Впервые Коше приехал к нам в тридцать шестом году. Он приехал в сопровождении красавицы жены и секретаря — то ли барона, то ли маркиза. Этот так

называемый секретарь был когда-то состоятельным человеком и помог Коше добиться признания, но затем разорился, и теперь уже Коше помогал своему другу, возил его с собой по всему миру, а чтобы тот, не стыдясь, мог принимать эту помощь, изобрел для него должность секретаря.

На Теплякову Коше произвел еще более сильное впечатление, чем Боротра. Она не могла и представить прежде, что можно играть в теннис так красиво и непринужденно. Особенно потрясла ее игра Коше с лёта. Если уж учиться игре с лёта, думала она, то только у Коше. Ее профессиональная балетная память прочно фиксировала рисунок движений Коше, хотя она сознавала, что ей уже поздно менять способ игры, что она себя только погубит этим. И даже выходя вместе с Коше на корт — а он не раз приглашал ее в пару, — она не просто восхищалась его игрой, как восхищалась в Париже игрой Боротра, а продолжала запоминать рисунок его движений, и прежде всего при игре с лёта.

Она не могла объяснить себе, зачем это делает. Она и думать не думала, что пройдет пятнадцать лет и она вцепится в эти воспоминания...

Коше, беседуя с Тепляковой, удивлялся, что при ее темпераменте и быстроте она сформировалась игроком задней линии. Но говорил тем не менее, что скорее всего это произошло не случайно. Коше был глубоко убежден, что в каждом человеке уже заложен способ, которым он будет играть, как только возьмет в руки ракетку, и надо стремиться возможно быстрее осознать этот способ и придерживаться его.

Уже в первый приезд Коше побывал и в Киеве, и в Ленинграде. Особенно пышный прием был устроен Коше в Ленинграде, где по окончании показательных встреч ему преподнесли в дар тульскую двустволку.

В Ленинграде, наблюдая игру Галины Коровиной,

Коше отметил ее выигрышный удар слева. Коровина, осмелев, спросила Коше: как ей быть — ведь этот удар не соответствует классическому стилю? Коше улыбнулся и спросил, читала ли она его книгу. Он писал в этой книге: «Для каждого игрока существует свой стиль игры, и он является для него нормальным. Кто от него отдалается, стремясь к так называемому классическому, совершает ошибку. В спорте важно не преклоняться слепо перед определенными правилами, а достичь максимальных результатов. Лучше выиграть матч, преступив принципы игры, чем проиграть ради «стиля».

Как вы понимаете, следовать вышесказанному под силу лишь человеку, наделенному яркой индивидуальностью. Но именно таким человеком и была Коровина, уже начинавшая соперничать с Тепляковой.

4. В тридцать седьмом году Коровина, сохранив свой неклассический удар слева, вышла в финал чемпионата страны.

В тот год Теплякову преследовали всяческие злоключения, она была далеко не в лучшей форме и лишь в последний момент решила защищать свое чемпионское звание. Тем не менее и на этот раз ее путь наверх походил поначалу на легкую прогулку — без всяких проблем она победила молодую ленинградку Капшанинову, а затем Ольсен и Мальцеву.

А у мужчин без всяких проблем всех побеждал Анри Коше. Он, правда, играл в чемпионате СССР вне зачета, поэтому официальным победителем был провозглашен Борис Новиков. Нина Сергеевна помнит, как все поздравляли Эдуарда Негребецкого, которому удалось выиграть у Коше один сет. В тот августовский день в Москве было не жарко, но, выиграв у Коше этот сет, Негребецкий вытирал лицо полотенцем, а Коше, ожидая, пока закончится перерыв, ку-

тался в свое драповое пальто и даже поднял воротник...

Теплякова же, встречаясь в очередной игре с москвичкой Пылаевой, теннисисткой совсем иного класса, позволила ей повести во втором сете 5 : 2. Сенсация, однако, не состоялась, но перед финальной встречей Коровина сказала Тепляковой:

— Смотри, если у меня будет 5 : 2, ты от меня не уйдешь.

И во втором сете Коровина действительно повела 5 : 2. Тут Теплякова с вызовом на нее посмотрела: ну, выполняй свое обещание! — и, резко усилив игру, взяла четыре гейма подряд. Но прежде, чем этот матч закончится, Коровина сравнивает счет, потом с ней случится истерика (попробуй совладай со своими нервами, когда соперница, проигрывая, улыбается) и ее будут успокаивать, а Теплякова, присев около сетки на стул, будет спокойно ждать, когда Коровина продолжит игру и отдаст ей последние два гейма...

В тридцать седьмом году ведущие спортсмены страны были впервые удостоены правительственных наград. И в этом списке спортсменов-орденоносцев — наряду с братьями Знаменскими, братьями Старостиными, боксерами Михайловым и Огуренковым, конькобежцем Мельниковым — была и теннисистка Нина Теплякова. Отмечу, что за год до этого Теплякова первой из наших теннисисток получила звание заслуженного мастера спорта (тем же указом это высокое звание было присвоено братьям Знаменским).

5. Ленинградские теннисисты, которые в довоенные годы успешно соперничали с москвичами, продолжали делать ставку на Коровину, веря, что если кто и обыграет Теплякову, то только она.

Коровину взялся тренировать Евгений Кудрявцев. Он поставил ей игру на хавкорте, научил выходить к

сетке. Он говорил Коровиной, что, если она будет выходить к сетке и играть Тепляковой под левую руку, та дрогнет. Надо учесть, что в отличие от Ключковой и Налимовой Коровина бегала не хуже Тепляковой.

В 1938 году чемпионат страны проходил в Ростове-на-Дону. Теплякова шла к финалу легко, на каждую игру ей, как обычно, хватало двух сетов. Но и Коровиной на пути к финалу только однажды понадобился третий сет.

В день финалов Теплякова вдруг почувствовала себя плохо. Она еще никогда в жизни, как бы плохо себя ни чувствовала, не просила перенести игру. Но на этот раз, уже побаиваясь Коровиной, пошла к врачу, тот дал ей справку, и, в конце концов, женский финал был перенесен на следующий день.

Немного успокоившись, Теплякова пошла к главному судье и спросила, будут ли оставлены для их игры импортные мячи. Дело в том, что на чемпионате заканчивался последний запас импортных мячей, закупленных к очередному приезду Коше и пражских теннисистов. А наши мячи были тогда очень низкого качества, и перед каждой серьезной игрой теннисисты долго искали хотя бы три мяча одинаковой плотности. И только Теплякова, пожалуй, никогда не проверяла мячи — она не сомневалась, что победит любыми мячами. Но на этот раз она беспокоилась и о мячах...

Когда начался их финал, почти все участники чемпионата уже разъехались. На трибуне сидели лишь ближайšie друзья Тепляковой и Коровиной, да около сетки стоял Евгений Кудрявцев, нервно комкая пустую коробку из-под «Казбека».

Весь первый сет Теплякова обреченно гонялась за мячами, которые Коровина, уверенно выходя к сетке, посылала ей под левую руку. Проиграв первый сет,

Теплякова подумала, что Кудрявцев здорово помог Коровиной: и игру у сетки поставил, и набил ей удар справа — самый слабый ее удар. А затем подумала, что она уже просто стара, наверное, и пора уступать дорогу. Но, едва подумав об этом, она разъярилась: уступать дорогу? Да с какой стати!

Второй сет Теплякова выиграла со счетом 6:0.

— Коровина вам по-прежнему была только под левую руку? — спрашиваю Нину Сергеевну.

— Была.

— И что вы делали?

— Забегала справа.

— А если не успевали?

— А вот успевала!

В решающем сете борьба долго шла с переменным успехом. И, наконец, все чаще обводя Коровину и заставляя ее ошибаться даже при ударе слева, Теплякова завершила сет со счетом 9:7.

— А вы могли бы выиграть в Ростове? — спрашиваю Галину Сергеевну Коровину.

— Значит, не могла, если проиграла. Значит, не хватило характера.

А Теплякова, даже не успев принять душ после игры, вскочила в машину — ей был заранее куплен билет в Гагру, и она уже опаздывала на поезд — и перевела дыхание только, когда друзья, с которыми она ехала к морю, усадили ее в купе.

— А теперь я хочу купаться. Хочу загорать, — сказала она.

6. После финального матча в Ростове один из поклонников таланта Тепляковой посвятил ей такое четверостишие:

Нина, Нина, гордость наша,
 Бьюсь со всеми об заклад,
 Что никто тебе не страшен —
 Разве только Ленинград:

Теплякова сошлась с Коровиной и в финале следующего чемпионата страны, который на этот раз состоялся в Ленинграде.

Галина Сергеевна вспоминает: «Все же в Ростове я едва не зацепила ее. А за прошедший год я еще более настрополилась играть с воздуха. Я так рассчитывала: буду со своего «левака» сразу идти вперед и под левую ей, под левую»...

Но началась игра, и от гейма к гейму Коровиной стала овладевать безнадежность — как ни бей, все мячи летят обратно. Отвечая все более неудобно, Теплякова лишила Коровину всех ее козырей.

Николай Иванов, который присутствовал на этом матче в качестве корреспондента «Красного спорта», был категоричен в своем отчете: «Как и следовало ожидать, финал выиграла Теплякова».

Теннисный Ленинград ожидал, конечно, совсем иного исхода. А Иван Иванов, веря в победу жены, так волновался, что даже не мог смотреть матч — стоял за трибуной...

— Она как стена, — сказала после игры Галина Коровина мужу.

Теннисный сезон тридцать девятого года заканчивался. Друзья спешили поздравить Теплякову со своеобразным рекордом: за последние пять лет она сыграла со своими соперницами в стране более двухсот матчей и во всех победила! Было подсчитано, что в тридцать шестом году она уступала в каждом сете в среднем не более 2,4 гейма, а в тридцать восьмом, например, брала уже сет со средним счетом 6 : 2...

7. Последним турниром в сезоне тридцать девятого года для Тепляковой было первенство Москвы. Она досадовала: обычно этот турнир проводился до чемпионата страны, а тут дотянули до сентября. Она с трудом заставляла себя хоть изредка тренировать-

ся, каждый день вспоминая: «Ах, море в Гаграх, ах, пальмы в Гаграх!»

Она шла с этой песенкой и на финальный матч чемпионата Москвы и была совсем не готова к той вязкой борьбе, которую ей предложила Надежда Белоненко. Все это завершилось тем, что, позволив вглянуть себя в утомительную и нудную перекидку, Теплякова проиграла.

С Белоненко она познакомилась еще в тридцатом году в Таганроге. Девятнадцатилетняя Белоненко упростила ее тогда посмотреть, как она играет. Теплякова, которая никогда не строила из себя недоступную чемпионку, сыграла с Белоненко два сета и, наблюдая, как она мучительно трудится на корте, подумала: «Нет, эта девушка не будет играть».

Но Белоненко, обладая железным характером, уже в тридцать четвертом году стала третьей теннисисткой страны. Да, она играла довольно коряво, но была бескомпромиссным бойцом. Когда Белоненко переехала в Москву, Теплякова познакомилась с ней ближе и поняла, что тогда, в Таганроге, оценила ее поверхностно.

Нина Сергеевна говорит: «Белоненко оказалась человеком редкой целеустремленности. В сравнении с ней я выглядела легкомысленно. Я много лет собиралась, но так и не взялась за французский язык, а она за несколько лет в совершенстве овладела английским. Я много лет собиралась получить, наконец, спортивное образование, но так и не поступила в институт физкультуры, а она этот институт закончила, а затем поступила в аспирантуру».

Отдавая должное целеустремленности Белоненко и на корте, Теплякова, однако, ставит ее значительно ниже и Коровиной, и Калмыковой. Должен сказать, что Нина Сергеевна долго «не могла вспомнить», как в 1939 году она проиграла Белоненко.

— Об этом написано в «Красном спорте», — говорил я ей, — в номере за десятое сентября тридцать девятого года.

— Как это вы докопались?

— Был в Ленинской библиотеке.

— И что же вы там прочитали?

— Что вы проиграли Белоненко в финале чемпионата Москвы.

— Понимаете, у нее надо было выиграть даже самый последний матчбол — она так в него вцепится, как будто только начинает играть. Но техника! У нее была очень плохая техника. Я, конечно, тогда проиграла ей, вы правы, но в тот же день постаралась забыть об этом.

Когда через несколько дней, беседуя с Ниной Сергеевной, я попытался вернуться к этому матчу, она перешла в атаку:

— Обещала вспомнить, говорите, подробности? Вот вы обещали мне бросить курить, а опять тянетесь за сигаретой... Так и я: забыла — и все.

Допускаю, что это поражение Теплякова действительно постаралась забыть, но если ей и удалось это сделать, то лишь в марте сорокового года, когда завершилось очередное первенство Москвы на закрытых кортах, в финале которого Теплякова буквально смела Белоненко.

8. По рассказам старых теннисистов, самым ярким и праздничным соревнованием довоенных лет были традиционные матчи Москва — Ленинград. За право участия в этих матчах шла борьба не менее страстная, чем сегодня за поездку на представительный зарубежный турнир. История матчей восходит еще к дореволюционным годам (тогда Петербург без труда справлялся с Москвой). Летом двадцатого года матчи возобновились.

В «Записках старого теннисиста» А. В. Правдин вспоминает: «В конце сентября москвичи, захватив все, что удалось собрать из продуктов, двинулись в Петроград. Нужен был большой спортивный энтузиазм, чтобы в то суровое время решиться на эту поездку ради лишь междугородных состязаний... Теннисный матч Москва — Петроград проводился на сильно запущенных кортах Крестовского теннис-клуба, слегка подправленных силами самих участников. Спали мы вповалку на полу раздевалок, который застилали на ночь старыми теннисными фонами, служившими нам одновременно и одеялами. На день импровизированные постели убирались. Честь Москвы защищали Тихонов, Ульянов, Землянец, Вербицкий, Сушкин, Муратов, Правдин (женщины в соревнованиях не участвовали). Петроград был представлен сильными теннисистами дореволюционного периода: Бреем 1-м, Аленицыным 1-м, Шпигелем, Рафаловичем, Зноско-Боровским и некоторыми другими, фамилии которых уже не помню. Матч был напряженным. Впервые в истории российского тенниса Москва одержала верх над Петроградом».

В последующие годы и москвичи и ленинградцы садились в поезд уже с патефоном, приезжали друг к другу в сопровождении пылких болельщиков. А был случай, когда в дни матча в Ленинграде гастролировал МХАТ — и весь театр, во главе с Вербицким, Яншиным, Станицыным, Ливановым, Кедровым, Комиссаровым, пришел болеть за Москву.

Уже на вокзале — и в Москве, и в Ленинграде — игроки встречающей команды расхватывали будущих соперников и везли их к себе домой. В гостиницах никто не останавливался, а только друг у друга. Так, Александрова, например, всегда останавливалась у Клочковой, а Клочкова — у Александровой. Подобные отношения сложились и у Тепляковой с Коровиной.

В матчах Москва — Ленинград Теплякова участвовала с двадцать шестого года. И до сорокового года потерпела лишь два поражения: от Суходольской (1926 г.) и Клочковой (1934 г.). Коровина, которая участвовала в матчах с тридцать шестого года, не знала вообще поражений. Правда, до сорокового года ленинградцы хитрили, ставя Коровину вторым номером, чтобы она не встречалась с Тепляковой и уж наверняка приносила своей команде очко.

В сороковом году матч игрался в июле в Ленинграде. Команду Москвы возглавлял молодой Корбут, да и вообще в команде было много совсем молодых игроков: Андреев, Корчагин, Озеров... В поезде москвичи держали последний совет и пришли к мнению, что их шансы значительно выше. И Ольге Ольсен, которая после родов не успела восстановить форму и была включена в команду лишь в последний момент, даже было сказано, что если она и отдаст очко молодой Майе Капшаниновой, то особой беды не будет.

Этой встречей и открылся матч. Ольсен, не думая о результате, стремилась лишь доказать, что она еще умеет играть в теннис. Она играла легко, артистично и за полчаса разделала под «0» свою молодую соперницу. Ольга Евгеньевна говорит, что эта игра была лучшей в ее жизни.

Но шесть последующих встреч москвичи проиграли. Так и закончился первый день — 6 : 1 в пользу Ленинграда.

Нина Сергеевна вспоминает: «В этот день я как раз возвратилась в Москву из Львова, где был тоже командный матч. В самолете я себя чувствовала неважно. Совсем не спала. Я не должна была играть в Ленинграде, но мне говорят в Москве, что надо ехать, что на меня теперь вся надежда. Дело было уже к вечеру. Я помчалась домой, схватила кое-ка-

кие вещи и — в поезд. А в поезде я всегда сплю плохо. Утром прямо с Московского вокзала приехала на стадион. Я еще сумку не положила, а мне говорят: «Сейчас будешь играть». — «С кем?» — спрашиваю. — «С Коровиной». Ничего себе, думаю. Ленинградцы никогда не выставляли против меня Коровину, а тут — выставили. Я вышла и проиграла ей. Очень нервничала, поэтому и проиграла».

Галина Сергеевна вспоминает: «Я другой раз выиграю и думаю: почему я выиграла? Я, конечно, всегда хотела выиграть, но и после побед у меня никогда не было чувства, что я хорошо сыграла. И даже впервые победив Нину, я не могла понять: почему я выиграла? А когда мне рассказали, как мучительно она добиралась из Львова, я решила, что, наверное, ее усталость и помогла мне выиграть. Нина сказала: «Я теперь за тебя вот как возьмусь, Галина. Я тебе больше не проиграю». Я подумала: да, уж теперь она за меня возьмется...»

Последний предвоенный матч Москва — Ленинград завершился со счетом 16 : 9 в пользу Ленинграда.

9. Взять реванш у Коровиной Теплякова намеревалась на чемпионате страны, который через месяц открывался в Москве. И весь этот месяц она тренировалась только с мужчинами, прежде всего с Николаем Джаксоном.

Джаксон был заметной фигурой в довоенном теннисе. Год за годом он входил в десятку сильнейших, славясь смелой игрой у сетки и безудержным темпераментом. В тридцать восьмом году Джаксон удостоился чести быть партнером Коше — они провели в Тбилиси ряд показательных встреч с лучшей парой страны — Кудрявцевым и Негребецким. По окончании этих встреч Коше подарил Джаксону свою ракетку и фотографию, на которой написал: «Джаксону

на память о наших победах в паре на Кавказе». Джек-сон бережно хранит эту фотографию, но от ракетки не уцелел даже обод — Джек-сон играл этой ракеткой дни и ночи.

Он появлялся с ракеткой Коше и на тренировках Тепляковой, которая еще в самом начале тридцатых годов — в ту пору он был совсем молодым игроком — давала ему уроки тенниса, и когда ему удалось выиграть у нее наконец два сета, сказала: «Джек, вы выходите в первый класс» (Джеком называли Николая Джексона все теннисисты). Тренироваться с Тепляковой Джек-сон по-прежнему считал за счастье и стремился теперь быть для нее идеальным спарринг-партнером.

Теплякова, думая о реванше, хотела набить свои коронные удары и комбинации до полного автоматизма, но с каждым днем убеждалась, что играет все хуже и хуже. Ей бы прерваться, проанализировать себя, успокоиться, но она, подыскивая себе — помимо Джексона — все новых и новых партнеров, продолжала еще истеричнее и до совершенного изнурения тренироваться.

Теплякову не успокоило, что в начале августа она выиграла чемпионат Москвы, победив в финале Белоненко. Ей казалось, что на чемпионате Москвы она ухитрилась всех обмануть, но, стоит ей выйти против Коровиной, каждый увидит, что она «разучилась» играть.

Но когда она вышла против Коровиной — на этот раз они встретились на чемпионате страны уже в полуфинале, — все увидели лишь, что Теплякова разучилась бороться...

Нет, журналисты, естественно, нашли объяснение: дескать, победила агрессия, победила разнообразная техника, сочетаемая с хорошей тактикой. Но московские зрители, пришедшие в тот августовский день

на стадион «Динамо», наблюдая эту игру непобедимой Нины Тепляковой, были в глубоком недоумении. И лишь футболисты ленинградского «Динамо» — команда, находясь в тот день в Москве, в полном составе пришла поддерживать Коровину — откровенно ликовали, исполненные патриотических чувств.

— Давай, Галина! — кричал Виктор Набутов.

Коровина, которая, победив в финале Белоненко, стала в тот год чемпионкой СССР, вспоминает: «Хотя в Ленинграде, впервые обыграв Теплякову, я и подумала, что это еще ничего не значит, но я все же поверила, что могу у нее выиграть. А если бы я не обыграла ее перед чемпионатом страны, то, может, она бы опять стала первой. Помню, когда я победила уже и Белоненко, Нина дала мне ценный совет: «Никогда никому не проигрывай даже на тренировках. Чтоб все знали, что тебя никак нельзя обыграть». Я подумала: кошмар! Значит, я теперь не могу хоть однажды кому-нибудь проиграть...»

Нина Сергеевна соглашается, что могла дать подобный совет, хотя ей лично помнится, что она сказала тогда Коровиной:

— Завоевать первенство легче, чем удержать...

10. Теннисный сезон 1941 года открылся в Москве в первых числах июня лично-командным первенством города. Если прежде Теплякова могла иногда пропустить эти соревнования, то теперь ей было важно, начиная сезон, в десятый раз выиграть звание чемпионки Москвы. Она уже вызывающе поглядывала на Белоненко, с которой ожидала сойтись в финале.

22 июня, в воскресенье, в одном из заключительных матчей командного турнира встречались ЦДКА и «Спартак».

Николай Львович Джаксон, который был тогда первым номером ЦДКА, вспоминает: «Утром я вышел

из дому — а жил я на Якиманке, — сел в троллейбус и доехал до центра. Матч начинался в двенадцать на кортах ЦДКА, и у меня еще было время. Я зашел в кафе-молочную около «Националя», взял кефир, булочку, сижу себе за столиком и обдумываю, как лучше играть с Озеровым, который был первым номером «Спартака». Вдруг вижу, весь народ, который находился в кафе, устремляется в глубь зала — к радиоприемнику. И я подошел и услышал выступление Молотова... Но, несмотря на то что началась война, я, допив свой кефир, поехал в парк ЦДКА. Там уже все собрались — и наши, и спартаковцы. Мы были в смятении, но вышел начальник Дома Красной Армии и сказал, что просит всех игроков соблюдать спокойствие и продолжать соревнования. Не помню уж, как сложилась командная встреча, но я лично выиграл. Этот матч с Озеровым был последним официальным теннисным матчем в моей жизни. Я работал инженером-конструктором на военном предприятии... Лишь в середине пятидесятых годов я вновь, уже как зритель, появился на теннисе, встретил старых товарищей. Встретил и Колю Озерова, и он сказал, что отыгрался и у Кудрявцева, и у Новикова, и у Негребецкого — у всех, кому проигрывал до войны. И получилось, что я — единственный теннисист, у которого Озеров так и не отыгрался».

А Ольга Ольсен, которая выступала в этот день за «Спартак», спешила на матч с дачи и узнала о том, что началась война, на Казанском вокзале. Она тоже приехала в парк ЦДКА и тоже играла. Но с кем? И как? Этого она совершенно не помнит.

Что же касается Тепляковой, то она 22 июня была от игры свободна. Утром, собираясь на тренировку, она гладила свое теннисное платье и думала, что вот обыграет в этом году Коровину и сразу уйдет, чтобы навсегда остаться непобежденной чемпионкой.

Это будет красиво — то, что надо. Она выключила утюг, и в это время по радио началось выступление Молотова...

Через час, уже добравшись на автобусе до Серебряного бора, она бежала через поле к даче, где жила с трехлетним Мишкой и мамой сестра Нюра.

11. Ушел на фронт ее муж. Ушел на фронт ее брат. Ей предложили отправиться в эвакуацию, но она посадила в динамовский эшелон сестру с ребенком и маму, а сама осталась в Москве.

Она жила тогда на улице Огарева, около Центрального телеграфа, и все вокруг говорили, что фашисты будут бомбить телеграф. Первое время она пугалась воздушных тревог, а потом свыклась и могла присесть во дворе на лавочку и посматривать, как прожекторы бороздят темное небо.

На зиму она решила сделать продуктовый запас, но магазины уже пустовали, было легко купить лишь кофе в пачках.

Нина Сергеевна вспоминает:

— И я на нервной почве все время покупала этот кофе. Честно говоря, кофе меня и спас. Ведь от кофе — тонус. Потом у меня было два пуда муки. Я разводила муку в воде и лепешку без всякого масла кидала на сковородку — она у меня прямо сгорала. Лепешка и кофе — очень хорошо! А зимой, когда я стала брать на дом шитье для фронта: солдатские кальсоны, кисеты, — мне уже дали рабочую карточку. Теперь я получала восемьсот граммов хлеба — представляете, как много?

В октябре погиб под Вязьмой ее брат Дмитрий. Он был талантливым инженером — строил мосты. А перед самой войной работал на строительстве Дворца Советов. Брат тоже играл в теннис, любил танцевать — еще со времен Мамонтовки, когда они танце-

102 вали на открытой эстраде чарльстон, брат был ее лучшим партнером...

Зимой она страшно мерзла и переселилась в маленький дом по соседству, который лучше отапливался. Но шить все равно приходилось в перчатках, а на ночь она привязывала к ногам горячий утюг. В апреле, когда еще было холодно, а топить перестали, она вывела в форточку трубу от «буржуйки».

В апреле на несколько дней с фронта приехал муж. Он привез масло, селедку и сахар. Она пригласила в гости музыканта Александра Цфасмана и устроила грандиозный ужин. Электричество в этот вечер почему-то погасло, и при свете «коптилки» они подняли за победу бокалы, наполненные свирепым «антибомбином» — сказочным напитком, который, правда, отдавал керосином, но совсем немного.

А в мае, когда Теплякова пришла в «Динамо», начальник отдела спортивных игр вновь сидел в своем кабинете, и она стала работать у него секретаршей. Известных спортсменов уже вызывали в Москву: приехали два солдата, Коткас и Линнамяги, выпи­сался из госпиталя сержант Борис Новиков...

Пошли разговоры, что летом возможны первые соревнования, что, вопреки войне, спортивная жизнь будет продолжена. А чтобы у спортсменов были силы соревноваться, им выдали в мае по три килограмма картошки и разрешили ее посадить на территории стадиона «Динамо». Теплякова, не ведая, как ухаживать за картошкой, вырастила лишь огромную ботву и жалела потом, что не съела сразу эти три килограмма. Но ей выдали и продуктовый лимит (один на двоих — с Георгием Знаменским), и она начала понемногу тренироваться.

12. В конце июля 1942 года Теплякова в десятый раз выиграла звание чемпионки Москвы. Истосковав-

шись за год по теннису, она выиграла этот турнир на одном дыхании. Она сохранила не только вкус к игре, но и прежний спортивный вес — пятьдесят два килограмма. Это одна из странных ее особенностей: голодала она или ни в чем себе не отказывала, вес оставался неизменным.

А у мужчин торжествовал победу Евгений Корбут.

По окончании финалов откуда-то появился фотокорреспондент и попросил Теплякову и Корбута встать у сетки и непринужденно улыбнуться. Этот снимок — столь удивительный для сурового сорок второго года! — обошел многие газеты.

Подпись к снимку гласила: «Победители личного первенства Москвы по теннису заслуженный мастер спорта орденоносец Н. Теплякова и боец Н-ской части Е. Корбут».

Эту «военную тайну» можно сейчас приоткрыть — часть, в которой служил инженер Корбут, в то лето охраняла Кремль. Когда выдавался свободный час, Корбут укладывал ракетку в портфель, торчащую ручку оборачивал ватманом и в таком «приличном» виде отправлялся на тренировку.

13. А на открытое первенство Москвы 1943 года уже собрались все сильнейшие довоенные теннисистки.

Из бывших соперниц Тепляковой не смогла приехать только Колмыкова.

Другое дело, что участницы турнира немного отвыкли играть в теннис. Теплякова к тому времени, сдав на «отлично» штыковой бой, получила звание инструктора Всеобуча. На Цветном бульваре она азартно показывала призывникам, как колоть чучело, а обедать ее прикрепили по соседству, в цирк, и однажды она оказалась за одним столиком с Карандашом, и он подарил ей кусочек хлеба.

Коровина, едва началась война, пошла работать в госпиталь на Васильевском острове, а когда эвакуировалась в Орск, продолжала и там заниматься с ранеными лечебной физкультурой. Хотя физическую форму ей сохранить удалось, но с 22 июня сорок первого года и до начала августа сорок третьего года, когда Коровина приехала в Москву, она ни разу не выходила на корт.

А Ключкова и Налимова оставались в Ленинграде и пережили блокаду.

Татьяна Борисовна Налимова вспоминает: «Почему я выжила — неизвестно. Очевидно, так уж судьбе было угодно. В январе сорок второго умер папа. Перед войной он оглох, и его не посылали на фронт. Но пока были силы, он участвовал в оборонительных работах, потом уж совсем обессилел и умер. А мы с мамой понимали, что надо шевелиться, и шевелились. Я запрещала маме ходить на Неву за водой, но она все равно ходила и каждый день стирала одну вещь. Такой характер. Нам повезло — у нас в подвале были запасены дрова, и в первую — самую страшную — блокадную зиму мы могли поддерживать четыре-пять градусов. Поменяли на продукты мамины золотые часы. А за серебряную вазу, которую я получила, когда мы с Сидоренко обыграли Теплякову и Ольсен в финале чемпионата страны, давали один килограмм крупы. Но мама сказала: «Все что угодно, а этот твой приз менять не будем»...

Весной сорок второго года на футбольном поле стадиона имени Кирова Налимова и Ключкова, как и другие ленинградские спортсмены, сеяли свеклу, морковь, репу. Налимова жила на 7-й Советской, у Московского вокзала, а стадион был на Петроградской стороне. И не всегда хватало сил, чтобы дойти до стадиона, иногда это удавалось лишь со второй, а то и с третьей попытки. Когда же созрел урожай и

она тащила домой огромный рюкзакище, то попала под артиллерийский обстрел и долго не могла перебраться через Неву... 105

В сорок третьем Налимова, как и Теплякова, обучала призывников штыковому бою. Она бегала по окопам, которые были вырыты в Михайловском саду за Русским музеем, с тяжелой винтовкой, и ей казалось, что нет уже больше сил, что сейчас она упадет... После занятий ей выдавали немного казеина (подобие сыра) и сухую грушу. Весной сорок третьего Налимовой подарили пять картофелин, а ее мама добыла капустной рассады, так что в конце лета они пировали.

В те сытые дни Налимовой и сказали, что она и Клочкова должны лететь в Москву, чтобы играть в теннис. Она сразу же согласилась, подумав, что в Москве есть рынок и можно будет немного подкормиться.

Татьяна Борисовна вспоминает: «Вечером мама проводила меня до Театра драмы имени Пушкина, где должна была стоять машина, чтобы отвезти меня на аэродром. У меня был тяжелый чемодан, но по дороге встретили одного знакомого, и он помог донести чемодан. Пришли к театру, а в это время — артиллерийский обстрел. Кругом тьма, крики раненых. Думаю: господи, куда же ты несешься с этим теннисом? Но нашла, наконец, машину, простилась с мамой и поехала на аэродром. Меня усадили в полупассажирский американский «Дуглас», и мы полетели. В самолете был боец с пулеметом, но нам удалось не встретиться с фашистскими истребителями. А следующим рейсом прилетела и Зика (Зинаида Клочкова.— Ю. З.), нас поселили в Гранд-отеле, там — ресторан, буфет. Кормили прекрасно, но это нам не мешало ежедневно бывать на Центральном рынке, где продавали булочки и «сладкое горячее». Пить это разбавленное какао

106 было пределом блаженства. Подкормившись немного, взяли ракетки и пошли поиграть. Ничего, смотрим, играется».

14. Устроители турнира учли и повышенный аппетит ленинградоков, и то, что они — да и не только они — давно уже не играли в теннис. Соревнования открылись не сразу и длились долго — турнирная сетка была составлена так, чтобы никому не пришлось дважды в день выходить на корт.

Вряд ли новая чемпионка Москвы Татьяна Налимова превзошла своих соперниц классом игры. Но за ней было высшее право на эту победу — она ее выстрадала. По этому счету закономерен успех и сорокалетней Зинаиды Клочковой, которая победила и в паре (с Налимовой), и в миксте (с Озеровым).

А что ж Теплякова? В тот год ей исполнилось тридцать девять. Она сознавала, что довоенной формы уже никогда не вернуть — нельзя в таком возрасте прерываться. А играть лишь для того, чтобы играть? Ей стоило только представить, как она будет мучиться после войны, выходя против совсем молодых соперниц, и она зарекалась: нет, все что угодно, но только не вымаливать жалость.

И того вкуса к игре, который ощутила она год назад, в сорок втором, уже не было. А может, был, но она его заглушила, каждодневно внушая себе: играй, коли вышла играть, но втравляться всерьез в это дело ты уже не должна. Она, конечно, не против была защитить свое звание чемпионки Москвы. Однако решила заранее, что если это случится, она обольщаться не будет. Она даже придумала, как в этом случае начала бы газетный отчет: «Вчера в финале открытого первенства Москвы тень Тепляковой встретилась с тенью Коровиной...»

Но ни Коровина, ни Теплякова в финал не вы-

шли. Теплякова, в частности, уже во втором круге уступила — кому бы вы думали? — Клочковой, которая, делая ставку на пару (лучший год Клочковой — тридцать четвертый, когда она была второй в стране, пытаясь всерьез конкурировать с Тепляковой), одиночные встречи расценивала как тренировочные. Теплякова удивленно наблюдала, как потерявшая былой вес Клочкова сравнительно быстро передвигается по площадке, потом, отметив, что у Клочковой, которая потеряла вес не по своей воле, несколько нарушилась координация, она подумала, что и сама, наверное, выглядит со стороны не лучше. А Клочкова, соскучившись по игре, думала только о конкретных мячах, и счет рос в ее пользу...

15. Одиночные соревнования уже завершались, когда вступили в игру пары. В предвоенные годы самые сильные женские пары выставял Ленинград. В 1938 и в 1940 годах звание чемпионки страны доставалось Клочковой и Коровиной. Была в Ленинграде и вторая знаменитая пара: Налимова — Тисс (чемпионки страны 1939 года). Элен Тисс крепко держала заднюю линию, хорошо дополняя сеточницу Налимову.

Тисс тоже осталась в блокированном Ленинграде. В начале марта сорок второго года Налимова получила от своей партнерши тревожное письмо. Тисс общала, что виделась с Кудрявцевым и что у него умерла жена. Писала и о своей жизни: «Мама очень ослабела, ничего не может делать — постоянно кружится голова. Я очень боюсь за нее... Братик мой лежит в лежку третий месяц. Не знаю, чем кончится... Сейчас у меня опять плохо с сердцем и ногами. Я выберу все-таки денек и приду к тебе... Татьяна, не забывай партнершу. Может быть, когда-нибудь еще сыграем...»

Налимова, как я уже говорил, жила около Московского вокзала, а Тисс — около зоопарка на Петроградской стороне. Тисс дважды пыталась дойти до Налимовой, но на полпути ее оставляли силы. И Налимова шла к Тисс, но дошла лишь до Невы. А в конце марта Элен Тисс умерла...

Собираясь на московский турнир, Ключкова сказала Налимовой, что хотя они обе не особенно держат заднюю линию, но Тисс уже нет, а где Коровина — неизвестно... Так в августе сорок третьего года сложилась новая ленинградская пара: Ключкова — Налимова. Решительно выходя на площадку, они давали понять, что убьют с лёта любой мяч.

А Коровина, приехав в Москву, оказалась без партнерши. Не было партнерши и у Тепляковой — Ольсен не захотела участвовать в турнире, сказав, что хватит с нее тенниса. И, в конце концов, Теплякова и Коровина объединились.

Какой неожиданный поворот судьбы, правда? Теплякова долго ждала того дня, когда она выйдет против Коровиной и затем расстанется с теннисом. А получилось, что в своем последнем турнире она последний раз вышла на корт вместе с Коровиной.

Они встречались с Ключковой и Налимовой, но в этой встрече не был сыгран даже один сет. Теплякова попятилась за мячом и вдруг оказалась на земле. Она не сразу поняла, что случилось. Первое ощущение, что кто-то дал ей палкой по ноге — вот она и села. Она сидела, улыбаясь, а все смеялись и говорили: «Вставай». По-прежнему улыбаясь, она пыталась встать и не могла. А вокруг уже никто не смеялся. Увидев свое раздувшееся колено, она наконец поняла, что это — мениск...

Так заканчивается история нашей великой теннисной чемпионки Нины Тепляковой. Три ее постоянных соперницы в тот день унесли ее с корта.

1. Она привыкла быть чемпионкой, премьершей. Привыкла, закончив сезон, уехать в Гагру и так загореть, чтобы быть самой черной. Райская была жизнь.

Когда же в послевоенные годы она взялась работать тренером, жизнь первое время казалась ей беспросветной. В ее группе были опытные теннисистки из первой десятки страны, но ни одна из них не стремилась прыгнуть через голову — им было достаточно удержаться в десятке. И состоять при таких спортсменках нянькой?

Но однажды — это было в сорок восьмом году — к Тепляковой подошла тридцатичетырехлетняя перворазрядница Елизавета Чувырина и сказала:

— Нина, я очень хочу играть в настоящий теннис. Научи меня.

Перепробовав к двадцати годам все виды спорта, Чувырина остановилась на теннисе и начала самостоятельно тренироваться. Она тренировалась так фанатично, что, совершенно не понимая сути игры и стремясь лишь перебить мяч на ту сторону площадки, добралась до первого разряда.

До войны Чувырина жила в Киеве, и как-то к ним приехал Коше, которого сопровождала и Теплякова. Весь теннисный Киев склонился перед Коше, а Чувырина видела лишь Теплякову.

Елизавета Михайловна вспоминает: «Она была вся как пружинка. Худенькая, внимательная...»

В сорок седьмом году Чувырина родила дочь, которую назвала Мариной, и твердо решила, что теперь целиком посвятит себя теннису. Она сказала Тепляковой, что желание играть по-настоящему с каждым годом все больше овладевает ею.

Все тогдашние подопечные Тепляковой были безысходно благоразумны. Весело посмотрев на Чувырину, она отметила, что возраст возрастом, но ноги у нее крепкие — имея такие ноги, можно бегать как лань.

— Ты играешь без головы, — сказала Теплякова. — И лупишь — не знаю как. Тебя надо всю переделывать.

— Верно, верно, — заговорила Чувырина. — Вот и переделай меня. Научи меня так играть, как сама играла.

Чувырина поклялась, наконец, что безоглядно ей подчинится и впредь не сделает ни одного шага — и не только на корте — без ее одобрения.

И Теплякова начала ее переделывать: научила играть тактически грамотно, поставила работу ног, улучшила ее технику, привила умение держать мяч и умно его разыгрывать. И сотворилось чудо — за три года она вылепила из великовозрастной Чувыриной некое свое подобие.

В 1950 году Елизавета Чувырина вошла в десятку и, мало того, была классифицирована четвертой. В тот год она уже одержала ряд хороших побед. А после того как в матче Москва — Ленинград Чувырина победила Коровину, Теплякова сказала ей:

— Ну, Лиза, теперь ты можешь играть с кем угодно. 111

2. В сороковые годы в нашем теннисе попеременно лидировали бывшие соперницы Тепляковой.

В 1944—1945 годах чемпионкой страны была Галина Коровина. Между прочим, хотя совет Тепляковой: «Никогда никому не проигрывай даже на тренировках» — в свое время ее немного смутил, но она ему стала следовать. И в те годы, когда была первой, не знала ни одного поражения. А одну из причин своих последующих неудач Коровина видит в том, что ей все-таки переставили ее неклассический удар слева (тренер Синючков был непреклонен). «Тут я, как говорится, и свихнулась», — замечает Галина Сергеевна.

В 1946—1947 годах чемпионкой страны была Ольга Калмыкова. Помните, как, проиграв Тепляковой, которая подвернула ногу, Калмыкова кляла себя, называла «бездарью»? По мнению же Тепляковой, Калмыкова была как раз самой одаренной ее соперницей, но не самой волевой.

Самой волевой была Надежда Белоненко, которая стала чемпионкой страны в 1948 году и до пятидесяти первого года никому этого звания не уступала.

В пятьдесят первом году в финале чемпионата страны против Белоненко вышла Чувырина.

Решающий сет, как Теплякова ни накачивала Чувырину, та начала неуверенно. Внутренне она еще не готова была к тому, чтобы ощутить себя первой. И когда Белоненко повела 4 : 2, Чувырина подумала: второе место мое — и то хорошо. Но, подумав так, она сразу раскрепостилась, заиграла смелее и сравняла счет.

И тут — впервые в жизни — Чувырина испытала прилив невиданной игровой ярости и буквально

112 задавила Белоненко. Последний мяч. Продолжая играть зло и уверенно, Чувырина загнала Белоненко в левый угол, та упала, но в падении все же достала мяч и отбила его свечой.

Нина Сергеевна вспоминает: «Мяч летит, а Чувырина стоит, открыв рот,— думает, что если упала Белоненко, то все позади. Хорошо, я сидела у самой сетки. Кричу ей: «Лиза, отбивай!» Она бы не отбила иначе. Она же на летящий мяч не смотрела. Она стояла и смотрела на упавшую Белоненко. Поэтому я и крикнула: «Лиза, отбивай!» И она сразу ракетку подставила — пустая площадка-то, поскольку Белоненко все еще лежит, — и отбила мяч. А если бы Белоненко встала, то могла бы выиграть. Она страшно волевая была».

Елизавета Михайловна вспоминает: «Мяч летит, а я думаю: только бы она не встала... Тут Нина крикнула мне, я посмотрела на мяч и так тихонечко его — в другую сторону. Белоненко встала, обреченно махнула рукой и пошла меня поздравлять».

В финале следующего чемпионата страны Елизавета Чувырина встретилась с Татьяной Налимовой.

Хотя Налимова была на год моложе Чувыриной, она уже считала себя ветераном, что, впрочем, вполне естественно — ей было тридцать семь лет. Как парный игрок она между тем продолжала быть вне конкуренции. В сорок четвертом году Налимова объединилась с Коровиной, и до середины пятидесятых годов эта пара не знала себе равных. Коровина вспоминает: «Татьяна стояла у сетки, расставив свои ручки. А я, как щеночек, сзади все подбирала. Дружно, хорошо мы играли». (Когда в 1955 году Коровина и Налимова вновь станут чемпионками страны, с ними обойдутся несправедливо, сказав им, что хватит, не преграждайте путь молодым и займитесь-ка лучше тренерством...)

Так вот, в пятьдесят втором году, выиграв и пару и микст (с Негребецким), Налимова вышла в одиночный финал. Она возглавляла десятку только в сорок третьем году, когда выиграла открытое первенство Москвы. И теперь понимала, что у нее — последний шанс стать чемпионкой страны, да к тому же — и абсолютной.

Нина Сергеевна вспоминает: «Это был потрясающий матч. На стадионе «Динамо» — это было в Москве — рядом с футбольным полем, в углу, сделали теннисную площадку. И зрителей было как на футболе!

Первый сет Налимова выигрывает начисто. Лиза нервничает, дергается, у нее не идет удар справа. Я говорю: «Лиза, спокойнее, спокойнее. Сет ты проиграла. Ну и что? А теперь начинай играть». Она начинает играть и опять плохо. Налимова ведет 5:4 и — ее подача. Лиза переходит и говорит: «Нина, я проиграла». Я говорю: «Ничего ты не проиграла. Играй, играй. Старайся за каждый мяч играть. И держи мяч, как ты можешь держать, потому что Налимова вот-вот уже выдохнется». Она меня послушалась и стала только держать мяч. Ничего больше. Совершенно не нападала — только держала мяч. Налимовой на своей подаче оставалось выиграть два мяча, чтобы стать чемпионкой Союза. Но она эти два мяча не выиграла.

В перерыве моя Чувырина отдохнула, а Налимова так устала, что отдохнуть не успела. В перерыве я говорила: «Теперь, Лиза, можешь уже нападать». И она начала нападать и выиграла решающий сет со счетом 6 : 0! Вот как бывает».

3. Чувырина совсем не могла играть, если рядом не было Тепляковой. Она постоянно искала глазами своего тренера. Она начинала проигрывать, если да-

114 же видела, что Теплякова с кем-то разговаривает на трибуне и, значит, не целиком занята ею.

Теперь представьте состояние Чувыриной, когда, играя финал очередного чемпионата страны, она отчетливо видела, что Теплякова явно болеет, хотя и пытается скрыть это, за ее соперницу. Но представьте и состояние Тепляковой — в финал вышли сразу две ее ученицы! Второй была двадцатитрехлетняя Антонина Кузьмина.

Кузьмина пришла к ней вскоре после Чувыриной еще совсем молодой, но уже сложившейся теннисисткой. Она хорошо бегала, однако была несколько жестковата для тенниса. Теплякова быстро поняла, что особой переделке Кузьмина не поддастся, и стала лишь совершенствовать то небольшое, что в ней было заложено. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Кузьмина резко усилила игру.

1954 год. Таллин. Финал чемпионата страны. Играют Кузьмина и Чувырина.

Перед игрой Теплякова сказала им:

— Вы мне обе дороги. И не ищите во время игры моей поддержки. Вы сегодня одни, и каждая — за себя.

Она сидела в первом ряду, перекинув ногу за ногу, и лицо ее было бесстрастно. Но когда Кузьмина ошибалась, ее правая нога невольно дергалась — так дергается нога, когда невропатолог ударяет молоточком по коленке. Ход ее мыслей был таков: Чувырина не вечна, вот-вот скажется возраст, а Кузьмину все-таки можно еще повести вперед.

Каждый раз отмечая, когда у Тепляковой дергается нога, Чувырина играла ужасающе плохо. А Кузьмина смотрела только на мяч и выигрывала гейм за геймом. Но в какой-то момент Кузьмина вдруг осознала, что творится с Чувыриной, и ей стало неловко выигрывать...

Сдержанные таллинские зрители расходились в полном недоумении: как удалось Чувыриной вырвать эту победу?

А Кузьмина, объединившись с Чувыриной, победит в Таллине в парном финале, и эта победа останется ее высшим теннисным достижением.

Чувырина же, которая станет в Таллине четырехкратной чемпионкой страны, на следующий год уступит все-таки более молодой сопернице. А в начале пятидесят шестого года, проиграв на первом Московском международном зимнем турнире норвежке Шоу-Нильсен, которой тоже было за сорок, Чувырина тихо соберет свои ракетки, уложит их в сумку и молча уйдет из зала.

Несколько дней она ни с кем не обмолвится ни словом, а потом ошарашит Теплякову, сказав, что ей пора снова переучиваться — овладевать ударом по восходящему мячу, да и вообще играть реактивнее.

— Осторожнее, Лиза, — скажет Теплякова, — В твоём возрасте опасно разрушать свою игру.

— Посмотрим, — упрямо скажет Чувырина.

Как бы то ни было, но в Тбилиси — на чемпионате страны 1957 года — Чувырина снова выйдет в финал, да еще во всех трех разрядах! Тут, однако, ее схватит радикулит. И хотя Теплякова будет проглаживать горячим утюгом ее поясницу, но радикулит так крепко схватит Чувырину, что она «простоит» все три своих финала.

Елизавета Михайловна сейчас говорит:

— Если бы не радикулит, я бы вновь была чемпионкой.

А Нина Сергеевна говорит так:

— Лиза думала, что стала играть реактивнее, но все это — ерунда. Она играла в Тбилиси на остатках того, что в нее было вложено. Мужественно играла.

Но, признаться, Теплякова уже жила в Тбилиси только успехами юной своей ученицы Анны Дмитриевой.

4. В 1972 году издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу Анны Дмитриевой «Играй в свою игру». Подробно излагая свою теннисную биографию, пятикратная чемпионка страны рассказывает и о том, как десятилетней девочкой на обеде у художника Эрдмана она познакомилась с Ниной Сергеевной и та, вручив ей вилку, велела представить, что у нее в руке ракетка, и о том, как спустя девять лет, в 1959 году, едва став чемпионкой страны, она ушла от Тепляковой к другому тренеру.

Должен сказать, что я помогал Дмитриевой работать над книгой и что именно тогда у меня и возникла мысль исследовать спортивную судьбу Нины Сергеевны Тепляковой. Ее глазами я и попытаюсь сейчас взглянуть на некоторые события, о которых уже рассказано в книге «Играй в свою игру».

5. Теплякова хорошо помнит, как тонко звенели высокие старинные бокалы на том обеде у Бориса Эрдмана.

Попадая в театральную среду, она жадно слушала веселые закулисные истории, любила сама что-нибудь вспомнить. Она и сейчас готова часами рассказывать о своем мюзик-холльном прошлом. Может даже показать, например, как у Смирнова-Сокольского однажды заклеился рот. Лола Добржанская — их первая «герлс», любимица Голейзовского — подменила Смирнову-Сокольскому стакан воды на стакан клея, и он читал-читал свой фельетон, потом глотнул этого клея и уже не смог открыть рот. Вот такая история.

У Эрдмана, как обычно, было шумно и весело. И только к концу обеда она спохватилась, что за

столом сидит дочь друга Эрдмана, театрального художника Дмитриева, которая хочет играть в теннис, и ради того, чтобы познакомить ее с этой девочкой, и устроен обед. Девочка походила на удивленную обезьянку. Теплякова схватила вдруг вилку и сунула ей:

— Покажи, как ты будешь играть.

Девочка посмотрела на нее подозрительно, взмахнула вилкой, как ракеткой, и мгновенно залилась краской.

Это обеденное знакомство с десятилетней Аней Дмитриевой перевернуло всю ее тренерскую жизнь. Да, она мастерски вылепила из Чувыриной некое свое подобие, но теперь, почувствовав свою силу, хотела создать теннисистку, какой в стране еще не было. Среди наших тренеров уже шел разговор, что надо учить современному стилю игры, взяв все лучшее, что имеет отечественная школа. И действительно, было бы шагом вперед, например, появление теннисистки, которая на задней линии играла бы как Теплякова и Коровина, вместе взятые, а у сетки — как Клочкова или Налимова. Но этот очевидный вариант не увлекал тренера Теплякову. Она не знала еще, что хотела бы сделать, ей только казалось, что если найти идеальный «материал», то, может, он сам подскажет форму.

У нее была уже группа девочек, и она решительно ставила им настоящую игру с лёта, которой сама никогда не владела. Но помните, как в свое время, даже играя с Коше пару, она запоминала рисунок его движений, и прежде всего при игре с лёта? И все эти годы ее цепкая балетная память хранила игру Коше. Теплякову хвалили за то, что она учит играть у сетки, но она продолжала испытывать беспокойство, ибо никак не могла найти ту единственную девочку, которая помогла бы понять ей, что делать дальше.

На стадионе, в метро, на улице она присматривалась к каждой маленькой девочке, но ту **свою** девочку ей увидеть не удавалось. Собираясь на обед к Эрдману, она думала, что придется обзавестись, очевидно, еще одной обычной ученицей. Ей казалось даже смешным идти в этот театральный дом, где она обычно забывала о теннисе, в роли тренера. Ей почему-то представлялось, что ту **свою** девочку она скорее всего увидит на улице. Между прочим, позднее она действительно увидит на улице одну очень одаренную девочку, но об этом — в свое время.

На занятия к Тепляковой Аня пришла уже с собственной ракеткой и сказала, что знает, как держать ее. А как держать ракетку, Ане показал незадолго до этого, перед самой своей смертью, чемпион Москвы 1918 года и известный мхатовский артист Всеволод Вербицкий, который приходился ей двоюродным дедом.

Теплякова была потрясена, когда убедилась, какое чувство мяча и какое понимание игры дано Ане Дмитриевой. Ее новая ученица быстро схватила рисунок игры с лёта, а по прошествии не столь уж долгого времени вдруг пожаловалась, что ей скучно готовить выход к сетке розыгрышем мяча с задней линии и что она себя чувствует на месте, когда сразу выдвигается вперед.

Теплякова уцепилась за это и стала поощрять Дмитриеву: «Иди, иди вперед». И с того дня Теплякова уже знала, что она хочет сделать. Читателю, далекому от тенниса, может быть, поможет футбольная аналогия. Лучшие современные форварды, играя в одно касание, предлагают совсем иной футбол, чем прежде. Так и игра Дмитриевой произвела переворот в нашем женском теннисе. Взвинчивая игровой темп, она постоянно стремилась выдвинуться на хавкорт, где и начинала розыгрыш мяча, уверенно завершая

его ударом у сетки. Сама Теплякова рисковала бежать на хавкорт только в том случае, когда ее соперница уже была выбита с площадки и отвечала слабым защитным ударом. В ином случае Теплякова чувствовала себя на хавкорте как на наклонной плоскости. А ее Дмитриева, которая скисала, если игра сводилась к многократному повторению очевидных ситуаций, рвалась на хавкорт, чтобы насладиться чувством опасности и дать простор своему нешаблонному игровому мышлению.

Все эти качества, несомненно, были заложены и в самой Тепляковой. Но думаю, что в молодости ей не хватило внутренних сил, чтобы преступить каноны той теннисной среды, в которой она воспитывалась. Аня Дмитриева помогла ей начать свою жизнь заново.

Но многие ли способны начать жизнь заново после пятидесяти?

В 1956 году, после того как мы вступили в Международную теннисную федерацию, Теплякова была в числе первых тренеров, которые отправились в Англию на Уимблдонский турнир, еще с конца прошлого века ежегодно собирающий весь цвет мирового тенниса. В Уимблдоне, не размениваясь на мелочи, Теплякова день за днем изучала стиль игры американской теннисистки Алтеи Гибсон. Знаменитая негритянка играла в мужской атакующей манере, демонстрируя безукоризненное сочетание тончайшей тактики и атлетизма.

И когда в 1958 году Анна Дмитриева первой из советских теннисисток приехала в Англию и сразу же выиграла юниорский турнир в Бекнеме, а в Уимблдоне стала среди юниорок второй, то знатоков впечатлил ее стиль игры, а тогдашняя первая леди Уимблдона Алтея Гибсон подарила ей с дарственной надписью свою книгу: «Я всегда хотела стать кем-то».

6. Прекрасный принцип «все или ничего», равно близкий и Тепляковой и Дмитриевой, трактовался ими, однако, немного по-разному.

Возвратимся в Тбилиси на чемпионат страны 1957 года, где Анна Дмитриева, которой не исполнилось еще и семнадцати, уже захотела всех победить.

В Тбилиси Аня приехала перворазрядницей, но уже в ходе турнира, после победы над Антониной Кузьминой, выполнила норму мастера спорта. И если в свое время Теплякова болела за Кузьмину против Чувыриной, то теперь она болела за Дмитриеву, но на всякий случай ушла с трибуны и смотрела матч издалека.

Выиграв первый сет со счетом 6 : 1, Аня и во втором повела 4 : 1, но тут ее стал бить озноб — сказались жара и нервное напряжение. И то, что в таком состоянии она довела игру до победы, порадовало Теплякову. Аня стыдливо писала в своем спортивном дневнике, что в конце игры она еле держалась на ногах и думать не могла ни о каких выходах к сетке. Но Нину Сергеевну это не огорчило — она давно уже знала, что победителя не судят.

В четвертьфинале Аня в отчаянной борьбе уступила будущей победительнице турнира Маргарите Емельяновой, и теперь ей предстояло оспаривать пятое-восьмое места. Но бороться за пятое место она не хотела. Или быть первой, или...

После очередного матча в ее дневнике появилась следующая запись: «Этот матч я провела довольно бесцветно, т. е. я не могла ни разу перебить на ту сторону...» На полях дневника Теплякова дала этому такую оценку: «Запись неприличная».

Но Дмитриева не хотела, да и не могла по складу характера, исповедовать спортивное благоразумие. С ее точки зрения, победитель как раз судим — и если не можешь выглядеть безукоризненно, то оставай-

ся в тени. Чтобы следовать подобной бескомпромиссности, надо иметь железные нервы, но люди с железными нервами как раз обычно благоразумны...

И все же в пятьдесят девятом году Теплякова помогла Дмитриевой выйти из этого заколдованного круга и стать чемпионкой страны.

В полуфинале Аня встретилась с Ириной Рязановой, которая была лишь немногим старше ее и в те годы также считалась нашей надеждой. Рязанова была для нее тогда очень трудной соперницей. Вот как рассказано об этом матче в книге «Играй в свою игру»:

«Она повела 5 : 2. И тогда я стала кидать свечи. Кидала свечи до изнеможения — так, что сводило локоть. Я дожидалась, когда Ира, выбитая этими свечами из своего ритма, даст мне легкий мяч, шла к сетке и убивала его. Мне свистели, кричали: «Брось качать!» Только Нина Сергеевна поддерживала меня:

— Правильно, — кричала она, — все делаешь правильно! Так и делай!

Я выиграла первый сет 7 : 5 и во втором захотела было поиграть в нормальную игру, но Ира опять повела 4 : 1. И я опять туда же — качать. Ира зло улыбалась: «Опять свеча?» И, тоже улыбаясь, я опять кидала свечу. Если играешь с лёта, к подобной тактике приноровиться легко. Но Ира так играть не умела и отвечала средней силы накатом. Я выиграла второй сет 6 : 4.

— Качала! — сказала мне Ира. — А говорят, современный игрок...

И на Нину Сергеевну все нападали: чему, дескать, учишь — качать? А она улыбалась и тихонько меня хвалила:

— Будешь завтра с Лерой играть, лупи сколько хочешь. Выходи к сетке и лупи! А сегодня надо было мяч подержать. Все правильно. Умница!»

Теплякова пошла против всех и внушила Ане, что ей надо выдержать это «испытание свечами», чтобы на следующий день выглядеть королевой.

И действительно, на следующий день Аня победила Валерию Кузьменко в самом лучшем своем стиле. Приведу еще одну выдержку из книги:

«Она ведет 3 : 1 и кидает мне полусвечку. И вдруг совершенно интуитивно я опускаюсь на колено и полусмешем эффективно убиваю мяч. Лера была совершенно потрясена моей уверенностью, а я уже чувствовала, что могу играть теми ударами, которыми мне хотелось бы играть.

Хочу, например, выиграть у нее закрученным ударом в ноги и выигрываю. И снова так же замахи-ваюсь. Лера ждет, что я повторю удар, а я по-другому играю — как хочу. А теперь вдруг кидаю свечку и не спеша иду к сетке. «Черт возьми, — думаю, — все получается!»

Лера очень положительный человек — всегда первой целует победителя. И, начиная последний гейм — да, я уверена, что это последний гейм, — думаю, как Лера уже готовится целовать меня.

И, наконец, матчбол. Я где-то на середине корта, а Лера стоит ближе к левой стороне. У нее растерянный вид. Все ждут моего удара. Тишина.

И я реально сознаю, что с этим ударом я — чемпионка. Я говорю себе, что если пущу мяч чуть закошенный по линии, то Лера его не возьмет. Так и пушкаю мяч. Лера делает два шага, не достает и бежит меня целовать!»

Но, едва став чемпионкой страны, Дмитриева ушла от Тепляковой к Сергею Сергеевичу Андрееву, надеясь, что он быстро поможет ей овладеть техникой лучших зарубежных теннисистов. И Андреев, только что возглавивший сборную команду страны, действительно увлеченно занялся с Дмитриевой изучением

современной техники, интуиции Тепляковой противопоставив свой собственный опыт и научный подход. Есть много причин — и объективных и субъективных, — которые не позволили Дмитриевой стать первой не только в стране. Во всяком случае, целиком реализовать себя в теннисе ей не помог и Андреев.

Нина Сергеевна говорит сейчас, что она ни в чем не винит Аню, но если бы Аня не ушла от нее, то она бы ее заставила все-таки выиграть Уимблдон. Нина Сергеевна даже предполагает, что Аня ушла от нее, чтобы не быть обязанной выигрывать Уимблдон, боясь, что ей не хватит для этого внутренних сил. Они ведь только однажды, в 1959 году, сошлись в понимании этого прекрасного принципа «все или ничего».

7. В свое время Теплякова была, конечно, ужасно расстроена, что Дмитриева покинула ее. Однако на всех турнирах она по-прежнему болела за Аню, по-прежнему восхищалась ее талантом. Зимой шестьдесят первого года Дмитриева, вдруг выйдя из формы, проигрывала на Московском международном турнире своей постоянной сопернице Ирине Рязановой. По лицу Нины Сергеевны, которая сидела в первом ряду около самого угла корта, шли красные пятна. А когда Аня растерянно посмотрела на нее один раз, другой — не у нового тренера она искала поддержки, а по-прежнему у своей Нины Сергеевны, — Теплякова не сдержалась и что-то крикнула Ане, стремясь ее успокоить. А своим маленьким девочкам, которые подавали на турнире мячи, она, видя, как Аня устала, тихо сказала: «Медленнее, девочки, медленнее...»

Одной из девочек, которая стала вдруг бегать медленнее, была Ольга Морозова.

8. Однажды, выходя со стадиона, Нина Сергеев-

на увидела висящую на заборе чумазую девочку и остановилась, залюбовавшись тем, как ловко девочка лазает по забору. Когда же та, спрыгнув на землю, погналась за поливальной машиной, Теплякова ринулась наперерез машине, подманила к себе эту гибкую, быструю девочку и осторожно спросила, поедет ли она на лето в пионерлагерь или на дачу? Девочка сказала, что никуда она не поедет.

— Так все лето и будешь здесь бегать?

— Да.

— А в теннис играть не хочешь?

— А это что такое? — вяло, без всякого интереса спросила девочка.

— Приходи ко мне завтра, — быстро заговорила Нина Сергеевна. — Увидишь как занимается Аня Дмитриева, наша чемпионка.

— Ладно, — тем же тоном сказала девочка.

Нина Сергеевна боялась, что девочка не придет, но она пришла и, взяв в руки ракетку, сразу же обнаружила редкие теннисные способности. А когда Нина Сергеевна убедилась, что девочка умеет мыслить на корте, прекрасно видя игру, она стала всем говорить, что нашла «новую Анну Дмитриеву». Так Теплякова все же увидела на улице **свою** девочку.

Эту девочку звали Таня Чалко, и в свое время она действительно подавала большие надежды, но из-за полного отсутствия характера реализовать свои возможности не смогла. Однако в биографии Оли Морозовой роль Тани Чалко достаточно велика. Начать с того, что именно Таня, совсем того не желая, привела Олю к Нине Сергеевне.

Нина Сергеевна уже два года занималась с Таней, то восторгаясь ее одаренностью, то приходя в отчаяние от ее неразумности и капризности, когда Танина мать, в очередной раз покорно выслушав претензии тренера, посоветовала простодушно:

— А вы ремнем ее, Нина Сергеевна, ремнем.

— У меня немного другие методы, — сказала Теплякова. — Я вот решила подарить Тане ракетку, чтобы она, когда хочет, могла и дома играть.

Эту ракетку Таня на следующее утро принесла в школу, похвасталась ею немного, а затем ракетка ей надоела, и она отдала ее мальчику, с которым сидела за партой. А этот мальчик жил в том же дворе, что и Оля Морозова.

Морозова вспоминает: «Витя — так звали Таниного одноклассника — любил попижонить и вечером вышел с ракеткой во двор. Он раздобыл где-то и старенький мячик и сказал нам: «Давайте я вам покажу, как бить ракеткой». А во дворе стоял огромный-огромный гараж, и у него были огромные-огромные двери. Двери, как стенка. И тут началось. Мы выхватывали друг у друга ракетку — кто кого перебьет, попадая мячом в эти двери. Кто попадет больше! Уже ночь была, часов одиннадцать, когда мама вышла во двор и, оторвав меня от ракетки, увела спать. Я на всю жизнь запомнила эту трехцветную динамовскую ракетку. Какие цвета? Желтый, темно-синий и коричневый. Этот Витя, которому Таня дала свою ракетку, на следующий день мне сказал, что на «Динамо» есть теннисная секция, которой руководит самый лучший тренер Советского Союза Нина Сергеевна Теплякова. И я отправилась к Нине Сергеевне».

Но в тот летний день 1959 года Оля не встрети-лась с Ниной Сергеевной на «Динамо». Ее посмотрел совсем другой тренер и принял в свою группу. Однако на следующий день Теплякова, увидев Олю, огорчилась, что упустила эту быструю худенькую девочку. Оля тоже во все глаза смотрела на Нину Сергеевну и не знала, как ей теперь быть. Тогда Теплякова пошла на хитрость — сказала своему коллеге, что он, пожалуй, перестарался и набрал девочек больше, чем

126 следует. Тот согласился с ней. Дело кончилось тем, что Теплякова, «критически» оценив Олю, согласилась великодушно взять ее в свою группу.

9. В первый же день занятий Нина Сергеевна подвела Олю к стенду, который висел в вестибюле крытого корта «Динамо», и, указывая на огромную фотографию Ани Дмитриевой, сказала, что эта девочка — чемпион Советского Союза. И, приходя на тренировки Дмитриевой, Оля тихонечко присаживалась где-нибудь в сторонке и замирала, боясь шелохнуться. Она следила за тем, как тренируется Дмитриева, лишь глазами, не решаясь поворачивать голову, чтобы не помешать ей.

Теплякова говорила начинающим девочкам: «Играешь справа, не забывай поддерживать левой рукой шейку ракетки». Кому-то приходилось внушать это элементарное правило, но только не Оле Морозовой — она никогда не забывала взяться за шейку. А если Теплякова просила сделать десять «пистолетиков», она всегда делала и одиннадцатый!

Оля сразу решила, что Нина Сергеевна всегда и во всем права. Долгое время для нее просто не существовало других авторитетов. Тут велика роль и Олиной мамы, которая поощряла такое отношение к тренеру.

Свою самую первую турнирную встречу Оля проиграла, но не в этом беда — она проиграла, по мнению Тепляковой, самым недопустимым образом. Это было в Москве, на «Спартаке». Оля встречалась с Грант, своей ровесницей. Она выиграла первый сет и вела во втором, как вдруг девочка Грант заплакала. Тренер ее ругала за то, что она плохо играет, вот она и расплакалась прямо на корте. Оле стало жалко эту девочку, и она отдала ей и второй сет и третий. Нина Сергеевна отчитала Олю:

— Ты выходишь, чтобы выигрывать. Какая разница, что она плакала? Чтоб я в жизни больше не слышала таких оправданий! Слава богу, что это твой первый матч...

И даже в шестьдесят втором году, когда к Оле пришел первый настоящий успех — в Риге на первенстве ЦС «Динамо» она победила в своей возрастной группе, — Теплякова была не очень довольна ее игрой. Дело в том, что в финальном матче Олю сковал страх и она стала качать. И в перерыве перед решающим сетом Нина Сергеевна разгневанно ей сказала:

— Если еще раз кинешь свечку, я тебя выгоню из секции...

Теплякова допускает защитную свечу как тактический прием, но свечу — от страха?

Эти детские соревнования завершились полным триумфом Тепляковой — ее ученицы победили во всех возрастных группах. Наибольших похвал среди победительниц — за умную яркую игру — удостоилась Таня Чалко. В адрес Оли Морозовой подобных слов сказано не было. Но Оля верила: придет время, когда и ее похвалят за умную, яркую игру, а в Риге ей надо было любым путем победить всех своих сверстниц, что она и сделала. Оле свойственна счастливая способность реально оценивать свои возможности и претендовать в данный момент лишь на то, на что она вправе претендовать. Как часто талантливый человек, гонимый неумным честолюбием, но не умея соразмерить свои сегодняшние возможности с поставленной целью, срывается, губит себя. Тому много примеров и в спорте.

Оля же не сорвалась ни разу.

Первый год она доказывала Нине Сергеевне, что та не зря взяла ее. Два следующих года посвятила тому, чтобы стать первой у Тепляковой (а соответственно — и одной из первых в стране) среди своих

128 сверстниц. В эти два года, ревниво поглядывая на Таню Чалко, она тем не менее и не помышляла о том, чтобы посягнуть на ее лидерство в секции. Она лишь отмечала, как непростительно мало берет Таня от тренировок, которые специально для нее устраивала Нина Сергеевна.

Морозова вспоминает: «Прекрасно вижу динамовский корт в такое зимнее утро. В зале уютно — в широкие окна льется солнышко. На корте с одной стороны стоит Таня, а с другой — какая-нибудь известная взрослая теннисистка, которую Нина Сергеевна специально пригласила, чтобы поиграть с Таней. Они стоят себе на корте, а я около них играю о стеночку и думаю: неужели и меня когда-нибудь поставят с этой женщиной? Нина Сергеевна кричит в это время: «Таня, ты опять невнимательна!» А я думаю: как бы я была внимательна, если бы меня сейчас поставили вместо Тани».

10. В июле шестьдесят первого года в Москве на Малой арене Лужников выступал теннисный цирк Джека Крамера. Среди девочек, которые подавали знаменитым профессионалам мячи, была и Оля Морозова. Ей казалось, что это происходит во сне, что это как в сказке — она подает мячи великому Лью Хоаду, тому самому Хоаду, которого славят как одного из самых ярких и артистичных игроков за всю историю тенниса! А Панчо Сегура, который, вопреки всем представлениям о технике тенниса, бил справа, ухватив ракетку двумя руками, — да как бил! Оля до сих пор хранит коробку с данлоповскими мячами, которыми играли в Москве Хоад и Сегура и которые они подарили ей.

В тот же день, когда Оля подавала профессионалам мячи, на Малой арене состоялось и другое событие, которое она тоже запомнила на всю жизнь, —

чествование Бакшеевой. Теннисная Москва восторженно приветствовала пятнадцатилетнюю киевлянку Галину Бакшееву, которая первой в истории нашего тенниса выиграла юниорский турнир в Уимблдоне.

Оля во все глаза смотрела на Бакшееву — она сделала то, что не смогла сделать даже Дмитриева. Оля до сих пор помнит, как ярко были накрашены губы в тот день у Бакшеевой и как длинны были тонкие каблуки ее черных туфель. Правда, Олю слегка смутила та нарочитость, которую себе во всем позволяла пятнадцатилетняя Галя. Она отметила, что Лью Хоад, дважды выигравший настоящий Уимблдон, держится гораздо проще.

А через несколько дней, возвращаясь с тренировки домой, Оля подумала, что, быть может, придет время, и она, как и Бакшеева, выиграет юниорский Уимблдон. У нее даже дух захватило от этой мысли. Оля сказала мне, что может совершенно точно указать то место на аллее динамовского стадиона, где она об этом подумала. Но уже на следующей тренировке она думала о вещах совершенно конкретных — какой там Уимблдон, когда первой в секции была по-прежнему Таня Чалко.

И тонким чувством мяча и нешаблонностью игрового мышления Таня действительно очень напоминала Дмитриеву, которая в тот момент для Тепляковой была эталоном. А если учесть, что Дмитриева уже занималась с другим тренером, то легко понять, какую ставку самолюбивая Теплякова делала на Таню Чалко.

А Оля, стремясь «завоевать» Нину Сергеевну, начала посягать на Танино лидерство в секции. Это не укрылось от Тепляковой. Ей понравилось, что в тренировочных встречах младшая постоянно пытается «зацепить» старшую. Она стала уделять Оле больше

внимания, что вызывало у Тани бурные приступы ревности. То она демонстративно переставала тренироваться — стоит на корте и швыряет мячи, то вообще не приходила на занятия. А однажды Таня зло выложила Нине Сергеевне: «Вы стоите около Оли больше, чем около меня, и больше ее поправляете!»

Нина Сергеевна вспоминает: «Оля потихонечку-потихонечку приближалась к Тане, а та не могла пережить, что Оля ее догоняет. Тут она и сбоила».

Дмитриева, которая по-прежнему — только под руководством Андреева — тренировалась на «Динамо», вспоминает: «Однажды я отрабатывала подачу, а Андреев ставил против меня на прием мяча девочек Нины Сергеевны. Девочки боялись принимать мою подачу, но вдруг одна из них, ничуть не смущаясь, перебила на мою сторону и один мяч, и другой, и третий. Я поняла, что эта девочка, раз уж ее поставили против меня, видит свой долг в том, чтобы возратить мяч, не заставляя меня бегать за ним. Девочка меня удивила, и после тренировки я долго присматривалась к ней. Это была Оля».

11. Шесть лет Оля Морозова аккуратно, ступенька за ступенькой, поднималась по теннисной лестнице, а затем вдруг ринулась вверх сломя голову. Замечу, что чередование таких замедлений и рывков прослеживается в ее теннисной биографии и в дальнейшем.

Шестьдесят пятый год она начала с победы над Таней Чалко. Этой их встрече на внутрдинамовских соревнованиях предшествовал Кубок Москвы, где победила первая команда «Динамо» в составе: Дмитриева, Морозова. То, что Дмитриева избрала ее себе в партнерши, вознесло Олю до небес. Аня теперь часто предлагала ей вместе тренироваться, щедро делилась с ней своим пониманием игры. Сознавала ли

чемпионка страны, что «натаскивает на себя» свою будущую соперницу? Да, пожалуй, Аню и радовала и слегка смущала способность Оли впитывать все, что ей показываешь. Но Аня, уйдя от Нины Сергеевны и вроде бы убедительно оправдав свой уход, тем не менее сознавала свою вину перед Тепляковой, и, уделяя внимание Оле, она как бы искупала отчасти эту вину.

Да и, наконец, Теплякова создала такую традицию — ее старшая ученица берет в пару младшую. Так Чувырина взяла в свое время в пару еще совсем неопытную Дмитриеву, и они даже выиграли чемпионат страны, а теперь сама Дмитриева взяла в пару Морозову.

Бескорыстие и благородство Нины Сергеевны всегда находили отклик в сердцах ее учениц. Недаром, когда я попросил Морозову перечислить то, чему она научилась у своего тренера, Оля прежде всего сказала: «Честности, правдивости во всем». И лишь Таня Чалко, которой Нина Сергеевна отдала несколько лет жизни, обнаружила в конечном счете не только теннисную, но и, что гораздо опаснее, — человеческую несостоятельность. Сколько раз Нина Сергеевна прощала Тане и фальшь и обман, но та каялась, могла послать ей, например, такое письмо: «Нина Сергеевна, извините меня за все, что причинила вам я. Теперь я понимаю, как мне важно каждое ваше слово. Нина Сергеевна, разрешите мне называть вас второй мамой. Я отлично понимаю, вам будет трудно согласиться, ведь я так много сделала плохого вам. Но я хотела бы называть вас мамой...» А потом все повторялось заново. Нина Сергеевна давно простила Таню и лишь сожалеет, что она не достигла в жизни того, чего могла достичь.

А когда Оля впервые обыграла Таню, та сделала вид, что это случайность, и только сказала: «Бегаёт

как!» Оля действительно хорошо бегала, но выиграла прежде всего потому, что очень хотела выиграть. И с тех пор она всегда побеждала Чалко.

Успех Оли — она победила на этих соревнованиях не только Чалко, но и ее ровесницу Марину Чувырину (дочь Елизаветы Чувыриной, которая и ввела ее в теннис, а затем передала Тепляковой) — был оценен не только Ниной Сергеевной. Тренер сборной Андреев взял Морозову на сбор в Северодонецк, где Оля, которой не исполнилось и шестнадцати, оказалась в компании сильнейших игроков страны. А по окончании сбора Оля была включена во взрослый отборочный турнир перед поездкой в Уимблдон.

Турнир завершился сенсационно. Второе место — вслед за Дмитриевой — заняла Оля Морозова! Она одержала ряд хороших побед, но больше всего гордилась, конечно, победой над Галиной Бакшеевой.

Каждая игра Бакшеевой и сейчас, когда у нее уже все в прошлом, собирает полные трибуны. Бакшеева и сейчас иногда играет так вдохновенно, что ее поклонники стонут: «Какой талант пропал!» И действительно, в 1961 году, когда Бакшеева впервые выиграла турнир юниоров в Уимблдоне, журнал «Lawn tennis» писал: «По тому, что показала Галина Бакшеева, русские смело могут рассчитывать на нее как на будущую чемпионку Уимблдона среди женщин».

Но Бакшеевой удалось лишь дважды стать чемпионкой страны, на большее ее не хватило, хотя в свои лучшие годы, под настроение, она могла бросить вызов кому угодно. Как и Дмитриева, она играла в ярко выраженной современной манере.

Теплякова, которая всю свою жизнь преклонялась перед любым проявлением таланта — в искусстве ли, в спорте, да где угодно, — не могла оставаться равнодушной, видя на корте Бакшееву. И вот ее

маленькая Оля, играя с Бакшеевой, которая уже посягала на авторитет Дмитриевой, ведет в решающем сете 3:0! По лицу Нины Сергеевны, как всегда при крайнем волнении, шли красные пятна. А Бакшеева, не умея проигрывать, на этот раз совсем потеряла контроль над собой. Проходя при обмене площадок мимо Нины Сергеевны, она панибратски похлопала ее по плечу и сказала:

— Волнуетесь? Не волнуйтесь. Все равно я проиграю.

Естественно, эта выходка не прошла Бакшеевой даром. Теплякова же, глядя с гордостью на свою Олю, думала, что нет, совсем не случайно побеждает она теннисистку, которая значительно превосходит ее пока что классом игры...

12. Оля никогда не ждала от своего тренера подсказок во время матча, но с детства ей было необходимо сознавать, что сейчас Нина Сергеевна вместе с ней «подает», а сейчас вместе с ней «бежит» к сетке. Кто еще, кроме Нины Сергеевны, мог так целиком жить каждой ее игрой? Со временем, разъезжая по всему миру с турнира на турнир, она привыкнет играть в отсутствие Нины Сергеевны. Но представьте, каково ей было летом шестьдесят пятого года, когда впервые в жизни она летела на турнир без своего тренера? И куда летела — в Англию, на Уимблдон!

Тем не менее турнир юниорок Уимблдона Морозова выиграла. Самым трудным для нее оказался первый круг, когда лишь чудом, в огромных муках, она победила девушку из ФРГ. В финале она сошлась с австралийкой Гисгафр и сразу повела 3:0. Она подумала: неужели я, как Бакшеева, выиграю?.. Гисгафр мгновенно сравняла счет, и это дало Оле урок на всю жизнь — думать во время игры только о данном конкретном мяче. Выиграв первый сет со

134 счетом 6 : 3 и уверенно поведя во втором, она вдруг остановилась на корте, не веря своим глазам, — ее соперница, которой было тоже шестнадцать, плакала. Гисгафр продолжала бегать за каждым мячом, но по щекам ее текли слезы.

Оля посмотрела, как реагируют на это Дмитриева и Андреев, сидевшие на трибуне, и прочла на их лицах удивление. Аня, поймав ее взгляд, ободряюще улыбнулась. И тут она вспомнила, как жестоко отчитала ее Нина Сергеевна, когда она проиграла первый свой в жизни матч плачущей девочке Грант, и спокойно себе сказала: пусть плачет...

А на следующий вечер Оля сама плакала, не зная, в чем пойти на традиционный бал в Гросвенор-хауз, которым завершается Уимблдон. Еще когда они летели в Лондон, Аня рассказала ей, что первый тост на этом балу будет поднят за королеву, а потом уж за чемпионов, которые своим танцем и откроют бал! Аня обещала помочь ей купить для этого бала самое модное платье и самые модные туфли. Но Аня целыми днями то сама играла, то водила Олю смотреть другие игры и совсем забыла, что ее надо одеть на бал. И теперь Оля плакала — не могла же она идти на бал пусть даже в своем самом лучшем, но все равно обычном платье. А был уже вечер субботнего дня, и все большие лондонские магазины были закрыты.

Морозова вспоминает: «Я реву до безумия. Лежу на кровати и реву. Аня протягивает мне цветы, говоря, что вот ты выиграла Уимблдон и тебе цветы прислали. Но я-то знаю, что это ей эти цветы прислали, и еще больше рыдаю. Входит Алик Метревели и показывает мне туфли, которые он купил в подарок не то сестре, не то своей будущей жене. Туфли на шпильках длиною сантиметров десять, а то и двенадцать — самый шик! И хотя эти туфли были тридцать седьмого размера, а у меня тридцать восьмой,

их все же на меня натянули. А Аня отдала мне свое вечернее розовое платье, которое мне оказалось в самый раз, и немного меня подпудрила. Я до этого никогда не пудрилась, но Аня сказала, что у меня зареванные глаза. И мы отправились на бал, где все так и было, как Аня рассказывала, — красиво и торжественно. Все мальчики и девочки сидели наверху, а мы с Володей Коротковым, как победители юниорского турнира, сидели в зале вместе со взрослыми. И когда Маргарет Смит (ныне Корт. — Ю. З.) и Рой Эмерсон станцевали танец чемпионов, Аня сказала: «Ну, а наши чемпионы танцевать будут?» Я зашептала: «Нет, нет!» Туфли Алика так мне жали, что едва мы сели за столик, я потихоньку высвободила из них ноги»...

Но бал закончился, и Оля уже не жалела, что так и не успела обзавестись модными туфлями на длинных шпильках, — хождение по магазинам укоротило бы те бесценные часы, проведенные ею рядом с Дмитриевой на трибунах Уимблдона, когда она жадно слушала Аню, которая заостряла ее внимание на разного рода тонкостях в технике ведущих игроков мира. Она рассмотрела подачу Буэно, свечи Сантаны, работу ног Эмерсона!

Однажды они наблюдали, как играет француженка Франсуаза Дюрр, которая держит ракетку крайне странно и, по классическим представлениям, бьет совершенно неправильно, что справа, что слева, но здорово бьет. Оля никак не могла понять, как она ухитряется это делать своей «корягой»? «А ты посмотри, — говорила Дмитриева, — мяч-то у нее всегда на центре ракетки. А ноги? Смотри, как они работают, смотри, как готовы ноги. А глаза? Глаза сейчас выскочат из орбит...»

Эти наглядные — притом на лучших примерах — уроки понимания тенниса были для Оли как откры-

вение. Они дали толчок к появлению собственных суждений. Теплякову радовало, что Оля начинает с ней спорить. Она так говорит: «Если у человека нет ничего своего, мне такой человек просто неинтересен».

13. После успехов Морозовой в 1965 году Теплякова вновь воспылала честолюбивой мечтой — увидеть свою ученицу на первых ролях не только в отечественном, но и в мировом теннисе, Морозова, уверяла она себя, должна сделать то, чего не сделала Дмитриева.

В январе шестьдесят седьмого года Оля впервые обыгрывает Дмитриеву. Многие сочли это случайностью. Дескать, класс Дмитриевой неизмеримо выше, но, родив дочь, она не обрела еще былой стабильности. Аня тоже склонна была думать, что сама отдала эту игру. Но сейчас, на некотором отдалении, она видит закономерность случившегося: «Я первая стала играть у нас в быстром темпе, хотя у меня не было особой физической быстроты. Сама игра у меня была быстрая. Но еще не овладев моей игровой быстротой, Оля уже могла навязать мне непосильный темп».

В 1965 году во Всесоюзной классификации сильнейших теннисисток страны Морозова стояла девятнадцатой. Чтобы стать первой, ей понадобилось четыре года. Ее придерживала не только Галина Бакшеева. Роковой соперницей для Морозовой долго оставалась ее сверстница, москвичка Рауза Исланова.

Морозова вспоминает: «Мы с детства с ней конкурировали. Она — «Спартак», я — «Динамо». Она подавала надежды, я подавала надежды. Исланова играла стабильно, старательно. Она больше держалась на задней линии, но руки у нее длинные, ноги длинные... И когда я наконец обошла Исланову и у меня уже было много хороших побед, она продолжала со

мной бороться на равных. Играла против меня в свой самый лучший теннис. Я ей даже советовала: «Чтобы быть в хорошей форме, тебе надо играть только со мной...»

Правда, в 1968 году, еще будучи третьей в стране, Оля вновь отличилась в Уимблдоне — вышла в финал в парном смешанном разряде. Но хотя ее партнер Александр Метревели говорил, что поровну делит с Морозовой этот успех, Оля-то знала, что она лишь старательно, в меру своих возможностей, ассистировала Метревели.

Наступил 1969 год. Двадцатилетняя Ольга Морозова выигрывает чемпионат СССР и становится лидером нашего женского тенниса. В том же году Теплякова удостоверялась, что ее ученица уже близка к тому, чтобы стать игроком мирового класса.

Теплякова тренировала тогда нашу команду Кубка Суабо. Розыгрыш этого кубка является фактически командным первенством Европы среди девушек (не старше двадцати лет). Подготовленная Тепляковой команда — основную ставку она, естественно, делала на свою Морозову — и в 1968 и в 1969 годах легко выигрывала Кубок Суабо.

В шестьдесят девятом году Оля прошла турнир триумфально, отдав в трех встречах лишь один гейм! И по сегодняшний день это своеобразный рекорд кортов Лё-Туке (Кубок Суабо разыгрывается в этом маленьком курортном городке на северном побережье Франции). И сам мосье Суабо — видный парижский адвокат, который, будучи президентом Теннисной федерации Франции, учредил этот кубок в честь своей дочери, — попросил Теплякову не забывать, что именно в Лё-Туке Морозова дала понять, какое ее ждет будущее.

Кстати, мосье Суабо долго не мог поверить, что Тепляковой шестьдесят пять лет. Да и вообще фран-

цузы, покоренные не только тренерской пронциательностью, но и безудержным темпераментом и неприужденностью Тепляковой, без конца одаривали ее комплиментами, которым Нина Сергеевна откровенно радовалась. Чуть ли не каждый день она меняла шляпки, а в день финала надела самую красивую свою шляпку — белую, плетеную, с чуть загнутыми вверх полями, украшенную сзади небольшим бантиком.

С этой шляпкой — целая история. По окончании турнира Теплякова возвращалась со своими девочками в Париж машиной. Они уже отъехали километров двадцать, когда Оля спохватилась, что Нина Сергеевна забыла в отеле белую шляпку. Альфред, шофер местного теннисного клуба, сказал решительно:

— Мадам, мы обязаны возвратиться. Такую шляпку нельзя забывать.

И теперь, встречая наших теннисисток в Лё-Туке, Альфред неизменно справляется:

— Как здоровье мадам? Как ее шляпка?

14. Попроси Морозову вспомнить последовательно самые лучшие ее матчи, она начнет с того, что расскажет о трех поражениях...

1970 год. Парижский стадион «Ролан Гаррос». Во втором круге открытого первенства Франции она встречается со знаменитой австралийкой Маргарет Корт. Оля играет дерзко, короткими мячами вызывая Корт к сетке, где та не знает равных, и идеально обводит ее свечами. Найдя эту игру чисто интуитивно, Оля берет первый гейм и долгое время ведет во втором.

Выиграй, она еще один мяч, и у нее был бы матчбол! Этого не случилось, но учтите, что в тот год во всех четырех турнирах «Большого шлема» (чемпионаты Австралии, Франции, США и Уимблдон) Мар-

гарет Корт отдала лишь три сета, и один из этих трех сетов у первой ракетки мира выиграла Морозова.

1972 год. Уимблдон. За выход в четвертьфинал Морозовой предстоит играть с прошлогодней победительницей турнира — новой австралийской звездой Ивонн Гулагонг. За несколько часов до этого в Лондон прилетает Теплякова. Оля мчится за ней на машине в отель, находит её на трибуне удобное место, всю игру посматривает на нее, ища одобрения, и вокруг думают, что эта дама в темных очках и замысловатой шляпке — Олина мама.

В тот день у Морозовой все получалось. Она сразу пошла к сетке и навязала Гулагонг свою игру. В решающем сете она вела на своей подаче 5:4 и 30:15. По лицу Нины Сергеевны шли красные пятна. Но, едва позволив себе подумать о близкой победе, Оля смазала мяч слева. Они еще долго боролись, и Оля все-таки уступила. Нина Сергеевна утешала рыдающую Олю, говоря, что она была счастлива видеть такой ее матч.

1972 год. Нью-Йорк. Четвертьфинал открытого первенства США. Оля впервые встречается с юной американкой Крис Эверт, которая, не признавая никаких авторитетов, уже начала свое стремительное восхождение. Проигрывая в решающем сете 2:5, Оля так собралась, заиграла так яростно и безошибочно, что взяла четыре гейма подряд и повела 6:5. Она сделала глубокий вдох, немного расслабилась и... проиграла.

Эти три поражения создали Морозовой больший авторитет, чем целый ряд ее средних побед. Да и сама она после этих матчей поверила, что может играть на равных с ведущими теннисистками мира.

В 1972 году ряд западных специалистов, составляющих теннисную классификацию уже сочли воз-

140 возможным поставить Морозову на десятое место в мире. В 1973 году она вновь — и уже вне конкуренции — замкнула первую десятку.

В том году, играя в Куинс-клубе (турнир в Лондоне, предшествующий Уимблдонскому), Оля узнала, что ее впервые «посеяли» в Уимблдоне. Оля была ошарашена этой новостью и испытала необычайный подъем. Следует объяснить, очевидно, что в каждом турнире самых сильных игроков расставляют («сеют») так, чтобы в первых кругах они друг с другом не встретились. В тот раз Морозову «посеяли» в Уимблдоне восьмой, и это было уже признание.

В Куинс-клубе Оля доказала, что ее «посеяли» в Уимблдоне не зря. В финале она встретилась с Гулагонг.

Морозова вспоминает: «Я все время давила — играла ей под право и шла к сетке. Потом расхрабрилась и стала давать ей даже под левую руку. А слева Гулагонг так красиво играет, что только охаешь. В ее ударе слева и мощь, и вариативность, и тонкость — вся Гулагонг в этом ударе. Но я вовремя спохватилась и стала опять ей играть под право. Я выиграла первый сет, повела во втором. И вот на моей подаче у меня 5 : 4 и 30 : 15. Та же ситуация, что и год назад в Уимблдоне. И вновь, как и тогда, я следующий мяч мажу. Ровно. Неужели все повторится? Я сказала себе: нет, сейчас ты выиграешь. И выиграла».

Она успешно сыграла и Уимблдон — вошла в восьмерку сильнейших.

15. А в 1974 году, когда ей исполнилось двадцать пять, а Нине Сергеевне Тепляковой семьдесят, Ольга Морозова сделала наконец решающий рывок.

5

**В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ,
КАК ТЕПЛЯКОВА
„ДЕЛАЕТ“ ЧЕМПИОНКУ**

1. В середине марта семьдесят четвертого года Морозова отправилась в США, чтобы участвовать в цикле турниров «Вирджиния слимс», собирающих всех сильнейших теннисисток мира.

Она сразу же подтвердила свой класс: в четырех первых турнирах дважды играла в полуфинале и дважды победила в паре. В Санкт-Петербурге, например, объединившись с голландкой Бетти Стоув, она победила в парном финале Гулагонг и Эверт. По окончании этой встречи ее участницы вылетели в Филадельфию, где на следующий день начинался очередной турнир.

Оля прилетела в Филадельфию в два часа ночи, а в десять утра уже вышла на тренировку. По-настоящему выспаться не удалось — эта получасовая, и притом единственная, тренировка была заказана для нее заранее. Так жестко были регламентированы и все остальные турниры цикла.

В Филадельфии предстояло играть на «спорт-фейсе» — жестком зеленом войлоке, постеленном на деревянный пол. Это обра-

довало Олю. Два последних турнира они играли на «медленной» земле, а она любит быстрые корты. На «спорт-фейсе» же мяч отскакивает не только быстро, но и высоко — идеальное, словом, покрытие. Для всех идеальное: и для Морозовой, и для Хельги Мастхоф, с которой она встретилась в тот день.

В марте семидесятого года Мастхоф (тогда она носила фамилию Ниссен) приезжала в нашу страну и в финале Московского международного турнира победила Морозову. Тогда чемпионка ФРГ победила нашу чемпионку ее же оружием — шла к сетке, заставляя Морозову оставаться на задней линии. Позднее, в Нью-Йорке, Морозова, играя с Мастхоф, с подачи сразу шла к сетке. Но Мастхоф, завершая удар, незаметно меняет кистью направление полета мяча, и Оля, идя к сетке, никак не могла предугадать ее обводку. За четыре дня до игры в Филадельфии Оля, встречаясь с Мастхоф в Санкт-Петербурге, решила не рисковать, и опять у нее ничего не вышло.

В Филадельфии Оля сказала себе, что нельзя больше проигрывать Мастхоф — хватит. И, удачно рискуя, выиграла 6 : 2, 6 : 4.

Морозова рассказывает: «Я очень хорошо подавала, и, принимая мою подачу, она не успевала добавить кистью. А когда она шла со своей подачей к сетке, тут уж я ее обводила».

Гораздо труднее сложился для нее матч с голландкой Бетти Стоув, которую Оля обычно всегда обыгрывала... Но в семьдесят третьем году Стоув резко прибавила в классе и уже не хотела больше уступать Морозовой. Нервная получилась игра.

Морозова рассказывает: «То я вдруг сыграю блестяще, то она вдруг три раза подряд попадет в линию — так попадет, что я даже головы повернуть не успею. Когда в решающем сете у нее был матчбол,

я все равно пошла к сетке и выиграла этот сет со счетом 7 : 5».

Так, обыграв двух теннисисток первой десятки мира, Морозова вышла в четвертьфинал, где ее соперницей оказалась австралийка Элен Гурлей, сенсационно победившая до этого Ивонн Гулагонг. Но Оля к этому времени обрела то прекрасное состояние духа, когда, зная себе цену, без всяких усилий идешь впереди тех, кто тебе уже уступил дорогу. Она победила Гурлей, которую обошла в мировой классификации еще несколько лет назад, в двух сетах.

В этих турнирах Оле пришлось ломать все свои привычки. Она любит нормально выспаться, утром хорошо размяться, а в середине дня играть. В Филадельфии же, например, она играла с Мастхоф не выспавшись, а ее полуфинальная встреча с американкой Розмари Казалс началась в полночь.

Казалс старше Морозовой лишь на год, но признания добилась значительно раньше. Уже в семидесятом году она была признана третьей ракеткой мира. В том году, кстати, Морозова в паре с Метревели вторично вышла в финал Уимблдона, но в финал вышла и Казалс вместе с румыном Нэстасе, которым и досталась победа. Казалс — идеальная партнерша, и побед, добытых ею в паре, не перечислить. Казалс играет невероятно агрессивно, постоянно идет к сетке, но она целиком во власти своего настроения и после блестящей победы может вдруг провалиться.

С игроками такого высокого уровня, как Казалс, Морозова до семьдесят четвертого года встречалась лишь эпизодически, что, естественно, тормозило ее теннисное развитие (в еще худшем положении была в свое время Дмитриева). Уже в первом своем турнире этого цикла, в городе Акроне, Морозова обыграла Казалс. В Филадельфии их полуночный матч длился два с половиной часа.

Морозова рассказывает: «Зрителей было тысяч шесть, и кричали они, как на футболе. Я повела было в первом сете, но, в конце концов, проиграла его. Зрители стали меня подбадривать, кричать: «Ольга! Ольга!» Потом в игре наступил перелом. Теперь уже все болели то за меня, то за нее. И во втором сете и в третьем Казалс вела 2 : 0, но я четко принимала ее подачу и знала, что делать. Это самое важное в теннисе — в каждый конкретный момент игры знать, что делать. Я выиграла, и мы вместе пошли в душ. Казалс уже стояла в раздевалке, уже оделась, когда я спохватилась, что голову-то вымыла, а сушилку для волос не взяла. Я кричу: «Розмари, я забыла сушилку!» Она засмеялась и пошла за сушилкой. Мы жили на этих турнирах одной семьей. Во время игры могли биться насмерть, но вне площадки у нас были просто семейные отношения. Это очень приятно. Так должно быть всегда в спорте».

Ольга Морозова была «посеяна» в Филадельфии шестой, а первой была «посеяна» суперзвезда современного тенниса Билли Джин Кинг. И вот они сошлись в финале.

2. Тем временем Нина Сергеевна, не удовлетворяясь скупой газетной информацией, звонила вечерами в спортивную редакцию ТАСС, и знакомые журналисты пересказывали ей последние сообщения зарубежных телеграфных агентств о филадельфийском турнире. Но предложи Тепляковой немедленно вылететь в Филадельфию, она, пожалуй, отказалась бы. Она знала, что уже вывела Морозову в люди, а может ли она хоть на день оставить сейчас своих маленьких учениц Олю Зайцеву и Свету Черневу — в этом она не была уверена. Девочкам предстояла поездка во Львов на очень ответственные соревнования, и Теплякова, не щадя себя, занималась с ними.

Евгений Владимирович Корбут — главный тренер Вооруженных Сил, — наблюдая эти тренировки, взывал к Тепляковой:

— Отдохните вы, Нина Сергеевна. Да и девочкам пора отдохнуть...

— А мы сейчас в мяч поиграем и отдохнем, — хитрила Теплякова. — Оля! Света! Бегом в зал. Будем в мяч играть.

Помните бойца Н-ской части Е. Корбута, который в июле 1942 года выиграл вместе с Тепляковой личное первенство Москвы по теннису? А теперь инженер-подполковник Корбут является начальником тренера Тепляковой, ибо она работает уже не в «Динамо», а в ЦСКА.

Уход из «Динамо» для Тепляковой был драматичен. Все началось с того, что в середине шестидесятых годов по предложению Тепляковой старшим тренером теннисной секции московского «Динамо» была назначена Светлана Севостьянова. Теплякова считала, что молодая и образованная Севостьянова сможет привнести в работу современную методику, будет хорошим организатором. Но организационная деятельность Севостьяновой началась с того, что она уговорила Галину Бакшееву переехать из Киева в Москву, а воспитанницу секции Ольгу Морозову, которая как раз в то время бурно прогрессировала, отодвинула на вторые роли, ограничила время ее тренировок. Дело кончилось тем, что Бакшеева возвратилась в Киев, а Морозова перешла в ЦСКА.

Корбут создал Морозовой идеальные условия для тренировок, но сама Теплякова долго не решалась расстаться с «Динамо», где прошла вся ее спортивная жизнь. Отработав весь день в «Динамо», она спешила в ЦСКА, чтобы позаниматься с Морозовой. И лишь когда Севостьянова дала ей понять, что в ее возрасте пора уходить на пенсию, Теплякова позво-

146 нила Корбуту и сказала, что согласна перейти в ЦСКА.

В начале семидесятого года армейские теннисисты праздновали приход к ним шестидесятипятилетней Тепляковой. А осенью Корбут предложил Тепляковой набрать группу маленьких девочек, выразив уверенность, что она вырастит на славу советскому теннису по меньшей мере еще одну Дмитриеву и еще одну Морозову.

Первой в эту группу была принята Света Чернева. Ее привел отец, тренер по лыжам. Послушная, старательная и доверчивая Света оказалась удивительно спортивной. Привить девочке умение бороться порой труднее, чем научить ее основам теннисной техники, а Света, не зная ни слез, ни страха, уже в восемь лет готова была вести борьбу до конца.

В поисках остальных девочек Теплякова вместе с новым начальником детской школы ЦСКА Виктором Янчуком отправилась в близлежащие школы. Янчук, имея диплом математика и занимаясь в аспирантуре института физкультуры, разработал тогда уже целый ряд тестов для отбора будущих теннисисток, но высшим критерием для него была интуиция Тепляковой.

Они приходили на уроки физкультуры в первые и вторые классы и предлагали девочкам поиграть в различные игры с теннисным мячиком. И в одной из школ Теплякова сразу заметила девочку, которая, ожидая, когда ей дадут мяч, не могла спокойно сидеть на скамейке. А когда эта взрывчатая девочка обнаружила завидную гибкость и координированность, Теплякова подумала, что раз уж ее не отдали в балет или в гимнастику, быть ей теннисисткой. Девочка держалась замкнуто, настороженно. Это была Оля Зайцева.

Сама Оля так вспоминает знакомство с Ниной

Сергеевной: «К нам в школу пришли мужчина и женщина, похожая на иностранку, и выбрали меня и некоторых девочек на теннис. Нам была назначена тренировка в старом зале ЦСКА. На пороге зала нас встретила та самая женщина, которая была в школе. Ее звали Нина Сергеевна. Она стояла в спортивном костюме и внимательно, с ног до головы, нас осматривала. Мне вручили ракетку, показавшуюся мне тогда очень тяжелой. Под конец тренировки Нина Сергеевна спросила меня, понравилось ли мне играть, и я, конечно, сказала «да», хотя мне было чуть-чуть скучновато. В день следующей тренировки был сильный дождь. Мы с бабушкой думали: идти на теннис или не идти? Бабуля мне говорила: «Давай отдохнем денек», но я никак с ней не соглашалась. Я думала: как же мне не идти на тренировку, ведь Нина Сергеевна будет меня ждать. Вообще-то мне не очень нравилось в такой дождливый день ехать в ЦСКА. Я бы согласилась с бабушкой, но мне просто-напросто хотелось увидеть Нину Сергеевну».

В начале семьдесят четвертого года об Оле Зайцевой и Свете Черновой уже знала вся теннисная Москва. В мае во Львове Оля и Света должны были встретиться с сильнейшими двенадцатилетними девочками из других теннисных центров страны.

3. По всеобщему мнению, теннисистка Билли Джин Кинг входит в десятку самых знаменитых женщин Соединенных Штатов.

Перескажу легенду о Билли Джин Кинг, ибо сейчас уже трудно понять, что было на самом деле, а что придумано в угоду ее популярности.

В одиннадцать лет Билли Джин сказала маме, что цель ее жизни — стать лучшей теннисисткой мира. И вскоре ее не очень состоятельные родители были вынуждены искать дополнительные заработки,

чтобы дать дочери высшее теннисное образование. Мама, например, пошла работать только для того, чтобы обеспечить Билли Джин теннисными туфлями — она изнашивала в месяц четыре пары теннисных туфель.

Билли Джин росла в калифорнийском городе Лонг-Бич и первые удары по теннисному мячу сделала на общественных кортах городского парка. Теперь этот парк носит ее имя.

В 1961 году семнадцатилетняя Билли Джин уже выиграла Уимблдон в парном разряде. Невысокая (ее рост — метр шестьдесят два), стройная Билли Джин овладела мужской агрессивной манерой игры. Ее постоянная соперница австралийка Маргарет Корт тоже всегда идет к сетке, но отметим, что Корт атлетически сложена.

В начале шестидесятых годов, занимаясь в Калифорнийском университете, Билли Джин познакомилась со своим будущим мужем Ларри Кингом. Она изучала историю, а он биохимию. Но Билли Джин сказала Ларри, что хотела бы выйти замуж за юриста, и он перешел на юридический факультет. А вскоре Билли Джин сказала Ларри, что хотела бы оставить университет и поехать в Австралию, чтобы повисить свое теннисное мастерство. Ларри и тут согласился с нею.

В шестьдесят четвертом году она уехала в Австралию уже будучи четвертой в мире. Изменив технику ряда ударов (прежде всего подачи), Билли Джин на какое-то время потеряла былую стабильность, но риск оправдал себя — в 1966 году она впервые выиграла Уимблдон.

К весне семьдесят четвертого года, когда Морозова впервые встретилась с Кинг, ее соперница уже пять раз победила в Уимблдоне и дважды — в Флорест-Хиллсе (в этом пригороде Нью-Йорка разыгры-

вается открытое первенство США — традиционный турнир, равный по значению Уимблдонскому).

Не менее велики успехи и Маргарет Корт (в семьдесят четвертом году, родив второго ребенка, она пропустила основные турниры). Но Корт — типичная профессионалка, делающая себе теннисом имя и состояние. А Кинг приобрела популярность и как лидер движения за уравнивание прав женщин с правами мужчин в американском спорте.

— Маргарет Корт, как и Эворт, и Гулагонг, — это прежде всего — я, а Кинг — это мы. Кинг — и чемпионка и лидер, — говорит Ольга Морозова.

Кинг никогда не жила заботами обычной женщины. Холодильник в ее квартире всегда пуст, а когда они с мужем встречаются дома (это бывает не так уж часто), то идут обедать в ближайшую закусочную, где Билли Джин никто не узнает и никто не просит у нее автографов. И там они спокойно съедают свои «гамбургские котлеты».

Гораздо чаще Билли Джин и Ларри встречаются в редакции основанного ею журнала «Спортсменка» или в конторе фирмы «Теннис-Америка», президентом и главным акционером которой является Билли Джин. Эта фирма имеет в стране десятки центров, в которых ведется обучение игре в теннис. Адвокат Ларри Кинг помогает жене во всех ее начинаниях, представляя ее интересы и на различных профессиональных турнирах.

В сентябре 1973 года Билли Джин Кинг сыграла «матч века» с бывшим чемпионом Уимблдона Бобби Риггсом. Этому теннисному единоборству мужчины и женщины предшествовала оглушительная реклама, американское телевидение транслировало матч на весь мир.

Хотя Бобби Риггсу было уже пятьдесят шесть и свой последний крупный турнир он выиграл в конце

сороковых годов, но каким-то образом ему удалось сохранить и юношескую статью и юношеский азарт. Давая выход этому азарту и стремясь любым способом подогреть интерес к своей личности, Бобби Риггс всю жизнь ввязывался в самые невероятные пари. Еще в тридцать девятом году, собираясь на Уимблдонский турнир, он спросил своего друга, сколько тот ставит на его победу. Друг сказал, что один к десяти. «А в двух разрядах?» — спросил Риггс. «Один к ста». — «А в трех?» — «Один к тысяче». Риггс рискнул одним долларом и выиграл тысячу. И в дальнейшем, заключая вроде бы совсем безнадежные пари (он играл в теннис, сковав себя с партнером наручниками, играл с собакой на поводке, с ведром цемента в руке и т. д.), Риггс всегда трезво взвешивал свои шансы на успех. Он выиграл даже тот матч, когда на его половине корта стояло полдюжины стульев.

И вот Риггс учуял, что можно нажить капитал, скомпрометировав женское движение, начатое Билли Джин Кинг. Он заявил, что весь этот женский теннис ничего не стоит, что опытный стареющий теннисист обыграет любую нынешнюю чемпионку. Он послал вызов Кинг, но она не захотела с ним связываться. Тогда он начал атаковать Маргарет Корт и, в конце концов, добился ее согласия на матч. И что же? Искусно применяя обводящие свечи, резаные и укороченные удары, Риггс одержал победу со счетом 6:2, 6:1. Теперь он кричал на каждом углу, что стоит одной ногой в могиле, но ему легко удалось разгромить первую теннисистку мира...

Тогда Кинг сказала, что собьет с него спесь, и приняла вызов. Они встретились в хьюстонском зале «Астродом», вмещающем тридцать тысяч зрителей.

В первом же гейме Риггс убедился, что Кинг уве-

ренно убивает его прославленные свечи, но он продолжал бодриться, и, меняясь площадками, заключил очередное пари — поставил на свою победу десять тысяч долларов. А после того как Кинг убедительно обыграла его (6 : 4, 6 : 3, 6 : 3), Риггс все же признался, что недооценил свою соперницу. Розмари Казалс, которая комментировала матч по телевидению, была безжалостна: «Этот старик с походкой утки уже ослеп и оглох...»

Прошло полгода, и Ольга Морозова, прилетев в Соединенные Штаты, в первом же своем турнире, в городе Акроне, победила Казалс и вышла в полуфинал, но там ее ждала Кинг.

Морозова рассказывает: «Никогда прежде я с Кинг не встречалась, но, когда я смотрела ее игру, мне казалось, что она делает на корте что-то невероятное — все время горит, взрывается, — что мне в жизни такого не сделать, хотя мне и самой всегда хочется достать дикий мяч — сыграть невероятно. Я повела было 1 : 0, а затем проиграла 1 : 6, 3 : 6. Я играла неплохо, в каждом гейме боролась, но счет рос в одну сторону. Ужасное ощущение. Кинг немного меня успокоила, сказав, что моя игра ей понравилась».

4. Перед финальным матчем в Филадельфии Ларри Кинг, желая ободрить Морозову, сказал ей, что, по его подсчетам, процент попадания первой подачи в полуфинальной игре с Казалс был у нее значительно выше, чем у Билли Джин в полуфинальной игре с Вирджинией Уэйд. Морозова подумала, что вторая подача Кинг ей не страшна, что, приняв ее вторую подачу, она может сразу...

Морозова рассказывает: «И тут я себе сказала: только не думай о выигрыше. Не надо. Каждый раз думай только о конкретном мяче. Забудь, с кем иг-

раешь. Думай только о мяче — вот сейчас ты его принимаешь в правом квадрате, потом посылаешь ей под левую руку, а вновь принимая, делаешь паузу и играешь тихим кроссом и так далее. Мяч у тебя сидит на ракетке, и думаешь только о выигрыше конкретного очка. Полная концентрация.

Как и в прошлом матче, я сразу выиграла ее подачу. Неужели, подумала я, все повторится полностью? Нет, думаю, еще один гейм я должна выиграть. И тут, на своей подаче, я сыграла без единой ошибки. Первый сет я выиграла 7 : 6. В таких случаях говорят: повезло. Что ж, допустим. Кинг сломалась в первом гейме второго сета. На моей подаче мы играли, наверное, минут пятнадцать: ровно, больше, меньше, ровно... И я наконец выиграла свою подачу. Теперь я рискую, а она от волнения мажет, и первая подача у нее совсем разлаживается. Публика жаждала поначалу сенсации и поддерживала меня, но потом американцам стало жалко свою чемпионку. Установилась тишина — все огорченно наблюдали, как великая Кинг проигрывает Морозовой. И все же американцы держались очень объективно. Был такой момент. Я уже вела 3 : 0, и у Кинг было меньше. Она вышла к сетке и дала мне укороченный. Я достала мяч, сделала паузу и кинула через нее, но — аут. Зал: «А-а-а...» Дескать, достала такой хороший мяч и смазала...

Веду 5 : 1. Последний мяч. Я вижу пустое место на ее площадке. И мяч на ракетке. Надо только попасть в это пустое место. И попадаю. И все. И можно с ума сойти».

Проиграв теннисистке, которую она считает ниже себя, Кинг может сказать, допустим, что в следующий раз она ее с закрытыми глазами обыграет. Так она сказала однажды своей соотечественнице Хелдман. Но на этот раз Билли Джин Кинг отозвалась о

сопернице лестно. Самой же Ольге, едва пожав ей руку, она сказала:

— В этом году мы с тобой два раза сыграли — и хватит. Больше играть с тобой не хочу.

5. В своей возрастной группе Оля Зайцева и Света Чернева не знали во Львове соперниц. Они разыграли одиночный финал, стали сильнейшей парой, сошлись, наконец, и в финале смешанных пар. Оля Зайцева, выигравшая во всех трех финалах, была объявлена абсолютной победительницей соревнований.

В середине мая Нина Сергеевна работала с утра до ночи. Морозову она теперь готовила к поездке в Италию, Францию и Англию, а девочек — к чемпионату Москвы.

6. Открытый чемпионат Италии разыгрывается в Риме на земляных кортах стадиона «Форо Италико». На земле в теннис играют несколько медленнее, чем на траве или, допустим, на пластике. Земля притупляет отскок мяча. Хотя лучшие современные теннисисты успешно играют как на быстрых кортах, так и на медленных, но кто-то все же предпочитает траву, а кто-то — землю. Билли Джин Кинг, например, несколько раз за последние годы уступив на медленных кортах своей юной соотечественнице Крис Эвэрт, избегает теперь таких турниров, как чемпионат Италии.

Крис Эвэрт — уникальное явление в современном теннисе. Не страшась никаких авторитетов, игнорируя общепринятый стиль игры, она уже в восемнадцать лет — в 1973 году — стала второй теннисисткой мира.

Морозова рассказывает: «Крис стройна, хороша собой, похожа на фарфоровую статуэтку. Но это ма-

шина. У нее железная кисть. С одного замаха она может укоротить мяч, сыграть резаный, обвести тебя или кинуть свечу. И ты до последней секунды не видишь, что она делает. А слева, когда она, играя двумя руками, поворачивается к тебе боком, уже совсем ничего не видно. И она может хоть час держать паузу! Крис играет на задней линии, и, конечно, на траве, где Кинг творит чудеса, Эвэрт более уязвима. Но на земле за последние годы она проиграла, кажется, только два матча.

В Риме я встретила с Эвэрт в полуфинале. Я решила, что буду все время атаковать ее. Но она приспособляется ко всем твоим ударам. И ей нельзя отдавать первый мяч — она сразу же делает 30 : 0. Поэтому, боясь ошибок, я выходила к сетке только под ситуацию. Мы играли, играли, счет рос в ее пользу, и я уже не знала, что делать. Во втором сете я играла только с лёта — играла в свою игру и сломила ее. Было жарко, и перед решающим сетом она взяла перерыв, отдохнула. И опять я не знала, что делать. Если два первых гейма у нее не выиграешь, не оторвешься, — то все. Первых два гейма я не выиграла...»

Еще в семьдесят третьем году в Форест-Хиллсе Морозова и Эвэрт попробовали вместе играть пару, и у них получилось довольно удачно — лишь в полуфинале они уступили лучшей паре мира: Кинг — Казалс.

Эвэрт, как в свое время и Теплякова (меня не смущает это сравнение, ибо игра Эвэрт — это доведенная до совершенства игра на задней линии), не делает ставку на пару. У сетки Эвэрт себя чувствует не очень уверенно. Но в паре Морозова и Эвэрт удачно друг друга дополнили. Они четко поделили обязанности: Оля играет в лёта, а Крис держит заднюю линию.

Морозова и Эверт легко победили на «Форо Италико». Таким образом, Ольга Морозова второй год подряд «выиграла Италию» в паре: в 1973 году — с англичанкой Вирджинией Уэйд, а теперь — с Крис Эверт.

7. Из Рима все теннисисты перебрались в Париж, где в начале июня на кортах знаменитого стадиона «Ролан Гаррос» начался открытый чемпионат Франции.

Еще с конца прошлого века этот традиционный турнир выявляет лучших игроков мира на земляных кортах. Поэтому римский турнир теннисисты обычно рассматривают как репетицию перед «Ролан Гарросом».

Морозова и Эверт были «посеяны» в Париже в разных концах турнирной таблицы, так что они могли встретиться только в финале, что и случилось. Морозова шла к финалу блистательно — парижская пресса восторженно комментировала ее мощные подачи и агрессивную игру у сетки. И в финальной встрече она сразу пошла к сетке, но это не смутило Эверт...

Морозова рассказывает: «Каждый гейм мы разыгрывали очень долго, но последние два очка доставались ей. Крис играла стабильнее — вот в чем дело. И потом я уже убедила себя, что она «дикий» человек. Если бы нашелся гипнотизер, который внушил бы мне перед игрой в Париже, что она человек обычный, что я могу ее обыграть!..»

А вместе с Эверт Морозова стала чемпионкой Франции в парном разряде. Как и в Риме, равных соперниц им не нашлось — лишь в четвертьфинале, играя с японками Савамацу и Фукуоку (в 1975 году эта пара выигрывает Уимблдон), они немного поволновались.

Морозова рассказывает: «Мы повели в первом сете 2 : 0, и тут Крис решила, что все в порядке, и захотела поиграть у сетки. Японки сразу сориентировались и стали кидать свечки. Крис сама кидает свечки изумительно. Она владеет любыми свечами, что очень важно в паре. Ей бы остаться на задней линии и самой кидать свечи, а убивать свечи, стоя у сетки, она не очень умеет. Крис раз за разом мажет, японки играют лишь на нее, а я фактически вне игры и не знаю, что делать. Но когда мы проиграли первый сет, я убедила Крис возвратиться на заднюю линию, и все пошло своим чередом. Все уже было нормально».

Ольга рассказывала мне об этой игре, а я невольно вспоминал, как страдала Ольсен, когда в тридцать седьмом году в парном женском финале чемпионата СССР Теплякова решила играть у сетки...

Да, я вновь нашел повод сравнить Теплякову с Эверт. И дело не только в стиле игры.

Я видел, как холодно и бесстрастно Эверт подавляет своих соперниц, как четко она запрограммирована на победу. Точно так, судя по всему, побеждала и Теплякова. Она передала Морозовой все, что могла, но — как передать свой характер?

Прошу, однако, заметить, что до Ольги Морозовой никто из наших теннисистов и теннисисток не пробивался в финал одиночного разряда чемпионата Франции и никто не выигрывал этот престижный турнир в паре.

8. Морозова рассказывает: «Мы с Крис закончили свой финал на «Ролан Гарросе» и сразу помчались в аэропорт Орли. Прилетели в Лондон. Теперь нам надо было спешить на поезде в маленький город Истборн, где наутро начинался турнир, предшествующий Уимблдонскому. Мама Эверт, которая на

турнирах ограждает дочь от всех забот, и ко мне уже относилась по-матерински: подкармливала яблочками, клубничкой. А тут она усадила меня вместе с Крис в такси, и за пятнадцать минут до отхода поезда мы успели на вокзал. После игры в Париже мы еще ничего не ели, а Крис говорит, что съест только один сэндвич, ибо она не видит в привокзальном баре еды, полезной для желудка. И пить она ничего не будет — все эти напитки вредны тем более. «Съешь сэндвич всухомятку?» — спросила я. «Да, пить я не буду», — твердо сказала Крис. Она, конечно, потрясающе правильный человек. Если мне скажут, что нельзя есть клубнику, а Витя купит клубнику и я увижу, как красиво она лежит на столе, то я все же съем хотя бы одну клубничку. А Крис в том привокзальном баре ко всему прочему отчитала миссис Эверт, которая взяла себе кекс: «Мама, в твоём возрасте нельзя есть мучное». Миссис Эверт робко оправдывалась: «Могу же я раз в месяц?..» — «Мама, ты должна думать», — говорила Крис.

В поезде Крис читала журналы, посвященные жизни звезд. Похоже, что только такие журналы она и читает. На этот раз она изучала привычки и туалеты Элизабет Тэйлор и Омар Шарифа. А мы с миссис Эверт беседовали. Она говорила, что ее младшая дочь, шестилетняя Клэр, часто меня вспоминает. Я была в гостях у Крис — она живет во Флориде — и познакомилась с ее семьей, которую называют сейчас первой теннисной семьей Америки. Теннисный тренер Джим Эверт задался целью сделать из всех своих дочерей чемпионок. Вслед за Крис подрастает Джин, которая тоже уже играет очень неплохо. А шестилетняя Клэр, говорят, даже более одарена, чем Крис. Девочка действительно способная, она мне понравилась.

Миссис Эверт сказала мне, что каждый день зво-

нит мужу, сообщая, как играет Крис. «Эти разговоры вам дорого, очевидно, обходятся?» — поинтересовалась я. И вдруг Крис, услышав эту фразу, отложила журналы: «Мама, это действительно очень дорого». Миссис Эверт смутилась: «Но папа волнуется...» — «Что волноваться? — сказала Крис. — Первые два круга ясно, что я прохожу. Вот если проиграю, тогда звони...» Билли Джин Кинг, например, любит похвастаться, сколько сотен долларов она тратит в неделю, разговаривая с мужем по телефону. А Крис Эверт, как видите...

Она была помолвлена тогда с американским теннисистом Джимми Коннорсом и говорила мне, что, сделав в турнирах имя и капитал, мечтает вести семейную жизнь и иметь несколько детей, ибо она человек домашний и скучает вдали от дома, а поездки в Европу ее утомляют, как бы ни любила она играть в теннис.

Словом, и как теннисистка, и как человек Крис — совершенная противоположность Билли Джин.

Крис публично заявляет, что очень себе нравится. Возит с собой десять чемоданов с теннисными платьями и различными нарядами, но постоянно ходит, впрочем, в одних и тех же джинсах.

В Истборне мы играли в полуфинале. Я почти сломила ее, задавила темпом. Я выиграла второй сет и вела в решающем 3:2, но сделала только одну ошибку с лёта и все... Был в игре и момент, когда Крис послала мяч в аут, но решила, что он попал. «Как попал? — говорю я. — Вот такой аут был». Судья не согласился со мной, и после игры Крис не отходила от меня до тех пор, пока я не сказала, что не расстраиваюсь и что вообще все в порядке. Мне кажется, что она человек холодный, но со мной она часто ведет себя так, словно ей близки и мои радости и огорчения. Не могу я ее понять до конца».

9. Пока Ольга Морозова, уже на кортах Англии, продолжала выяснять отношения с Крис Эверт, Нина Сергеевна дирижировала игрой своих маленьких учениц в теннисном городке Лужников, где проходило детское первенство Москвы.

В своей возрастной группе Оля Зайцева и Света Чернева были вновь вне конкуренции. Весь год на самых различных турнирах они разыгрывали между собой финал, и порой побеждала Оля, а порой — Света. На этот раз, как и во Львове, победила Оля. Она и стала чемпионкой Москвы, а Свете досталось второе место. А среди девочек рождения 1964—1966 годов победила Таня Сафонова, которая тоже была провозглашена чемпионкой Москвы.

По настоянию Тепляковой Зайцеву и Черневу включили в сетку и более старшей возрастной группы. Она сказала девочкам:

— Я не прошу вас выигрывать. Только играйте. Играйте по-настоящему. Рискуйте. Думайте.

В одном из матчей с более старшей девочкой Оля Зайцева, проигрывая в первом сете 2 : 4, подошла к Нине Сергеевне и расплакалась:

— Я устала — жарко...

Теплякова рассердилась:

— Вышла на корт — никаких «устала». Она играть не умеет, а ты мне: «устала».

На Олю не так-то просто прикрикнуть — она болезненно самолюбива. Но Оля боготворит Нину Сергеевну — может доверить ей самую сокровенную тайну. А выслушав эту нотацию, она возвратилась на корт с совершенно сухими глазами и выиграла матч со счетом 6 : 4, 6 : 1.

В другом матче — с девочкой, которая старше ее на четыре года и намного сильнее физически, — Оля боролась за каждый мяч. К тому же дул резкий ветер, и, играя против ветра, она буквально прыгала

на мяч, чтобы вложить в удар весь еще малый вес своего тела. Она уступила лишь в трех сетах.

— Молодец, — сказал Нина Сергеевна. — Ты очень хорошо играла. И по тактике — все правильно.

А когда вслед за детским в Лужниках началось взрослое первенство Москвы, Нина Сергеевна включила Зайцеву и Черневу в турнир второразрядниц. И, лихо обыграв всех взрослых теннисисток, Оля и Света опять сошлись в финале. На этот раз выиграла Света, но Теплякова отчитала и победительницу и побежденную.

На следующий день Нина Сергеевна мне рассказывала: «Обе так хотели выиграть, что боялись рисковать и почти не выходили к сетке. Это меня не устраивает. Я им сказала: «У вас был «кач». Света победила потому, что играла все же более рискованно. Слева она поддерживает ракетку второй рукой и придает мячу такое ускорение, что может и кросс и по линии засадить почти как Эверт. Я говорю не о мощи удара, а, естественно, лишь о точности. А Оля играла вяло. И удар справа был у нее совсем не тот. После матча у Светы, конечно, рот до ушей, хоть завязочки пришей. А Оля, что мне понравилось, не заплакала. Вечером она мне позвонила. «Нина Сергеевна...» Я говорю: «Ну вот, Олечка, ты сегодня обнаружила в игре все свои недостатки. Будем их исправлять?» — «Обязательно, Нина Сергеевна, обязательно». Так что, может быть, это поражение пойдет ей на пользу. Она очень быстро все схватывает, но еще слаба физически».

После этого турнира двенадцатилетние ученицы Тепляковой Оля Зайцева и Света Чернева выполнили первый взрослый разряд. Еще раз напомним, что Ольга Морозова (правда, она начала заниматься теннисом не в восемь, а в десять лет) выполнила первый разряд лишь в пятнадцать лет.

10. Едва Морозова закончила в Истборне встречу с Эверт, как к ней подошел знаменитый законодатель теннисной моды Тедди Тинлинг («Эти Тедди Тинлинга платья — выигрыш в любом случае») и сказал, что специально приехал в Истборн, чтобы снять с нее мерку.

Все остальные создатели теннисной моды уговаривают чемпионку играть в их платьях, а Тинлинг никого не уговаривает. Еще два года назад он сказал Морозовой в Уимблдоне:

— У вас очень хорошая фигура. Не хотите ли вы играть в моих платьях?

— Конечно, — обрадовалась Оля.

Но Тинлинг больше не подходил к Оле ни на одном турнире, а лишь любезно с ней раскланивался на расстоянии, и ждал, когда она сама напомнит ему о платьях. А Оля, храня достоинство, тоже не подходила к Тинлингу. Но когда в Филадельфии она обыграла Кинг, Тинлинг сдался и сказал Оле, что к Уимблдону он непременно ей сделает пять платьев с разного цвета подкладками и к каждому платью — однотонную кофточку, на которой будут вышиты ее инициалы.

— Можно вышить также цветок, который вы любите, — Тедди Тинлинг был весь любезность.

— Я люблю гвоздику, — сказала Оля.

То время, когда Оля не знала, в чем пойти на Уимблдонский бал, давно прошло. Ей нравится быть модной, но в нарядах, как в игре, она не позволяет себе ничего лишнего.

Уимблдонский турнир, как всегда, начался в последний понедельник июня, но сразу же, как всегда, начались и дожди. Лишь однажды, в 1895 году, за весь турнир не выпало ни капли дождя. К коротким дождям здесь привыкли — корты сразу же накрываются, и, едва дождь проходит, теннисисты как ни в

162 чем не бывало возобновляют игру на сухой траве. Самый дождливый Уимблдон был в 1922 году — дождь шел семнадцать дней подряд!

Рекорд двадцать второго года на этот раз, к счастью, побит не был — в субботу выглянуло солнце. Но несыгранных матчей скопилось так много, что организаторы турнира, нарушив традицию, решили начинать игру не в два часа дня, а в двенадцать.

Морозова рассказывает: «Я ждала своего первого матча пять дней. Первый день, устав после Парижа и Истборна, спокойно отдыхала в раздевалке — смотрела телевизор, играла с Казалс в нарды. Сейчас на Западе в моде наши нарды. Я много лет просила Алика Метревели научить меня играть в нарды, но он так и не нашел времени. И, наконец, американка Казалс научила меня этой кавказской игре. Но во второй день я уже не могла играть в нарды — нервничала, ходила по раздевалке. Я боялась выйти из формы. Мы почти не тренировались. На три корта в зале Куинс-клуба каждое утро претендовали сто двадцать восемь теннисистов и девяносто шесть теннисисток, которые участвовали в Уимблдоне, — представляете?»

На третий день, посидев полчаса в раздевалке, я решила, что хватит. Рядом с кортами в Уимблдоне расположено поле для гольфа, так вот я бегала под дождем по этому полю.

Да и все теперь бегали — все боялись выйти из формы.

В эти дни Тинлинг уже принес мне первые два платья: с белой и розовой подкладкой. А потом принес платья с голубой, желтой и снова с белой подкладкой. Платья были приталенные, с бантиками. С ума сойти — какие платья! И я решила, что одиночку буду играть в розовом, а пару — в белом. Потом я уже играла пару в желтом, а в белом — микст.

Но в одиночке платье я не меняла — это плохая примета.

Наконец, в субботу я вышла на корт и за тридцать пять минут обыграла сорокалетнюю Ширли Брешер. В конце пятидесятых годов Брешер была одной из сильнейших в мире, и она очень уважаема в Англии. На такой опытной теннисистке хорошо проверить, на что ты годишься. Если играть ей под руку, она тебя так погоняет!

В тот же день я провела еще две игры: в паре — с Эверт и в миксте — с Метревели. И теперь почти каждый день я проводила по три игры и возвращалась домой, в отель «Глостер», в десять вечера. Я заказывала кусок мяса, часов в одиннадцать съедала его и еще час не могла заснуть. А если не съесть на ночь этот кусок мяса, то утром не будет сил.

Во втором круге я встретила с австралийкой Венди Пейдж. Эта девочка любит думать, что она играет, как Маргарет Корт. И действительно, в какой-то момент она может сыграть, как Корт. Но потом вспоминает, что она всего навсего Пейдж, и играет, как Пейдж. Я повела 2 : 0, но тут она вдруг осознала себя Маргарет Корт и выиграла первый сет со счетом 6 : 3. Я сказала себе: «Ты что это себя распустила?» — и взяла следующий сет со счетом 6 : 0.

В решающем сете я никак не могла выиграть ее подачу. Стала нервничать, а тут еще ветер подул страшный — надо было делать сноску на ветер. И вдруг я вспомнила, как Кинг мне рассказывала, что когда она первый раз выиграла Уимблдон, то в одном из первых кругов позволила теннисистке совсем иного класса повести в решающем сете 3 : 0. Я вспомнила это и несколько успокоилась, хотя мое положение осложнилось тем, что в решающем сете Пейдж подавала первой и уже при счете 5 : 4 ей стои-

164 ло только выиграть мою подачу — и все. Я подаю ей под левую, а она как даст двумя руками по линии — прямо в девятку. Она хорошо приняла и мою следующую подачу, мы обменялись двумя ударами, и я кинула свечу, но не очень удачно. Она подходит к мячу и ... бьет «в забор». У меня гора с плеч свалилась. А затем я выиграла наконец и ее подачу.

Весь этот матч мной владело ощущение, что чем сильнее я бью, тем сильнее она отвечает, но я никак не могла заставить себя играть немного похуже — бить послабее».

При счете в решающем сете этого матча по пяти телекомментатор сказал, что, кажется, наклеывается первая сенсация — Морозова проигрывает «несеяной» австралийке. Два года назад, когда Морозова сама была «несеяной» и едва не зацепила Гулагонг, телекомментатор тоже говорил, что наклеывается сенсация. Остается заметить глубокомысленно, что времена меняются...

Эверт, как и Морозова, тоже едва не породила сенсацию, лишь чудом спасая матч против другой «несеяной» австралийки — Хант. Дождь, прервавший эту игру, помог Эверт взять себя в руки.

В третьем круге Ольга Морозова уверенно переиграла огромную австралийку Карен Кранцке (1 метр 86 сантиметров) — теннисистку значительно более титулованную, чем Пейдж, — и вышла в четвертьфинал, где в третий раз за последние месяцы ей предстояло встретиться с Билли Джин Кинг. В предыдущем году Кинг в пятый раз выиграла Уимблдон, победив в финале Эверт, и теперь защищала свое звание.

Занятая своими матчами, Оля не успела посмотреть, в какой форме Кинг приехала в Уимблдон, как она играет сейчас. Тедди Тинлинг, которого она спросила об этом, сказал:

— Она сейчас играет здорово, но и вы играете очень неплохо.

Оля улыбнулась — она вспомнила, что Билли Джин «одевается» тоже у Тинлинга.

11. В раздевалке, ожидая вызова на корт, Кинг спрашивала Морозову:

— Как ты играешь?

— Ничего. А ты?

— Я тоже ничего.

Кинг сняла очки и, протирая стекла, как бы между прочим сказала:

— С того дня, как я проиграла тебе в Филадельфии, я похудела на десять фунтов — так много тренировалась.

И тут их вызвали на центральный корт.

Морозова рассказывает: «Я сразу отдала свою подачу, но Кинг ответила мне взаимностью. Я нервничала, но Билли Джин, как выяснилось, нервничала еще больше. Проиграв один из решающих геймовых мячей, она решила, что судья к ней пристрастен, и в чувствах зашвырнула мяч через все трибуны. Это не понравилось английским зрителям, и зрители теперь болели только за меня. Трава на корте вроде просохла, но отскок мяча был очень низкий, и я все время укорачивала. Кинг не всегда доставала мои мячи, а я все ее мячи доставала. Я выиграла в двух сетах. Кинг сказала корреспондентам, что она еще победит в Уимблдоне, и, придя в раздевалку, весело воскликнула: «Знаешь, ты кто? — и на чистом русском языке произнесла: — Дура». Я рассмеялась: «А может, ты...» — «А может, я», — согласилась Кинг и сказала, что хотела бы пойти в Большой театр, который в те дни гастролировал в Лондоне. Я позвонила директору Большого театра Кириллу Владимировичу Молчанову, который небезразличен к теннису, и он при-

166 гласил Билли Джин и Ларри на балет «Спартак».

Дополняя рассказ Морозовой, приведу слова Кинг, которые она сказала после этого матча корреспондентам: «Ольга просто умопомрачительная теннисистка и выиграла совершенно заслуженно». Кинг сказала также, что Морозова очень хорошо передвигалась и очень неудобно для нее играла с лёта.

В полуфинале соперницей Морозовой была англичанка Вирджиния Уэйд, с которой они иногда вместе играют пару. В 1973 году, напомним, они выиграли в паре чемпионат Италии. Уэйд много лет неизменно входит в десятку мира, была чемпионкой США.

Но в полуфинал Уимблдона Вирджиния Уэйд вышла впервые в жизни. Англичане воодушевились — после 1969 года, когда Уимблдон выиграла Эн Джонс, никто из их соотечественниц не пробивался даже в полуфинал. Газеты писали, что Уэйд уже обеспечен выход в финал, что Морозова для нее не соперница. До этого они встречались лишь однажды, и Морозова проиграла.

Морозова рассказывает: «Вирджиния довольно хорошо чувствует мяч и имеет невероятные физические данные. Когда она в ударе, то может обыграть, мне кажется, и Лейвера и Ньюкомба — словом, любого мужчину. Но Уэйд — это клубок нервов. Когда у нее нервный провал — это уже полчеловека. Ее уже не видно на корте.

Нас пять раз вызывали, но каждый раз начинался дождь, и мы возвращались в раздевалку. А телевидение, не зная, что показывать, переключилось на зрителей. У них спрашивали: кто выиграет — Морозова или Уэйд? Я стою в раздевалке у телевизора и слушаю, как все англичане желают победы Уэйд. И вдруг одна женщина говорит, что она из Калифорнии и хочет, чтобы выиграла Морозова. И я закрича-

ла на всю раздевалку: «Ой, девочки, где эта женщина? Я ее поцелую».

Нас вызвали в шестой раз, и игра наконец началась. В первом сете Уэйд играла бешено. Как примет с подачи, так сразу — в линию. Как подаст — навыйлет. И совершенно не ошибалась с лёта. А я была очень холодной. Бегаю, а как будто и рука не моя, и ракетка... Но я была уверена, что разыграюсь. Нельзя всю игру провести в одном бешеном темпе, в какой-то момент надо перестроиться и немного подержать мяч. А после сильных ударов трудно себя перестроить, лучше — наоборот. И действительно, отдав первый сет, во втором я уже разыгралась. А у Вирджинии, стоило ей послать очень важный мяч своим любимым кроссом справа в аут, сразу же наступил провал.

В решающем сете, продолжая следовать советам Кинг, которая подробно мне рассказала, как тактически строить игру с Уэйд, я повела 2:0. Но Уэйд опять заиграла бешено и сама повела — 4:3. И ее подача. Первый мяч она подает навыйлет — 15:0. Второй мяч мы долго разыгрываем, и, когда она вплотную выходит к сетке, я делаю невероятную паузу и кидаю такую свечку, что мяч попадает в линию. После этой моей свечки она затряслась и отдала подачу. Два последних гейма я выиграла легко — Вирджинии уже не было видно на корте».

А в финале Уимблдона Морозова, естественно, сошлась с Эверт, ибо только им было суждено делить славу на главных европейских турнирах этого лета.

В предыдущем году Крис Эверт уже была финалисткой Уимблдона. А Ольга Морозова еще никогда не поднималась так высоко. Да и никто из наших теннисисток не играл прежде даже в полуфинале Уимблдона.

Перед игрой финалистки дали короткие интервью.

Эверт сказала:

— Ольга стабильна и очень хорошо движется.

Морозова сказала:

— Если Крис утверждает, что я стабильна, то она стабильна вдвойне.

В этот главный день своей теннисной жизни Ольга, как и всегда, держалась непринужденно.

В финале она надеялась взять скоростью, но в первом же гейме, который длился, навёрное, минут десять, она поняла, что, играя по три матча в день, ужасно устала. Во втором сете Морозова даже вела одно время — 4 : 2, — и зрители, захваченные острой борьбой, не могли и представить, что одна из финалисток ежеминутно внушает себе: ты должна двигаться, поднимать свои ноги, поднимать свои руки...

Морозова рассказывает: «Все справедливо — Крис и на этот раз была сильнее. Какой она молодец — в девятнадцать лет выиграть Уимблдон! И прямо на корте я поцеловала ее. Потом мне сказали, что за всю почти столетнюю историю Уимблдона проигравшая финалистка впервые поцеловала свою соперницу. Ну и что? В тот момент я была ею восхищена»...

Но уже в раздевалке Ольгой овладели совсем иные чувства, и Крис, понимая ее состояние, ближайшие два часа избегала встречаться с ней.

Наш тренер Шамиль Тарпищев говорил Морозовой, что на этот раз она играла с Эверт даже лучше, чем в Истборне. Но она лишь повторяла, что если бы отдохнула перед финалом хотя бы день, то лучше бы бегала — это еще не значит, что она обыграла бы Крис, но уж, во всяком случае, была бы больше довольна своей игрой.

А через два часа Эверт подошла к Морозовой:

— Ты готова?

— Готова.

И они отправились играть с Ивонн Гулагонг и американкой Маргарет Майкл парный полуфинал.

Морозова рассказывает: «Крис вроде бы старалась. И я тоже вроде бы старалась. Но в этот день — после всего, что случилось, — нам было как-то неловко рядом стоять на площадке. Мы были очень внимательны друг к другу: когда в конце первого сета у меня пошли перед глазами круги и я перестала сообщать, где мяч, Крис подкрепила меня шоколадкой. Во втором сете, однако, мы уже едва скрывали друг от друга, что исход матча нам безразличен. Мы могли бы выиграть у Гулагонг и Майкл, но... на следующий день...»

В девять часов вечера, в третий раз выйдя на корт (Морозова и Метревели встречались с австралийской парой Гурлей — Фрезер), она уже была спокойна. Даже слишком спокойна.

Морозова рассказывает: «Мы с Аликом уже дважды пробивались в финал Уимблдона, но на этот раз нам не повезло... Алик прекрасно понимал мое состояние. Саму игру я не очень-то помню, а вот как Алик был ко мне внимателен, помню...»

А на следующее утро Ольга ощутила, что могла бы сейчас удить рыбу, мыть окна, печь пироги — все что угодно, лишь бы не было тенниса. Она так и не смогла себя заставить пойти на мужской финал, в котором победил американец Джимми Коннорс.

Она ходила по Оксфорд-стрит и выбирала друзьям и родным подарки. Ее узнавал каждый прохожий, а продавщицы просили автографы.

12. Как Нина Сергеевна Теплякова «делает» чемпионку? Быть может, она владеет некоей тайной, неизвестной другим теннисным тренерам?

Она приходит на работу за час до начала занятий: переодевается в тренировочный костюм, все при-

170 готовит, настроится и ждет детей. Морозова говорит: «Такого не было, чтобы я приехала на тренировку и не увидела Нины Сергеевны. Она и меня приучила всегда и все делать вовремя. А на соревнованиях, когда необходима внутренняя собранность, очень важно, чтобы все у тебя было четко, разложено по полочкам».

У нее не бывает безликих учениц — в каждой из своих девочек она всячески поощряет индивидуальные особенности. Дмитриева говорит: «Нина Сергеевна всегда держала меня в рамках правильной игры, своих основных принципов, но никогда ничего не навязывала».

Уже с первых занятий она учит не только технике, но и тактике. Корбут говорит: «Многие тренеры сначала заставляют своих учеников заучивать удары слева и справа на месте, а уж потом в движении. И такой игрок часто не может связать два-три удара, а Теплякова обязательно кинет мяч в сторону и заставит девочку, которая еще только делает первые шаги в теннисе, ударить по мячу в движении, как это бывает в игре».

Она мгновенно впитывает современные веяния. Когда Морозова прилетает с очередного зарубежного турнира, Нина Сергеевна всегда ее спрашивает: «Что нового?» Оля расскажет, допустим, что Кинг придумала особую разминку, сразу вводящую в игру. «Я поставлю с тобой Зайцеву, — говорит Теплякова, — и ты ей покажешь». А помните, как, став тренером, она начала учить игре с лёта? В ее возрасте люди обычно консервативны, цепляются — пусть даже неосознанно — за вкусы, привычки и представления своей молодости. Но Теплякова в этом смысле — вне возраста. Такой пример. Когда у нас только что появился твист, даже люди среднего возраста не сразу приняли этот танец — было модно клеймить

твист. А Теплякова, попросив своих девочек научить ее твисту, сказала, что этот замечательный танец должны уметь танцевать все теннисисты, ибо он идеально раскрепощает мышцы.

И, наконец, она учит своих девочек не только выигрывать, бороться за каждый мяч, но и учит их честности, бескорыстию. Корбут говорит: «Нина Сергеевна ведет подвижническую работу со своими ученицами. Она — педагог, воспитатель в самом высшем смысле этого слова».

Эти человеческие и тренерские достоинства Тепляковой общеизвестны. Можно добавить еще, что она и сама работает и умеет заставить работать своих учениц «через не могу», что новых учениц она уже через год испытывает в соревнованиях, на что решаются далеко не все тренеры.

Все это, вместе взятое, создает облик образцового тренера. Так надо ли искать еще какую-то тайну, чтобы объяснить успехи Тепляковой? Надо, ибо Нина Сергеевна Теплякова не только образцовый, но и единственный в своем роде теннисный тренер. В чем же эта ее единственность?

Возвратимся к тем дням, когда Теплякова сама играла. Как вы помните, она довольно долго совмещала теннис с работой в мюзик-холле в ансамбле Голейзовского «30 герлс». Как и все танцовщицы ансамбля, она каждое утро полтора часа занималась балетным классом, а потом три часа репетировала. В дни теннисных соревнований Голейзовский с большой неохотой освобождал Теплякову от спектаклей (Нина Сергеевна вспоминает, как однажды, умоляя Голейзовского, она разрыдалась), но заниматься классом, если турнир проходил в Москве, она была обязана, как обычно.

Тепляковой нравилось начинать турнирный день у балетного станка. После этого, выходя на корт, она

ощущала в ногах необычайную легкость, и ее игра обретала безошибочный ритм. Ее «выворотные» балетные ноги (готовясь к приему мяча, она невольно становилась во вторую позицию) поначалу забавляли теннисных зрителей, но зрители быстро полюбили ее и нарекли Балеринкой.

Когда же в середине тридцатых годов Теплякова перестала работать в мюзик-холле, она сразу ощутила, как не хватает ей ежедневного балетного тренажа. Она начала — впервые в жизни — заниматься физподготовкой и удивилась: как могут теннисисты удовлетворяться такими малыми нагрузками? Она попробовала увеличить эти нагрузки — стала больше бегать и прыгать через скакалку, — но ноги ее, грубея, начали терять былую мягкость. И тогда она вернулась к балетным упражнениям, делая их по утрам и около стенки, и на середине комнаты.

Та система физподготовки, которая сейчас предлагается теннисистам, обоснована и современной наукой и практикой. Столь же солидно разработаны и методика тренировок, обучение различным элементам техники. Теннисистов воспитывают молодые тренеры, имеющие высшее спортивное образование. Но чемпионкой по-прежнему — уже более двадцати лет — готовит бывшая балерина Теплякова. Следуя собственному опыту, она привнесла элементы балета в физподготовку.

— Мне надо, например, чтобы девочка не просто приседала, а приседала мягко, — говорит Нина Сергеевна. — Где можно взять такое упражнение? Только в балете. Мягко, медленно приседаешь в *demi-plié*.

К сожалению, у нее никогда не было условий, чтобы делать с девочками под музыку настоящий балетный экзерсис: сначала разогреть их у станка, а затем, выйдя на середину зала, предложить им более сложные комбинации. Она убеждена, что экзерсис

позволит в кратчайший срок развить у юных теннисисток чувство ритма, сделать их безукоризненно координированными.

Теплякова же ограничивается тем, что до или после тренировки где-нибудь в уголке зала или даже в коридоре выучивает с девочками отдельные балетные движения, которые, по ее мнению, более всего полезны для тенниса — *pas assamblé, pas jeté, pas glissade...*

Но уже на тренировке она работает как настоящий балетный педагог, который всегда говорит «под ноги», без конца поправляя учеников во время комбинации. Любое движение своей ученицы на корте она как бы воспринимает двойным взглядом: балерины и теннисистки. Она стоит сзади и день за днем, месяц за месяцем, не устает повторять одни и те же замечания.

— Нина Сергеевна не успокоится, — говорит Дмитриева, — пока тот совершенный рисунок движений, который она мысленно видит, не передаст своей ученице, не заставит ее мышечно запомнить ощущение правильного движения.

Вот почему ее ученицы никогда не натываются на мяч и делают удар всегда своевременно.

Паузу перед ударом по мячу Нина Сергеевна ощущает, например, как паузу перед балетным прыжком: раз, два, три и-и-и... Эту точность ощущения она и сумела передать Морозовой, которая славится умением делать паузу перед ударом (вспомните ее игру с Уэйд в Уимблдоне).

Обогадив теннис балетом, Теплякова и создала свою школу. Слово «школа» смутит Нину Сергеевну. Она скажет, что обращается к балету чисто интуитивно, что до сих пор не выстроила свою систему, а коли нет четко продуманной системы, то нельзя говорить о школе. Но, заручившись поддержкой Анны

174 Дмитриевой и Ольги Морозовой, я не соглашусь тут с Ниной Сергеевной.

Так, став тренером, Теплякова свела наконец воедино две линии своей жизни — балет и теннис.

13. В конце августа семьдесят четвертого года Морозова отправилась на открытое первенство США — она была «посеяна» в Форест-хиллсе третьей (вслед за Кинг и Эверт). Но сначала, минуя Нью-Йорк, она полетела в город Ньюпорт, находящийся близ Бостона, где проводился небольшой турнир, в котором играла и Эверт.

Они сразу же договорились, что будут вместе тренироваться.

Морозова рассказывает: «Мы уже заканчивали первую тренировку. Крис сказала: «Играем последний мяч» — и подала мне под левую. Я ей кидаю свечу, она отвечает мне смешем под лево, я снова кидаю свечу, она бьет мне под право, я делаю дикий рывок и... оказываюсь на земле. Боль в ноге адская, и я кричу благим матом. Казалс, которая находилась поблизости, поначалу решила, что я так смеюсь. Я уже не кричу, лежу тихо, а Казалс стоит надо мной: «Я тебе говорила, не надо сегодня тренироваться». И действительно, когда я шла на корты, то встретила веселую Казалс, которая принялась убеждать меня, что нельзя каждый день тренироваться, что лучше поиграть на гитаре... И теперь она стоит надо мной, а я уже пытаюсь улыбнуться: «Рози, ты, как всегда, права».

Появляется «скорая помощь» — мне надевают на левую ногу чулок, кладут лед и везут в госпиталь. Тут же делают снимок: трещины, к счастью, нет, но — сильное растяжение! Словом, из госпиталя я выхожу на костылях. В тот же вечер по телевидению передали, что я получила травму, и мне позвонил Ме-

тревели, который в это время играл маленький турнир в городе Оранже. «Оля, у тебя что — ногу отняли?» — слышу голос Алика. «Да, — отвечаю, — слегка ампутировали».

В Ньюпорте Оля жила в частном доме — у одного из членов местного теннисного клуба — на самом берегу моря. Два дня она поднималась по лестнице, к себе на второй этаж, на коленях, а вниз съезжала присев на перила. Через два дня турнир завершился, и вместе с Эверт, Казалс и остальными теннисистками она полетела в Нью-Йорк. В местном аэропорту Оля бросила костыли и шла к самолету, уже потихонечку наступая на левую ногу.

В нью-йоркском аэропорту, спускаясь по мраморной лестнице, она стала прыгать на одной ноге, поскользнулась и упала. Но все обошлось. Крис, помогая подняться Оле, отчитала ее:

— Прекрати прыгать. Нам пару играть, а ты здесь прыгаешь.

В Нью-Йорке она поехала в советскую миссию к врачу. Тот сказал, что ни о каком турнире не может быть и речи:

— Вам надо лежать и делать горячие ванны.

Тогда она поехала к американскому врачу, который обслуживал турнир в Форест-хиллсе. Этот врач ей сказал:

— Лежать, ногу кверху и делать холодную ванну.

Метревели тоже уже прилетел в Нью-Йорк и вечером, в отеле, Оля спросила его, что ей делать?

— Пять минут держи ногу в холодной воде, — сказал Метревели, — и пять минут в горячей. А завтра посмотрим.

На следующий день Оля вышла на корт, но убедилась, что бегать совсем не может. В раздевалке кто-то окликнул ее. Она обернулась и увидела, что к ней спешит Мария Буэно.

Бразильянка Мария Буэно в свое время была кумиром Морозовой. Еще девочкой она знала со слов Дмитриевой, что никто не играет так вдохновенно и артистично, что теннис Буэно — это балет на корте. А в шестьдесят пятом году Аня показала ей в Уимблдоне Буэно, и Оля сама увидела, как Буэно гнется при подаче тростиночкой и гармоничный кнутообразный замах завершает резким щелчком. В шестьдесят девятом году Мария Буэно оставила теннис, и Оля удивилась теперь, увидев ее с ракеткой в раздевалке Форест-хиллса.

Морозова рассказывает: «Тридцатипятилетняя Буэно стала мне говорить, что она решила вернуться, но ее не хотят включить в сетку одиночного разряда и предлагают играть только пару и микст. Она мне жаловалась — чуть не плакала. Меня убило, что великая Буэно ведет себя так униженно. Если ты уходишь, то надо, наверное, уходить навсегда. Хотя я могу понять, что все это не так просто...

И уж я совсем растерялась, когда Буэно попросила меня, чтобы я взяла ее в пару. Я сказала, что, конечно, сыграла бы с ней, если бы не договорилась уже играть с Эверт. А потом сказала, что у меня нога растянута и, может быть, я совсем не смогу играть. Вскоре Буэно мне позвонила в отель и спросила, не спала ли у меня опухоль на ноге? Я сказала, что есть опухоль. Она спросила: «А боли?» Я сказала, что есть боли. «Значит, вы играть не будете?» — спросила Буэно. Я сказала, что, может быть, все же попробую. Дело в том, что ее обещали вроде бы включить в одиночный турнир, если я откажусь. Она еще несколько раз мне звонила, и наконец я ее обрадовала, сказав, что играть не буду. Но в одиночный турнир Буэно все равно не включили, а мое место отдали совсем молоденькой и подающей надежды американке».

Морозова же провела турнир на трибуне и наблюдала бесстрастно, как Гулагонг, победив Эверт, уступила в финале Кинг.

14. Нина Сергеевна как наседка оберегала Олю, пока она приводила в порядок свою травмированную ногу.

— Если послать Морозову на чемпионат страны, то, я думаю, что пару хотя бы она сыграет. Надо же ей входить в форму, — говорил Корбут.

— Она и в Москве прекрасно войдет в форму, — упрямылась Теплякова.

— Да я не настаиваю.

— И правильно делаете.

15. В декабре, едва залечив ногу, Морозова отправилась в Австралию. Для Морозовой и Метревели уже стало традицией — новый сезон начинать в декабре на кортах Австралии.

К декабрю, как всегда, уже были подведены теннисные итоги 1974 года, и стало известно, что Морозова названа четвертой ракеткой мира — вслед за Эверт, Кинг и Гулагонг. Но, как бы споря с составителями мировой классификации, Морозова, трижды встретившись в Австралии с Гулагонг, в двух матчах победила ее.

Морозова проиграла Гулагонг лишь в ее родном городе — в Сиднее. Ивонн Гулагонг, отец которой абориген (на языке австралийских аборигенов ее фамилия включает целый пейзаж: «Высокие деревья и тихая вода»), с десяти лет воспитывалась в Сиднее в семье знаменитого тренера Эдвардса, который и открыл в ней великие теннисные способности. В декабре семьдесят третьего года родители Гулагонг специально приехали в Сидней, чтобы посмотреть наконец, как играет их дочь в теннис. Но, повредив но-

178 гу, Ивонн проиграла в финале огромной Кранцке (помните, Морозова встречалась с ней летом — в Уимблдоне?). А отцу Ивонн больше не пришлось увидеть свою дочь на корте — вскоре он погиб в автомобильной катастрофе.

Так вот, проиграв Гулагонг в Сиднее, Морозова победила ее в Перте и в Аделаиде.

Финальным матчем Морозовой с Гулагонг в Аделаиде, на открытом первенстве штата Южная Австралия, я и хочу закончить обзор самого лучшего года в спортивной биографии славной ученицы Нины Сергеевны Тепляковой.

Морозова рассказывает: «Мы играли в убийственную жару. Но Ивонн, словно не ощущая жары (она же аборигенка), держалась на площадке легко. Она всегда играет легко. Да и в жизни она человек удивительно легкий: светит солнце — Ивонн радуется, дождь идет — тоже радуется. В первом сете, как ни странно, и я не очень-то ощущала жару. Я проигрывала 2 : 5, но не расстраивалась. В последнее время у меня это как традиция — собираюсь в первом сете лишь при счете 2 : 5. И на этот раз я как-то сразу вдруг собралась — стала играть четко, без ошибок. И вот я уже хорошо бегаю, и первая подача идет — все прекрасно. Я выиграла первый сет — 7 : 6.

И второй сет начала неплохо, но тут-то я и почувствовала жару. Странно, что ноги вроде бы бегают, как и прежде, а голова совершенно не соображает. Мне казалось, что мои мозги начали плавиться. Волосы встали дыбом. А играть в панамке я не могу. Если даже я заколю панамку, во время смеха она свалится, а, если даже не свалится, боязнь этого все равно будет держать меня в напряжении. Во втором сете я так перегрелась, что меня уже бил озноб. Все это могло завершиться солнечным ударом. Чувствуя, что не могу больше играть, я побыстрее отдала этот

сет, и перерыв спас меня. В перерыве я приняла холодный душ и повязала шею мокрой косынкой.

Гулагонг, кстати, с самого начала играла в косынке, а меняясь площадками, смачивала ее в баке, набитом льдом, который стоял около корта. Эта косынка, повязанная под самый затылок, охлаждает кровь, идущую в голову. Чисто медицински я, может быть, выражаюсь не точно, но, во всяком случае, мокрая косынка спасает от перегрева. В подобную жару все австралийцы играют в косынках. А если бы не было этой косынки, то хоть вешайся.

В любом сете против Гулагонг очень важно хорошо сыграть первые геймы, в которых она всегда рискует. Если сдержишь этот ее шквал, то игра перейдет в нормальное русло. Это не значит, что Гулагонг сникнет,— она может так тебя обвести, что дух захватит. Но, сбив ее шквал, ты уже можешь сама творить. Я опять заиграла, как в первом сете при счете 2 : 5, только теперь уже я повела 5 : 2. Она отыграла несколько матчболов, но в конце концов я довела матч до победы».

Так под занавес этого года Ольга Морозова сделалась чемпионкой штата Южная Австралия.

16. И, наконец, я хочу рассказать, как 15 января 1975 года в Большом зале Центрального Дома литераторов на праздновании семидесятилетия Нины Сергеевны Тепляковой известные артисты, спортсмены, писатели, стремясь превзойти друг друга в изобретательности, затеяли настоящий турнир в ее честь.

Игорь Владимирович Ильинский заявил, что он тоже считает себя учеником Тепляковой, и вспомнил, как в тридцатые годы она дала ему в Гагре хороший урок тенниса...

— Мной до сих пор владеет жажда реванша! — воскликнул Ильинский.

Теплякова не растерялась и, подыгрывая Ильинскому, воскликнула, в свою очередь:

— Я принимаю вызов.

Ильинский прочитал «Поросят» Маршака, адресуя их молодым теннисистам, и, поцеловав Тепляковой руку, покинул сцену.

Ольга Морозова, выступая от имени учениц Тепляковой, так волновалась, словно играла с Крис Эверт. Нина Сергеевна для Оли как мама, и она сказала об этом, преодолев, наконец, смущение, всему залу.

Андрей Петрович Старостин вручил Тепляковой адрес и подарки от «Спартака». Он заметил, что спартаковцев несколько миллионов и что ему пришлось выдержать серьезную схватку, чтобы пробиться на эту сцену.

Целуя Теплякову, Старостин публично признался:

— Я смотрю на вас, Нина Сергеевна, и по-прежнему вижу вас той юной балериной, в которую я был безответно влюблен.

Тогда и Теплякова решила признаться:

— Наконец-то хоть в семьдесят лет, но я дождалась, что меня целует Андрей Старостин.

А затем сценой завладела Мария Владимировна Миронова.

— Дорогая Ниночка, — сказала она, — я помню, как мы вместе работали в мюзик-холле. Да и потом я всегда страшно гордилась, что знакома с тобой — с такой великой чемпионкой. Я хочу пожелать, чтобы твои воспитанники были на корте артистами, а не только мастерами. На эстраде у нас сейчас полно мастеров, а артистов мало. Но мы-то с тобой знаем, что везде и во всем сначала надо стать артистом...

Прочитав свой первый «Телефонный разговор», с которым она выступала еще в двадцать восьмом го-

ду, Миронова развернула большой лист и огласила такой приветственный адрес: 181

— «Дорогая Ниночка! Наш адрес... (далее следовал домашний адрес Мироновой и Менакера). По этому адресу мы всегда рады и счастливы тебя видеть».

Евгений Владимирович Корбут сказал, что приход Тепляковой в ЦСКА был большой честью для армейских теннисистов и что они отпустят ее на пенсию не раньше чем после столетнего юбилея.

Состязаясь со Старостиным, Корбут тоже признался публично:

— Я люблю Нину Сергеевну. Ее обаяние, доброта, мудрость...

Так длился сей прекрасный турнир.

МАТЧБОЛ, ИЛИ ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Излагая историю Нины Сергеевны, я не счел возможным опустить те подробности, рассказывая о которых, она неизменно предупреждала меня: «Это, как говорится, не для печати...»

Но, ознакомившись с рукописью, Нина Сергеевна сделала лишь несколько мелких фактических замечаний.

Я осторожно спросил:

— И больше вас ничто не смущает?

— Вы обманули меня! — воскликнула Нина Сергеевна. — Но я вас, как говорится, великодушно прощаю.

Она вспомнила, как в былое время, в горячие турнирные дни, не особенно церемонилась со своими близкими — заставляла их полностью принаравливаться к тому жесткому спортивному режиму, которому сама следовала. Так и я, по ее мнению, чтобы

182 полностью реализовать свой замысел, вправе был использовать в книге любой материал, который смог добыть.

А если продолжить это сравнение — книги с теннисным матчем, — то в таком случае сейчас у меня матчбол: предстоящие заключительные абзацы равны тому мячу, которым можно закончить игру. И я вроде придумал, как разыграть этот последний мяч...

В тот вечер — 9 марта 1976 года — Дворец спорта в Лужниках целиком заполнили непривычно сдержанные для здешних трибун зрители.

Шел второй день теннисного матча СССР — США. На многокрасочный синтетический ковер, уложенный посреди арены для игры в теннис, вышли Билли Джин Кинг и Ольга Морозова.

После того как в семьдесят пятом году Билли Джин в шестой раз победила в Уимблдоне (я был в те дни в Лондоне и видел, как Морозова, Эверт и Гулагонг не могли выдержать яростный натиск Кинг), она была окончательно признана величайшей теннисисткой современности. И теперь представлялось, что в каждом ее движении можно высмотреть высший теннисный смысл. Тысячи глаз впились в Билли Джин, едва она вышла на корт.

А в это время Анна Дмитриева, спортивный комментатор Центрального телевидения, ведя репортаж об этом матче, вспоминала, как в 1962 году восемнадцатилетняя Билли Джин, еще далекая от своей сегодняшней славы, впервые играла в Лужниках и Оля Морозова, как и другие девочки Нины Сергеевны, подавала ей мячи. А теперь, продолжала Дмитриева, среди девочек, подающих мячи Кинг и Морозовой, новые ученицы Нины Сергеевны...

Так понимаете, почему я избрал этот эпизод для завершения книги? Теплякова тихо сидела на трибу-

не, но именно к ней тянулись все нити того грандиозного теннисного представления, которое разворачивалось на арене Дворца спорта.

Телерепортаж вела ее Дмитриева, с шестикратной чемпионкой Уимблдона играла на равных ее Морозова... А мячи подавали ее Света и Оля, в тринадцать лет уже включенные в сборную страны... Подавали мячи и ее Лена, Таня, а также другая Оля...

Нина Сергеевна металась: ей надо было успеть и обвести Билли Джин, уже бегущую к сетке, и подбрать этот мяч у фона... Да, она себя видела в этой игре и девочкой, подающей мячи. Каждый раз вместе с такой вот девочкой ее теннисная жизнь начинается наново.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Игорь Ильинский. Слово о Нине Тепляковой.	5
Глава 1, в которой рассказывается, как Теплякова любила танцевать.	23
Глава 2, в которой рассказывается, как Теплякова всех побеждала.	50
Глава 3, в которой рассказывается, как Теплякову унесли с корта.	82
Глава 4, в которой рассказывается, как Теплякова искала свою лучшую ученицу.	109
Глава 5, в которой рассказывается, как Теплякова «делает» чемпионок.	141
Матчбол, или Вместо заключения.	181

Юрий Леонидович Зерчанинов

ИДИ НА КОРТ

Заведующая редакцией З. В. Дворцева я. Редактор Н. Я. Сусл ова. Художник Валетов. Художественный редактор Б. Л. Резни ков. Технический редактор Л. В. Туркова. Корректор Л. В. Чер нова.

А 03711. Сдано в производство 5.X 1976 г. Подписано к печати 19.I 1977 г. Бумага тип. № 2. Ф-т 70×108¹/₃₂. Печ. л. 5,75. Усл. п. л. 8,05. Уч.-изд. л. 7,95. Тираж 50 000 экз. Издат. № 5234. Цена 48 коп. Зак. 7-169.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжно-торговли, 103006, Москва, К-6, Каляевская ул., 27.

Книжная фабрика «Коммунист» РПО «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, ул. Энгельса, 11.

Цена 48 коп.

В 1977 году в издательстве «Физкультура и спорт» в серии «Сердца, отданные спорту» выходит

МАРЬЯНОВСКИЙ В. А. Уйти, чтоб остаться.

Константина Реву называли по-разному: «король воздуха», «сердце команды». Восьмикратный чемпион страны, двукратный чемпион мира и Европы, кавалер ордена Трудового Красного Знамени — таковы звания и награды этого выдающегося спортсмена. О его вкладе в развитие советского и мирового волейбола, о его товарищах, наставниках и соперниках рассказывает книга, рассчитанная на массового читателя.

